Файзулла Исхаков

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В ТУРКЕСТАНЕ (1867-1917 ГГ.)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РЕСПУБЛИКИ
УЗБЕКИСТАН ПО НАУКЕ И ТЕХНИКЕ

ТАШКЕНТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ф. ИСХАКОВ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В ТУРКЕСТАНЕ (1867 - 1917)

Ташкент
Издательство «Фан» Академии наук Республики Узбекистан
1997

Данная монография посвящена исследованию практики осуществления национальной политики царизма в Туркестане (1867—1917 гг.), объективному выявлению и обобщению опыта жизнедеятельности коренных народов Узбекистана и, отчасти, всей Центральной Азии в тот период их истории.

Для широкого круга читателей, интересующихся различными аспектами социально-политического и экономического развития в период колониального господства царизма в Туркестане.

Ответственные редакторы:

академик Академии наук Республики Узбекистан Б. АХМЕДОВ;
член-корреспондент Академии наук Республики Узбекистан Н. ИБРАГИМОВ

Рецензенты:

Центр новой истории Узбекистана Академии государственного и общественного строительства при Президенте Республики Узбекистан;
доктора исторических наук А. ЮЛДАШЕВ, М. БАБАХОДЖАЕВ

И $\frac{0503020300—з—204/97}{M\ 355(04)—97}$ — Рез.97

© Издательство «Фан» Академии наук Республики Узбекистан, 1997 г.

ISBN 5—648—02515—7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обретение Узбекистаном национально-государственной независимости положило начало новой эпохи в истории его народа. Позади остались, но не забылись, полувековой колониальный гнет и почти 75-летнее пребывание народов центральноазиатского и ряда других регионов в условиях жестко политизированного, унитарного советского государства.

Распад СССР, крушение монопартийной политической системы и идеологии, явно однобоко отражавших национальные и общечеловеческие ценности, как известно, сопровождались провозглашением независимых государств на огромном постсоветском пространстве и становлением их как полноправных субъектов мирового сообщества, сделали возможным подлинно национальное возрождение прежде этнически обезличенных многих народов, их заинтересованное обращение к своему давнему и недавнему прошлому. И это потребность не только современности. Известно, что еще с давних времен высоко ценилось знание истории. Так, замечательный поэт XIII века Шахобиддин Мухаммад ан-Насави утверждал:

Кто в сердце своем историю не хранит,
Тот и не человек, и не ученый,
Но кто познает свое прошлое,
Тот намного обогатит свою жизнь.

Восстановление исторической памяти, которая сама по себе позитивно избирательная, способствует росту национального самосознания каждого народа, плодотворному использованию и обогащению материального и духовного наследия предыдущих поколений, постижению путей и методов социально-экономического и культурного прогресса.

В условиях независимого национально-государственного развития многонационального Узбекистана формирование новых общественных отношений, постепенная интеграция республики в мировое сообщество и включение ее народов в глобальный цивилизационный процесс объективно предопределяют необходимость

обобщения и учета всего исторически значимого в накопленном опыте жизнедеятельности как коренных наций и народностей, так и пришлого населения, а также наиболее существенных факторов, стимулировавших или сдерживавших, деформировавших межнациональные отношения.

В этом смысле довольно много и позитивного, и негативного содержит в себе опыт развития и сосуществования наций Центральной Азии, в частности, составлявших население Туркестана, в период после его колонизации Российской империей. Колониализм есть колониализм. И кто бы ни пытался задним числом отыскать в нем или придать ему черты гуманизма, из этого ничего не выйдет. В этой связи достаточно привести некоторые краеугольные положения, раскрывающие принципы и цели колониальной политики царизма в Туркестанском крае. Российский сенатор граф К. К. Пален писал:

«Если не считать мотивов политического характера, имевших значение при завоевании Туркестана, этот край ... представлял для русского правительства двоякий интерес: 1) с точки зрения финансовой как источник государственных доходов и как новый рынок для продуктов внутреннего (т. е. российского) производства и 2) с точки зрения колониальной политики как новая область для перемещения избыточного населения из центральных губерний»[1].

Печально известный генерал — завоеватель Ташкента М. Г. Черняев (ответ на вопрос швейцарского журналиста Генриха Мозера — «Когда вы завершите русификацию?»: «Когда местное население приучится к русской водке и табаку!» (1884 г.).

Крайне шовинистически настроенный деятель русификаторской политики в Поволжье и один из авторов программ реформирования (в интересах метрополии) школьного образования и миссионерской пропаганды православия среди мусульманского населения Поволжья, Оренбургской губернии и Центральной Азии Н. И. Ильминский: «Нам нужны кандидаты (имеются в виду кандидаты из коренных национальностей в школь-

[1] Пален К. К. Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края. Материалы к характеристике народного хозяйства Туркестана. Ч. I, отд. 4. СПб., 1911, С. 496.

ные учителя и в младшие чиновники колониального аппарата—Б. А., Н. И.), краснеющие, сбивчиво говорящие по-русски, робеющие не только перед губернатором, но и перед любым чиновником» (1885 г.).

В то же время нельзя и относить на счет колониализма и основной нации метрополии все беды и напасти, пережитые коренным населением региона. И ученым, публицистам, не в меру увлекающимся размашистой, часто неаргументированной критикой событий, фактов и многих личностей колониального и советского периодов, следовало бы помнить, что, как говорил Салтыков-Щедрин, «есть нечто худшее, нежели самая худая действительность — это преднамеренная ложь на нее».

Сознавая не только научно-историческую, но и политическую важность объективного — без чрезмерных национал-патриотических эмоций и без великодержавно-шовинистических рецедивов — исследования и освещения основных аспектов этого опыта, автор настоящей работы, ставшей возможной благодаря материальному и организационному обеспечению со стороны Государственного Комитета Узбекистана по науке и технике, поставил своей целью показать наиболее существенные направления, региональные особенности и последствия национальной политики царизма, его колониальных властей в Туркестане и, отчасти, в ряде других регионов Центральной Азии в период с середины XIX века до начала 1917 года. При этом учитывалось всегда ценное методологическое положение о том, что «исторические факты ценятся главным образом по своим последствиям» (В. О. Ключевский).

Вместе с тем автор сознает всю сложность своей задачи, связанную как с односторонностью, предвзятостью оценок в относящихся к Туркестану официальных документах колониальной администрации и имперских министерств, ведомств, так и с нынешними весьма популярными, противоречивыми и зачастую неаргументированными суждениями многих центральноазиатских и российских историков, публицистов о сути и последствиях колониальной политики царизма в Центральной Азии, в частности в Туркестане. Полагаем, что данная работа послужит пополнению узбекистанской и центральноазиатской историографии истории колониального периода, но еще больше — использованию обобщаемого исторического опыта в интересах совершенствования политики

и практики развития наций и межнациональных отношений в республике и во всем регионе.

Конечно, в национальной политике российского царизма в Центральной Азии, особенно в Туркестане, преобладали откровенно великодержавные, шовинистические и русификаторские установки и цели, которые в иных формах и в несколько иной трактовке сохранились и в советский период. Эти черты и цели политики колониальных властей должным образом охарактеризованы. Но при этом автор следовал непреложному гуманистическому положению о необходимости глубоко вдумчивого, осторожного обращения с опытом и наследием прошлого, сколь бы драматичными они ни были, и исходил из того, что полезнее брать из этого опыта огонь, а не пепел и уж тем более — не сажу.

Взвешенная, реалистическая политика этносоциального, этнополитического развития всего многонационального населения республики — есть важнейший фактор обеспечения курса, который, как подчеркивал Президент Узбекистана И. А. Каримов, заключается в том, что «идя по пути создания правового демократического государства, мы сохраним и будем всемерно укреплять гражданское и межнациональное согласие, свободу мысли, совести, религий и убеждений, что является основным гарантом реализации внутренних созидательных задач. Преставители более чем 100 наций и народностей, живущих в Узбекистане, могут быть спокойны за судьбу настоящих и будущих поколений» (Правда Востока. 1992. 27 февраля).

Работа профессора Ф. Исхакова «Национальная политика царизма в Туркестане (1867—1917)» дает цельную, правдивую картину нашего недавнего прошлого.

Б. АХМЕДОВ, академик Академии наук Республики Узбекистан;

Н. ИБРАГИМОВ, член-корреспондент Академии наук Республики Узбекистан

ВВЕДЕНИЕ

В любой многонациональной стране, обретшей политическую независимость, среди важнейших проблем, требующих правового, социально-экономического и гуманитарного разрешения, наиболее сложной и неотложной оказывается проблема обеспечения цивилизованного, прежде всего равноправного, развития наций и межнациональных отношений.

Об этом свидетельствует и современная действительность всех, без исключения, бывших советских, ныне независимых республик и ряда бывших социалистических государств Восточной Европы. Как известно, в некоторых из этих государств органам власти и общественно-политическим организациям не удалось своевременно выявить и погасить негативные тенденции, прежде всего этно-социального и этно-политического характера. Эти тенденции, наряду с исторически сложившимися противоречиями в экономической и духовной сферах жизни разных народов, серьезно осложнили и еще продолжают осложнять становление их национально-государственной независимости и межнациональные отношения.

Можно утверждать, например, что многие проблемы в межнациональных отношениях, рельефно проявившиеся в Центральной Азии в последние советские десятилетия и в первые годы независимости, изначально связаны с последствиями национальной политики российского царизма и колониальных властей в этом многонациональном регионе, а затем и советско-большевистского руководства СССР, советских республик.

И потому в интересах выявления, устранения причин межнациональных (фактически социально-экономических, политических, духовных и т. д.) конфликтов, противоречий в межнациональных отношениях и в развитии наций, а также с учетом историографической потребности представляется необходимым и ценным в научно-историческом плане, практически полезным объективное выявление, обобщение опыта жизнедеятельности коренных народов Туркестана колониального периода и советского Узбекистана, да и всей Центральной Азии.

Для современного независимого Узбекистана обоб-

щение всего позитивного и негативного в накопленном историческом опыте социально-экономического и духовного развития многонационального населения является весьма актуальным потому, что без знания и учета опыта прошлого невозможно обеспечение всестороннего возрождения узбекской и других коренных наций, формирование цивилизованного общежития представителей более 130 наций и народностей, населяющих нашу республику.

Стоит особо подчеркнуть, что обращение к этой важной проблематике предопределяется и эпохальностью событий, перемен, происходящих ныне в Узбекистане, во всей Центральной Азии, других постсоветских государствах и во всем мире.

На рубеже XX—XXI веков, знаменующем собой завершение второго и начало третьего тысячелетий, перед цивилизованным человечеством довольно зримо предстают наиболее значимые события давней и недавней мировой истории. Большое место в этой истории занимает многовековой и очень богатый опыт созидания и борьбы, накопленный народами Центральной Азии.

Этот регион в свое время был одним из крупных и активных очагов мировой цивилизации, давшим миру таких корифеев науки и духовной культуры, как Абу Наср Фараби, Мухаммад ал-Хорезми, Ибн Сина, Беруни, Хаким ат-Термези, Ахмад ал-Фергани, Абдухалик Гиждувани, Ходжа Ахмад Яссави, Бахоутдин Накшбанд, Абдурахман Джами, Алишер Навои. Улугбек и основателей крупнейших централизованных государств—Мавераннахра и империи Великих моголов — Амира Темура и Бабура.

Народы Центральной Азии были творцами первого Восточного Ренессанса (конец VIII—начало XII в.) и второго (вторая половина XIV—середина XVI в.). Затем в истории народов региона наступил долгий период политического и хозяйственного спада, продолжавшегося и после образования на территории трех, постоянно враждовавших между собой, феодальных государств—сначала Бухарского эмирата и Хивинского ханства, а потом и Кокандского ханства — самого крупного по площади территории и по численности населения (к середине XIX в.).

Весьма выгодное геополитическое положение Туркестана, как в последние шесть столетий называлась

значительная часть Центральной Азии, уже ставшие известными его природные богатства и хозяйственные возможности, а также военно-политическая слабость и противоборство упомянутых феодальных государств предопределили появление еще в начале XVIII века у России и Великобритании экспансионистских замыслов и даже конкретных планов завоевания региона. К середине XIX столетия колониалистские интересы Российской империи и Великобритании в Юго-Восточной и Центральной Азии, в Закавказье настолько обострили противоречия между этими крупнейшими державами мира, что они оказались в состоянии открытого военного противостояния. «В Центральной Азии столкнулись два встречных потока экспансии. И Россия, и Англия вели наступательную политику, и при этом оба опасались друг друга»[1].

Но, в отличие от Великобритании, будучи расположенной на общем евроазиатском пространстве с уже завоеванными и намеченными к завоеванию территориями, Россия, пользуясь своим военным превосходством, родоплеменными раздорами (например, среди казахских жузов), межнациональными распрями (в частности, борьбой части кыргызского населения Ферганской долины против правителей Кокандского ханства) и, особенно, военно-политическим противоборством центральноазиатских государств, добилась вынужденного присоединения к ней назахского населения приграничных территорий, завоевания значительной части территории Бухарского эмирата, Хивинского ханства и всей территории Кокандского ханства (1876 г.).

Новая, последняя и самая богатая колония России, названная Туркестанским генерал-губернаторством и официально оформленная в 1867 году, по площади территории (1,5 млн. кв. верст) была больше, чем территории Австро-Венгрии, Германии и Франции вместе взятые. Завоевав Центральную Азию, Россия значительно расширила свои военно-политические и дипломатические позиции в мире, прежде всего среди колониальных держав, и получила ряд очевидных выгод: выход на населенное казахами и туркменами побережье Каспийского моря, к границам с Афганистаном, Китаем, Ираном; заметно приблизилась к Индии; возможность колониалистской эксплуатации природных богатств, хозяйственных и

[1] См.: История дипломатии. В 6-ти т. т. Т. II. М., 1963. С. 260.

трудовых ресурсов огромного региона. Российская империя, как отмечали ныне редко упоминаемые классики мировой политики, стала обладательницей «громадного количества украденной собственности, которую ей придется отдать в день расплаты»[1]. Правда, ей не довелось отдать «украденную собственность» народам Туркестана, поскольку начатая колониализмом практика в ряде сфер и несколько иначе продолжалась здесь и в советский период.

Вместе с тем стоит подчеркнуть — и в этом убеждают многочисленные исследования,—что за 50 лет колониального господства Российской империи в Туркестане и в зависимых от нее Бухарском эмирате, Хивинском ханстве произошло очень много перемен в жизни народов региона. Однако последствия завоевания и эксплуатации Центральной Азии Россией в советской научно-исторической и общественно-политической литературе в соответствии с идеологическими, партийно-классовыми установками освещались преувеличенно положительно и даже с откровенно великодержавных позиций. Такие далекие от подлинно научных методологических принципов исследовательские подходы препятствовали как объективной характеристике действительно прогрессивных изменений в экономике, социальной сфере и укладе жизни многонационального населения, так и выявлению, показу всего унизительного, пагубного для народов коренных национальностей, что связано с превращением Туркестана в колониальное владение Российской империи.

Подобный вывод вполне обоснованно может быть отнесен прежде всего к состоянию отображения опыта и уроков национальной политики царизма в колониальном Туркестане, равно как и большевистской национальной политики в советских республиках Центральной Азии. Во многом именно этим обстоятельством и излишне эмоциональной оценкой как позитивных, так и, особенно, негативных событий и фактов исторического прошлого объясняется то, что вот уже на протяжении нескольких лет независимости Узбекистана, других государств региона не только журналисты, публицисты, но и представители социально-гуманитарных наук опыт развития наций и межнациональных отношений в колониальном Туркестане и в советских республиках Центральной Азии

[1] См.: Маркс К. и Энгельс. Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 160.

представляют преимущественно в мрачном свете. При этом нередко отрицательные оценки и суждения довольно безответственно экстраполируются и на современное состояние местных национальностей, на проблемы совершенствования межнациональных отношений и формирования гражданского общества.

В этой связи следует отметить, что фактически по своим долговременным последствиям для менталитета узбекского и других коренных народов Центральной Азии практика их социально-экономической и духовной жизни не должна и не может характеризоваться столь отрицательно, как об этом свидетельствуют, к сожалению, многие современные публикации, в частности, в Узбекистане. Не вдаваясь в детали, укажем на явную необоснованность, ненаучность утверждений, причем слабо аргументированных, о том, что во всех сферах жизни многонационального коренного населения в колониальный период и в советские десятилетия ущербного, регрессивного было больше, нежели созидательного, потенциально весьма значимого. Нисколько не пытаясь приуменьшить серьезные отрицательные результаты и последствия национальной политики царизма в Туркестане, как и во многом великорусских, имперских установок и целей советско-большевистского режима в республиках Центральной Азии, стоит отметить, например, следующие важные для коренных народов факторы практики колониального периода: а) политические — прекращение деградирующих нации межфеодальных распрей; б) социально-экономические — появление железной дороги, фабрично-заводской промышленности, новых, более совершенных орудий труда и технологий, в частности развитие селекционного дела и богарного земледелия, индустриальных способов добычи и первичной переработки полезных ископаемых; в) культурные— расширение светского образования, научного просветительства, полиэтнического сознания и т. д.

До сих пор в узбекистанской историографии проблемы развития наций и межнациональных отношений не получило отражения понимание того, что, **во-первых,** национальная политика государства — это не односторонний, а многогранный процесс, определяемый не только интересами и волей правящих кругов, но и состоянием, спецификой уклада жизни преобладающей (по своей численности) нации или нескольких родственных

наций; **во-вторых**, коренные, судьбоносные изменения, особенно позитивные, социально-экономических, политических, а тем паче духовных условий жизнедеятельности многонационального населения происходят довольно медленно; **в-третьих**, жизнь национальностей, в частности средних и малых по численности, более консервативна (в хорошем смысле слова), чем другие сферы жизни общества, и это является одним из важнейших условий сохранения исторически сложившейся самобытности нации, особенно черт ее психического склада, этнокультурных и этнохозяйственных традиций.

В этой связи следует подчеркнуть, что эта же консервативность нации — при принципиально значимых для ее будущего изменениях (например, с обретением государственно-политической независимости, с революционной, а не эволюционной сменой общественного строя, с усилением или ослаблением давления извне и т. д.) — объективно предопределяет необходимость компетентной разработки не просто концепции развития нации, а общей, долговременной национальной программы, учитывающей новые реалии в Отечестве и за его предалами, тенденции мирового цивилизационного процесса. Все это невозможно теоретически разработать без непредвзятого, глубоко научного осмысления всего позитивного в историческом опыте существования той или иной нации, всего многонационального населения (именно позитивное составляют собой национальные и общечеловеческие ценности) и без учета уроков исторического прошлого.

Национальная политика в советской Центральной Азии, в частности в Узбекистане,— это предмет самостоятельного исследования и освещения. Что же касается сути и последствий национальной политики российского царизма в колониальном Туркестане, то, предваряя основное содержание данной работы, следует подчеркнуть, что колониальный режим сам по себе означает политическое, экономическое, социальное и духовное порабощение коренного населения завоеванной территории. И колониальные власти, и военно-полицейские органы, различные общественные, научно-изыскательские и просветительские организации, за редким исключением, служившие проводниками интересов метрополии в Туркестане, не говоря уж о российских предпринимателях, на протяжении более полувека посред-

ством все большего национального и социально-экономического угнетения народов местных национальностей, эксплуатации природных и людских ресурсов, экспроприации культурных богатств, откровенной русификаторской практики демонстрировали свою приверженность колониалистским, великодержавным целям и великорусским, шовинистическим установкам, идеям.

Не претендуя на представление всей многообразной картины жизни наций, народностей и национальных групп и всех аспектов межнациональных отношений в колониальном Туркестане, в настоящем исследовании, выполненном по заказу и при всемерной материальной помощи Государственного Комитета Республики Узбекистан по науке и технике и при организационном содействии Ташкентского Государственного Института востоковедения, охарактеризованы предпосылки российской экспансии в Центральной Азии, основные цели, направления, методы и наиболее существенные последствия национальной политики царизма в колониальном Туркестане.

Вместе с тем, не выражая своего отношения к трудам советских исследователей истории Туркестана колониального периода, отметим, что настоящая монография написана с деидеологизированных, максимально объективных позиций и на основе значительного массива материалов, прежде недоступных для ученых и потому не отраженных в отечественной и центральноазиатской историографии.

Известно также, что в советской научно-исторической и общественно-политической литературе, затрагивавшей вопросы колонизации региона Россией, последние указания на завоевание ею Туркестана, на принудительный характер присоединения ряда территорий Центральной Азии, в частности отдельных казахских ханств, и, особенно, на великодержавные, шовинистически-великорусские проявления по отношению к коренным народам колонии, в основном относятся к довоенному периоду. В послевоенные десятилетия, вплоть до конца 80-х годов и образования независимых государств на постсоветском пространстве, сколько-нибудь серьезные критические оценки роли России в жизни народов местных национальностей Туркестана и всей Центральной Азии ни в печати, ни с трибун научно-теоретических, научно-практических конференций не допускались.

Жесткий монопартийный надзор за идеологической заданностью и единственно допустимой интернационалистской (в пролетарском духе) направленностью научных исследований и трактовок опыта жизнедеятельности коренного населения Туркестана и межнациональных отношений в регионе 1867—1917 гг., не говоря уже о советском периоде, напрочь исключал любые попытки правдивого освещения не только негативных фактов и тенденций в национальной политике российского царизма, но и действительной картины национально-освободительной борьбы узбекского, казахского, каракалпакского, кыргызского, таджикского, туркменского народов против колониализма. Все это объективно наложило свой отпечаток на характер и степень отображения более чем 50-летней истории народов Центральной Азии.

Имея в виду, что хотя на территории Туркестана (Мавераннахра) за всю его многовековую историю никогда не было мононациональных государств, но наиболее активными периодами расширения национального состава его населения были вторая половина XIV—начало XV в., а также вторая половина XIX—первая треть XX столетия, необходимо подчеркнуть, что изучение и обобщение опыта и уроков национальной политики царизма, равно как и советской власти, имеет большое политическое и практическое значение.

Политическое значение настоящей работы состоит в том, что анализируемые в ней материалы и сформулированные положения, выводы, во-первых, позволяют понять (разумеется, при отсутствии предубежденности) неоднозначность последствий колониальной политики российского царизма в Туркестане. При всей своей эксплуататорской сущности и русификаторской нацеленности эта политика — в силу прочности исторически сложившегося уклада жизни, общественных традиций, духовных ценностей коренных народов, благодаря противодействию патриотически настроенного большинства интеллигенции местных национальностей и гуманистической позиции части занятой в Туркестане российской интеллигенции — оказалась неспособной лишить угнетаемые народные массы их национальных ценностей, подавить их национальное самосознание и стремление к независимости.

К тому же такие факторы, как смежность территорий Российской империи и ее колонии — Туркестана, их ис-

торически давние торгово-хозяйственные связи предопределили ряд особенностей, которые отличают характер колониальной практики здесь от политики многих других метрополий в своих колониях, в частности Великобритании в Индии. Конечно, это объясняется отнюдь не какой-то, якобы, более гуманной политикой российского царизма в отношении населения завоеванного края, а многими внутрироссийскими, внутритуркестанскими и внешними факторами. Эти факторы, до сих пор неизученные и неосвещенные в литературе, также сказались на природе национальной политики царизма и колониальных властей в Туркестане.

Осмысление этих факторов и социально-экономических, политических, духовных изменений в жизни не только коренного многонационального населения, но и пришлого, тоже многонационального (не только русского) населения, происшедших также и в советский период, служит эмпирической основой для определения наиболее существенных подходов, задач развития наций Узбекистана, других стран Центральной Азии и совершенствованию ныне серьезно деформированных межнациональных отношений во всех постсоветских государствах, что сказывается и на характере связей между этими государствами, и на масштабах, темпах их интеграции в мировое сообщество.

И если изложенные в настоящей работе научные, практические положения и выводы окажутся полезными в этом смысле, то цели ее написания можно будет считать достигнутыми. А как говорил В. О. Ключевский— крупный российский историк, историограф и сторонник усиления колониальной политики в Туркестане—«прогресс мысли в том, что достигнутую цель она превращает в средство для дальнейшей цели»[1]. Следовательно, обобщаемый в данной монографии опыт жизнедеятельности многонационального населения — коренного и пришлого — может послужить подспорьем для осуществления программ цивилизованного развития наций и межнациональных отношений в Узбекистане, других государствах Центральной Азии, ныне ставших участниками мирового цивилизационного процесса.

---

[1] Ключевский В. О. Соч. в 9-ти т.т. Т. II.—М.: «Мысль», 1988, С. 440.

Раздел I. ПРЕДПОСЫЛКИ КОЛОНИЗАЦИИ ТУРКЕСТАНА РОССИЕЙ

Глава I. ГОСУДАРСТВА И НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ К СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Общеизвестно, что задолго до утверждения военно-политического господства российского царизма в Центральной Азии между народами России и этого региона сложились довольно широкие торговые, хозяйственные связи. По мере все большего укрепления централизованного российского государства усиливались и реализовывались его экспансионистские устремления, что и предопределило его постепенное превращение из небольшого государства, еще в XIV веке называвшегося (по преимущественно занимаемой территории) Северо-Восточной Русью, а в XVI в. после покорения Сибири и Поволжья — Россией, в Российскую империю (при Петре I, 1721 г.). И внешняя политика последней вообще, но особенно в отношении государств и народов сопредельных территорий, приобрела откровенно агрессивный характер.

Даже простираясь на огромной территории — от берегов Тихого и Ледовитого океанов до Балтики, Черного моря и границ Скандинавии и Китая—в 1-й половине XIX века Российская империя то по своей инициативе, то в целях отпора враждебным государствам продолжала войны и приобретала все новые и новые территории. Так, в 1809 г. Швеция была вынуждена уступить Российской империи Финляндию, которая стала именоваться Великим княжеством Финляндским. Хотя последнее и было наделено широкой автономией, права его постоянно игнорировались и княжество фактически оставалось полуколониальным владением российской короны.

До середины того же столетия военно-политическое господство России распространилось на Польшу, Закавказье и часть территорий, принадлежавших казахам Среднего и Младшего жузов. Ради этого царизму пришлось преодолеть военное и дипломатическое противо-

действие ряда европейских государств (Великобритания, Франция, Пруссия (Германия), Швеция), Турции, Китая и сопротивление народов в основном насильственно присоединяемых регионов.

В середине XIX века Центральная Азия, раздробленная на Бухарский эмират, Кокандское, Хивинское ханства и обособленные государственные образования Старшего, Среднего и Младшего казахских жузов, уже была регионом, раздираемым, ослабляемым частыми войнами между ханствами, особенно между Бухарским и Кокандским, а также противоборством внутри ханств, казахских жузов.

Наряду с этим Центральная Азия — после российской колонизации Закавказья — стала объектом откровенных притязаний и Российской империи, и Великобритании. В действительности же, как известно, имевший давние торговые связи, дипломатические контакты и даже сношения еще с Московской Русью, западноевропейскими странами, арабским Востоком, Индией и Китаем центральноазиатский регион уже в начале XVIII века вызывал экспансионистский интерес у российского царизма и у правящих кругов Великобритании — самой крупной в то время метрополии. Поэтому стоит заметить, что известный исследователь истории российско-центральноазиатских отношений Н. А. Халфин был неправ, называя Туркестан середины XIX века «полузакрытым и несколько таинственным уголком земного шара»[1].

В этой связи подчеркнем, что авторы многих научных трудов, мемуаров, касаясь этого региона, просто не учитывали вполне обоснованные проявления настороженности, недоверия правящих кругов центральноазиатских ханств к российскому царизму и к другим более сильным государствам.

Правители, высшие сословия коренных народов региона знали и помнили о колонизационном походе Ермака (от него пострадали не только народности Сибири, но и казахи, населявшие Западно-Сибирскую низменность), о тяжелых последствиях завоевания Казани, Астрахани, о военных экспедициях А. Бековича-Черкасского (1717 г.), Н. Н. Муравьева (1819 г.) в Хивинское хан-

---

1 См.: Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии.—М.: Наука, 1974. С. 8.

ство*; знали они и об остром российско-английском соперничестве за утверждение своего, конечно же колониального, господства в Центральной Азии, особенно ее туркестанской части**.

В конце XVIII— нач. XIX вв. получили широкую известность и вызывали тревогу у многонационального населения Туркестана сведения о введенных российским царизмом фактически колониальных порядках на части

---

* Бекович-Черкасский Александр (до крещения — Давлет-бек Кизден-Мирза) —кабардинский князь. По поручению Петра I во главе 5-тысячной военной экспедиции направился в 1717 г. в Хивинское ханство для предложения хану принять российское подданство. Поход этот завершился гибелью всего отряда и самого Бековича-Черкасского.

Более искусно была организована — с одобрения Александра I и по поручению российского главнокомандующего в Грузии А. П. Ермолова — экспедиция по главе с капитаном генерального штаба Николаем Николаевичем Муравьевым в 1819 г.— для изучения нового маршрута в Хиву, «для привлечения из Хивы торговли завести на Трухменском (так в тексте—Ф. И.) берегу близ избранно нами пристени магазины для складки товаров, *обеспеча их прикрытием устроенной для сего крепости*» (курсив наш — *Ф. И.*). После встречи с Хивинским ханом Мухаммедом Рахимом, вполне обоснованно не верившим только в торгово-хозяйственные цели российской экспедиции, в декабре 1819 г. Н. Н. Муравьев возвратился к А. П. Ермолову, от имени которого он и вел переговоры. В 1820 г. Муравьев совершил вторую, более успешную поездку в Хиву, что было отмечено присвоением ему чина полковника. В 40—50-е годы Н. Н. Муравьев был генерал-губернатором в ряде регионов.

**В связи с тем, что ныне в узбекистанской и зарубежной научной и общественно-политической литературе географическое понятие «Центральная Азия» и «Туркестан» часто трактуются как синонимы, взаимозаменяемые, идентичные, стоит изложить несколько суждений. Так, применительно к периоду существования империи Темура эти понятия почти совпадают, поскольку тогда Туркестан, как Темур называл основную часть своего государства, включал в себя почти всю территорию современной Центральной Азии.

В колониальный же период Туркестан (в административно-территориальном смысле) охватывал гораздо меньшие по площади территории (хотя российский царизм в 1867 г., в год сбразования генерал-губернаторства, предусмотрел завоевание Кокандского ханства, отторжение части территорий Бухарского эмирата, Хивинского ханства и включение их в состав колонии). В состав Туркестанского генерал-губернаторства не входила значительная часть территорий Младшего и Среднего жузов.

В колониальные годы также употреблялось понятие «Средняя Азия», которое было тождественно понятию «Центральная Азия». А в советские десятилетия по сугубо политическим соображениям Казахстан — составная часть Центральной Азии — даже в географических материалах упоминался отдельно от центрально (средне)-азиатского региона.

территории казахов Младшего и Среднего жузов, добровольно (но все-таки в силу ряда обстоятельств) или вынужденно перешедших в подданство Российской империи. Великодержавному и великорусскому воздействию подверглись даже те массы казахского населения, которые были обращены в российское подданство еще в 1-й половине XVIII в.

Понятно, что колонизация эта уже с самого начала вызывала активное сопротивление коренного населения, прежде всего его высшего сословия. Известно, что распространение власти Российской империи на все большую часть территории казахских жузов, ликвидация исторически сложившейся казахской государственности — в 1819 г. в Среднем жузе и в 1824 г.—в Младшем, попытки полностью покорить их, подчинить требованиям «Устава об Оренбургских киргизах» (1824 г.) и «Устава о Сибирских киргизах» (1822 г.) * встретили ожесточенное противодействие со стороны патриотически настроенной части верхов и народных низов этих жузов.

Наиболее мощными национально-освободительными выступлениями казахского населения первой половины XIX в. явились восстания, возглавлявшиеся Батыром Исатаем Таймановым и поэтом Мухамбетом Утемисовым (1836— 1838 гг.) и представителями ханской династии—Сарыжаном Касымовым (1836 г.) и Кенесары Касымовым (1837—1847 гг.). Эти восстания, в которых участвовали роды всех жузов, были нацелены на восстановление национальной государственности, но, по тогдашним обстоятельствам, они не могли завершиться иначе, чем поражением. Однако, как показали последующие события, возглавляемые братьями Касымовыми и поддержавшими их султанами народные массы своей борьбой почти на 15 лет задержали колонизацию Центрального и Южного Казахстана, а также Ташкентского оазиса.

---

* Фактически же имелись в виду казахи. Но великодержавно-шовинистическое отношение правящих кругов и преобладающей части интеллигенции России к нерусским народам, особенно к коренным народам Центральной Азии, проявлялось еще до завоевания и колонизации последней. Хотя этнонимы «казахи», «каракалпаки», «кыргызы», «таджики», «туркмены», «узбеки», сложившиеся в XV—XVI вв., были хорошо известны и российским политикам, просветителям, тем не менее они называли носителей этих этнонимов туземцами, узбеков — сартами, казахов, каракалпаков и кыргызов — киргизами, таджиков — фарсами. Даже при Ленине, вплоть до 1920 г., казахов называли киргизами, а киргизов — каракиргизами.

Тем не менее внутри и вокруг Бухарского эмирата, Кокандского, Хивинского и казахских ханств, кыргызских родов, населявших территории, входившие в состав Кокандского и Бухарского ханств, а также туркменских родов, проживавших на территориях, подвластных Бухарскому и Хивинскому ханствам, обстоятельства довольно часто складывались так, что, например, отдельные казахские ханы, старейшины и другие представители знати кыргызских родов были вынуждены обращаться к монарху, правительству Российской империи с просьбами о военно-политической помощи, покровительстве и т. п.

Для казахов Младшего и Среднего жузов надобность действенной помощи со стороны властей России или принятие некоторой частью их российского подданства объяснялись систематическими разорительными набегами джунгарских (после 1758 г. Джунгария стала именоваться Синьцзяном) и китайских войск, а также постоянными распрями в военно-феодальных верхах родов, жузов и между ними. А казахи Старшего жуза, кыргызы Тяньшаня, Чуйской и Таласской долин, кроме нашествия китайцев, больше всего страдали от социально-политических притеснений со стороны правящих кругов, феодального чиновничества Кокандского ханства, что тоже вынуждало обращаться к России. Но при этом если для Младшего и Среднего жузов российский царизм, преследовавший свои цели, намеренно выдерживал довольно длительные паузы и только потом оказывал помощь и прочно закреплялся на части территории этих жузов, то значительно отдаленные от России территории и население Старшего жуза и, особенно, кыргызы упомянутых регионов вплоть до сер. XIX в. заметной помощью ее не пользовались и оставались вне зоны практических экспансионистских действий России.

Вместе с тем, как и в других развивающихся регионах мира, жизнь государств и народов Центральной Азии текла своим чередом: междоусобные войны, консерватизм и деспотичность феодальных властей, родо-племенные и местнические раздоры сдерживали, но не могли воспрепятствовать их социально-экономическому, духовному развитию и довольно широкому торгово-хозяйственному сотрудничеству и гуманитарным связям со многими зарубежными государствами и народами, в том числе России.

Прежде чем охарактеризовать эти вопросы на материалах народов тех регионов, которым суждено было впоследствии составить Туркестанское генерал-губернаторство, приведем ряд примеров из практики жизни населения других регионов Центральной Азии.

К сер. XIX в. хозяйственная деятельность населения Центральной Азии: земледелие, скотоводство и народные ремесла носили не столько натуральный, сколько товарный характер. Природно-климатические условия различных регионов, своеобразие исторически сложившихся хозяйственно-производственных традиций их населения предопределили достаточно высокий спрос на многие виды центральноазиатской продукции. Так, у населения всех жузов преобладавшим родом хозяйства было скотоводство, сопряженное с сезонными перекочевками. Эти перекочевки, в зависимости от природно-климатических условий, особенностей ландшафта, определили полукочевой или преимущественно полуоседлый образ жизни. И если при первом типе хозяйства в совокупном стаде почти две трети поголовья составляли овцы (60%), а лошади—13%, крупный рогатый скот—12% и верблюды —4%, то при другом типе скотоводства большей была доля крупного рогатого скота и лошадей[1].

При всех объективных и субъективных трудностях ведения скотоводческого хозяйства и проблемах в социальной организации занятого населения многие казахские регионы являлись основными поставщиками скота в Бухарский эмират, Кокандское, Хивинское ханства и в Россию. Например, в конце XVIII—начале XIX вв. на пограничных с Россией линиях ежегодно реализовывалось в среднем 1,5 млн. голов крупного рогатого скота и более 100 тыс. лошадей. В сер. XIX в. (когда Россия уже утвердилась в ряде сопредельных районов Младшего и Среднего жузов) только на Иртышскую линию каждый год поставлялось около 150 тыс. лошадей, 3 млн. овец и 100 тыс. голов крупного рогатого скота[2].

Развитие скотоводства стимулировало расширение торговых связей казахских жузов с населением Бухары, Коканда и Хивы, а также с Восточным Туркестаном и Китаем. Так, только присырдарьинские казахи на необ-

---

[1] См.: История Казахстана. Очерк.—Алматы, 1993. С. 186—187.
[2] Там же.— С. 190.

ходимые им и для реализации в районах Младшего и Среднего жузов товары ежегодно обменивали от 50 до 100 тыс. овец в Бухарском эмирате, около 100 тыс. овец в Ферганском регионе Кокандского ханства и почти 200 тыс. овец в Ташкентском оазисе[1]. Взамен они приобретали хлопчатобумажные, шелковые ткани, ковры, оружие, фрукты, разнообразную посуду, рис и др. товары.

Существенное место в хозяйственной жизни населения всех жузов занимало также земледелие, получившее заметное развитие в XVIII — первой половине XIX в. Это объяснялось, во-первых, наличием на их территории множества полноводных рек и пригодных для орошения обширных долинных земель; во-вторых, потребностями дополнять закупки продовольствия и фуражного зерна собственным их производством; в-третьих, наличием у казахского населения заимствованными у крестьянства сопредельных стран навыков земледелия, в том числе более целесообразного использования богарных земель. Как отмечалось в российской печати XIX в., казахи Младшего и Среднего жузов освоили земледелие столь успешно, что часть производимого хлеба продавали российским купцам[2]. Но в последующем российские переселенцы, особенно в северных, северо-западных, южных районах и в Семиречье, вытеснили значительную часть казахов из сферы земледелия.

Из продукции традиционных для казахов ремесленного производства и промыслов, которая предназначалась в основном для внутреннего потребления, довольно широким спросом на российском рынке пользовались войлок, выделанные шкуры домашних животных, лисиц, а также пух, ножи, арканы, седла и т. д.

По мере укрепления позиций царизма усиливалось и проникновение в сопредельные казахские регионы российского капитала, прежде всего торгового и промышленного, что положило начало становлению фабрично-заводского производства, выявлению и использованию в интересах Российской империи значительных месторождений полезных ископаемых, которыми богаты недра Казахстана.

Вместе с тем, развитие промышленности и связанной

---

[1] См: История Казахстана. Очерк. — Алматы, 1993. С. 190.
[2] Там же, —С. 188.

с ней социальной инфраструктуры постепенно и необратимо изменяло многовековой уклад жизни значительной части казахского населения, прежде всего Младшего и Среднего жузов. В этих условиях усилилось социальное его расслоение (в результате массы беднейших казахов переселились на территории Ташкентского оазиса, Бухарского эмирата и др. регионов), а также началось ослабление чувства приверженности к тому или иному племени, роду, но сохранялось понимание принадлежности к одному из трех жузов. Размывание родо-племенных представлений, различий национально-бытовых традиций довольно заметно происходило среди казахов, уже в первом поколении являвшихся российскими подданными и издавна проживавших на территориях, на которых были созданы Западно-Сибирское, Оренбургское генерал-губернаторства.

Серьезными факторами деформации административного и социального устройства казахского общества стали: ликвидация системы ханской власти, других звеньев традиционной социально-политической структуры и введение к 40-м годам XIX в. на значительной территории Младшего, Среднего и, отчасти, Старшего жузов колониалистской, военно-административной системы управления, соответствовавшей военным и политическим целям российского царизма.

В южной части Центральной Азии к сер. XIX в. существовали три феодальных ханства — Бухарское, Кокандское и Хивинское. В их состав, помимо узбекских территорий, входили также территории, населенные кыргызами, казахами, таджиками, туркменами, каракалпаками, узбеками-локайцами и др. Часть туркменских земель находилась в распоряжении Персии. Небольшое количество туркмен, живших на казахском полуострове Мангышлак, еще в XVIII в. приняло российское подданство. Таким образом, туркмены территориально были разобщены более всех других коренных наций Центральной Азии.

Туркменские земли прилегали к восточному побережью Каспийского моря и граничили с территориями Афганистана и Персии, а также представлялись наиболее выгодными для продвижения вглубь Хивинского ханства, а затем и Бухарского эмирата, что и предопределило то, что туркменам суждено было оказаться еще одной целью колонизаторских замыслов и дейст-

вий российского царизма, который уже господствовал на значительной части территории Центральной Азии.

Находясь в составе Хивинского, Бухарского ханств и Персии, туркмены, не имея национальной государственности, сохраняли свою социальную организацию и традиционное родо-племенное деление, в том числе на Мангышлаке и в Персии. Основными видами хозяйственной деятельности большей части кочевого и оседлого туркменского населения Бухарского эмирата и Хивинского ханства были животноводство, хлопководство, ювелирное ремесло, очень престижное ковроткачество, а на побережье Каспийского моря — еще и рыболовство. Туркмены же, населявшие Мангышлакский полуостров, кроме скотоводства, занимались земледелием и даже посадкой шелковицы[1]. Независимо от объема производимой продукции туркмены ханств, особенно Бухарского, свое хозяйство вели с расчетом на рынок.

Как и среди населения других национальностей Центральной Азии, среди туркмен имущественная и в целом социальная поляризация была довольно значительной. К тому же туркмены испытывали не только социальные тяготы, но и игнорирование их национальных интересов со стороны правящих кругов Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Это вызывало активное противодействие массы туркмен, особенно племен теке и иомудов. Значительная часть последних находилась во власти хивинского хана.

И, несмотря на все это, в последующем российским войскам туркмены оказали столь сильное сопротивление, что оно вызывало серьезную озабоченность у имперских властей. Но, как указывается в относящихся к 1864 г. официальных российских источниках, «необходимость упрочения нашего (т. е. российского—Ф. И.) влияния в Каспийском море... посредством занятия Красноводского залива и устройства там укрепленной фактории»[2], а также «обеспечения путей, ведущих от

---

[1] Государственный военно-исторический архив Российской Федерации (далее — ГВИА РФ), ф. 400 — «Азиатская часть Главного штаба», д. 6818, л. 2.

[2] Цит. по: «Присоединение Туркмении к России». Сборник архивных документов. — Ашхабад, 1960. — С. 19.

Каспийского моря в глубь Средней Азии»[1] стимулировала завоевательские кампании Российской империи.

Еще одна центральноазиатская нация, не имевшая в XVIII—XIX вв. своей государственности, — это кыргызы. Кыргызы, сформировавшиеся в качестве народности еще в период проживания, как и башкиры, каракалпаки, в бассейне Енисея, населяли различные регионы Центральной Азии: Тянь-Шань, Чуйскую и Ферганскую долины, Гиссар, Каратегин.

По сравнению со своими сородичами, жившими в других регионах, к сер. XIX в. более прочные родоплеменные узы и традиции, в том числе традиционное общественное устройство, сохранили кыргызы Кокандского ханства, имевшие и более высокий уровень хозяйственной деятельности. В значительной мере именно этим объяснялись и активное участие кыргызской родо-племенной знати в борьбе за власть в ханстве, и частые выступления кыргызских масс под национально-освободительными лозунгами.

К тому времени социально-экономическое и политическое положение в территориально сократившемся ханстве чрезвычайно обострилось, что предопределило его довольно легкое завоевание российскими войсками в 1876 г. Но стремление кыргызов избавиться от феодально-национального гнета со стороны ханской власти и монархического чиновничества, а также от набегов казахов, проявилось еще в конце XVIII—нач. XIX вв. Так, после безрезультатной миссии посланцев племени сарыбагыш в России в 80-х XVIII в., попытку получить покровительство ее и перейти в российское подданство в нач. XIX в. предприняли старейшины племены бугу (олень). В 1814 г. Койчибек — сын Ширали-бия побывал у сибирского генерал-губернатора Глазенапа (позднее Западно-Сибирское генерал-губернаторство с центром в г. Тобольске (до 1839 г.), а потом (с 1839 г.) — в. г. Омске). Койчибек получил «чин капитана, золотую медаль и саблю за содействие при проходе караванов»[2]. Но русское подданство представители племени бугу, населявшие Прииссыкулье, получили при вмешательстве российского офицера,

---

[1] Цит. по: «Присоединение Туркмении к России»: Сборник архивных документов. — Ашхабад, 1960.

[2] См.: Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 529.

казахского просветителя Чокана Валиханова и будущего исследователя края П. П. Семенова (впоследствии — Семенов-Тянь-Шаньский) — только в 50-х гг. XIX в.[1]

После образования Туркестанской области (1865 г.), а затем Туркестанского генерал-губернаторства (1867 г.) вне зоны колонизаторских практических мероприятий оставались кыргызы только Ферганской долины.

Один из аборигенных народов Центральной Азии — таджики ко времени полного завоевания региона Российской империей компактными и многочисленными массивами проживали во многих районах, административно относившихся к Бухарскому эмирату, Кокандскому ханству и Афганистану. При этом, независимо от административно-политической принадлежности своих территорий, таджики Шугнана, Каратегина, Бадахшана, Дарваза, некоторых других районов Памира сохраняли свою относительную независимость. Но это, как отмечал В. В. Бартольд, В. П. Наливкин был прав, считая, что одной из характерных национальных черт таджиков является их тяготение к горам[2].

Относительная независимость таджиков упомянутых территорий, равно как и все большее их сосредоточение в XVII—XVIII вв. в горных и предгорных районах, объяснялись многими факторами. Этим, в частности, объяснялось то, что к сер. XIX в. более двух третей собственно таджикских территорий приходилось на горные и предгорные районы, которые трудно было завоевать и еще труднее было закрепиться в них. Так что тяготение к горам тут ни при чем, это лишь досужее мнение высокопоставленного колониального чиновника.

Таджики, обладая многовековой историей, богатым хозяйственным опытом и высокой духовной культурой, без каких-либо существенных проблем включались в экономику, социальную сферу и межнациональные отношения населения любого региона, где им суждено было жить. Поэтому будь то на собственной территории, будь то на территории Бухарского эмирата или Кокандского ханства, таджики, в зависимости от почвенно-климатических условий зоны проживания, зани-

---

[1] См.: Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. 1. М. 1963. С. 533—534.
[2] Там же, С. 467.

мались хлопководством, садоводством или животноводством, но всегда и везде неизменным для них было также богатое и разнообразное ремесленное производство.

Однако положение таджиков, узбеков-локайцев, кыргызов и населения других национальностей Восточной Бухары на протяжении XIX в. довольно часто подвергалось серьезным испытаниям, что объяснялось, главным образом, продолжавшейся вплоть до 1895 г. борьбой Кокандского (до 1876 г.), Бухарского эмирата и Афганистана за обладание этой территорией. И в силу ряда объективных, а также субъективных причин сложилось так, что если уже в 60-х годах XIX в. население Ходжента, Ура-Тюбе, ряда других земель входило в состав Туркестанского генерал-губернаторства, то часть таджикского населения до 1920 г. осталась в составе Бухарского эмирата.

Для более полного понимания причин, предопределивших несравненно более легкое завоевание Россией Центральной Азии, чем, например, Закавказья, а также осуществления в Туркестанском генерал-губернаторстве, других районах региона более жесткой, откровенно великодержавной национальной политики, кратко охарактеризуем положение Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханств к нач. 60-х годов XIX в., а также их взаимоотношения между собой и с Российской империей.

Бухарский эмират, простиравшийся от берегов Сырдарьи у Ходжента до Памира (временами включительно) и охватывавший также часть территории бассейна Амударьи, населенную туркменами, каракалпаками, узбеками, таджиками, в сер. XIX в. являлся наиболее сильным центральноазиатским феодальным государством. Правда, производительные силы в эмирате были развиты слабо, хотя его недра были богаты многими уже известными месторождениями полезных ископаемых, да и самодеятельное население было многочисленным. Но Бухарский эмират имел многоотраслевое сельское хозяйство и ремесленное производство, позволявшие производить разнообразную продукцию — от продовольствия до хлопчатобумажных, шелковых тканей, бумаги, кожи и ковров, ювелирных изделий. Не затрагивая вопросы феодального, даже архаического земле- и водопользования, непо-

мерно тяжелой, особенно для народных низов, системы налогообложения, отметим, что благодаря искусному орошаемому земледелию, весьма доходным шелководству и каракулеводству, а также оригинальным видам ремесел, а также посредством успешных захватнических войн против Кокандского и Хивинского ханств и довольно оживленных торговых связей со многими странами Бухарский эмират являлся экономически развивавшимся государством.

Однако тяжелое социальное положение большинства населения эмирата, частые военные кампании против Коканда и Хивы, противоборство отдельных беков (например, Шахрисабза, Каратегина, Шугнана, Бадахшана) против эмирской власти и в целом успешные акции российского царизма в соперничестве с Англией за подчинение Бухары своей военно-политической стратегии в Центральной Азии завершились тем, что после образования Туркестанского генерал-губернаторства от эмирата была отторгнута значительная часть территории, а затем он (по заключенному эмиром договору с К. П. Кауфманом) был лишен многих атрибутов независимого государства. Правда, по сравнению с хивинским ханом статус бухарского эмира перед имперским центром формально был выше, да и эмират просуществовал на 9 месяцев дольше Хивинского ханства.

Самым крупным по площади территории, самым многонациональным по составу населения и самым недолговечным государством в Центральной Азии было Кокандское ханство. После казахских ханств, подпавших под власть Российской империи и ликвидированных ею еще до середины XIX в., Кокандское ханство еще некоторое время оставалось единственным центральноазиатским государством, граничившим с Россией, но уже лишившимся части территории.

Этому государству, пожалуй, больше чем Бухарскому эмирату и Хивинскому ханству, были характерны такие противоречивые черты, как, с одной стороны, довольно высокий уровень хозяйственной жизни, особенно в Узгане, Оше, Андижане, Намангане, Маргилане, Коканде, Ходженте (временами оказывавшемся во власти Бухарского эмирата), Ташкенте (большей частью остававшемся независимым и от Коканда, и от Бухары и благодаря этому, а также значительным хо-

зяйственным возможностям, служившем зоной оседания казахской бедноты), Чимкенте, Туркестане, Аулие-Ате, Пишпеке, а с другой,—громоздкая, социально несправедливая и малоэффективная военно-феодальная система управления территориями.

Именно с жестокостью методов управления, с непомерно высокими налогами, размеры которых различались среди оседлого и кочевого, полукочевого населения, а поскольку кочевым, полукочевым хозяйством занимались в основном казахи и кыргызы, то превышение взимаемых с них налогов воспринималось как проявление национального гнета. Кстати, заметим, что участие кыргызской родо-племенной знати в дворцовых интригах и в борьбе за власть в ханстве вовсе не означало, что она была уверена в реальной возможности прихода к власти, как об этом ныне пишут некоторые узбекистанские историки. Главное, чего добивались кыргызские старейшины, — это добиться прихода к власти тех деятелей, которые содействовали бы ослаблению эксплуатации кыргызского населения и восстановлению традиционного социально-политического устройства в кыргызских родах.

Правлению кокандских ханов были присущи и такие черты, как значительное по масштабам строительство оросительных систем (от Ташкента до реки Нарын), дворцов, медресе и в то же время частые военные кампании, предпринимавшиеся в целях захвата ряда территорий в горных и предгорных районах Памира, в населенном казахами бассейне низовья Сырдарьи и в Семиречье, а также то, что Кокандское ханство в то же время многократно терпело поражения в результате агрессий со стороны Бухарского эмирата и при попытках противодействовать расширению российского господства на казахстанских территориях, на которые само претендовало и часто вторгалось. Вместе с тем, рассчитывая добиться поддержки со стороны властей Российской империи, особенно в свете борьбы против Бухарского эмирата, кокандские ханы в 40-х — нач. 50-х гг. XIX в. безуспешно предпринимали несколько дипломатических попыток. Направляемые ханами послания и дорогие подарки императору и его высокопоставленным чиновникам то принимались, то отвергались, а тем временем российские войска и вслед за ними колониалистские властные струк-

туры целенаправленно и упорно продвигались вглубь Центральной Азии.

К сер. XIX в. довольно трудным оказалось социально-экономическое и внешнеполитическое положение старейшего центральноазиатского ханства — Хивинского. Занимая обширную территорию — от побережья Каспийского моря до Приаралья, на которой проживали узбеки, туркмены, каракалпаки, казахи, арабы и др., Хивинское ханство издавна являлось экономически развитым феодальным государством.

Благодаря тому, что многоводная и судоходная Амударья на значительном протяжении протекала по территории Хивинского ханства, здесь была создана разветвленная сеть каналов, других ирригационных сооружений, что способствовало превращению орошаемого земледелия в важную сферу хозяйственной деятельности большинства сельского населения. На основе поливного земледелия в ханстве высокого уровня достигли хлопководство, зерноводство, садоводство и виноградарство. В туркменских, каракалпакских районах по сравнению с земледелием более развитым было животноводство, в частности овцеводство и коневодство. О масштабах животноводства, включая кочевое и полукочевое, свидетельствовало то, что при общей численности населения, составлявшей немногим более 800 тыс. человек, в ханстве поголовье крупного рогатого скота превышало 180 тыс., овец было около 1 млн., лошадей — свыше 110 тыс., верблюдов — около 100 тыс.[1]

В сочетании с многовековым и разнообразным ремесленным производством, славившимся прежде всего хивинскими коврами, ювелирными и керамическими изделиями, сельское хозяйство, тоже носившее отнюдь не натуральный[2], а ярко выраженный товарный характер, служило основой для широкой по ассортименту и значительной по объему торговли как внутри ханства, так и с другими странами, в том числе с Россией. Именно благоприятное расположение на торговых путях того времени способствовало, помимо Хивы, росту и таких городов, как Хазарасп, Гурлен, Новый Ургенч, Чарджуй, Ташауз, Чимбай, Кунград и Ходжейли.

---

[1] ЦГА РУз, ф. 7, оп. I, д. 1001, л. 4—5.

[2] См., например: Садыков А. С. Россия и Хива в конце XIX-начале XX века. Ташкент: Фан, 1972. С. 10.

Несмотря на относительно стабильную хозяйственную жизнь всего населения ханства, социальное положение значительной его части было довольно тяжелым. Это объяснялось тем, что к сер. XIX в. хивинские правители, едва отбивавшиеся от захватнических военных акций Бухарского эмирата, выступлений туркменского населения, открытых попыток ряда туркменских родо-племенных вождей играть ведущую роль в правящей иерархии Хивинского ханства, в то же время не прекращали военных кампаний как против колониалистских походов российских войск, нацеленных на оккупацию туркменской территории от Каспийского побережья до населенного каракалпаками, казахами Приаралья, так и по все новому и новому ограблению и покорению части населения Младшего жуза.

Такая внешняя политика хивинских ханов, однако, мало мешавшая традиционной торговле внутри и вне ханства, истощала и без того небогатую казну. В целях изыскания средств на ведение оборонительных и захватнических действий (отчасти поощряемых английской дипломатией), а также на сооружение, без преувеличения, прекрасных дворцов, медресе, минаретов и на поддержание культурной жизни ханы облагали население, особенно кочевое и полукочевое, непомерными налогами. А это, в свою очередь, вызывало активное недовольство не только беднейших слоев населения, но и родо-племенной знати туркмен, казахов, каракалпаков, поскольку частое вмешательство хана и его высших чиновников в материальную сферу жизни родов и племен деформировало их традиционную социально-политическую организацию.

К тому же в Хивинском ханстве, несмотря ни на какие внутри- и внешнеполитические перемены, почти неизменными оставались монархическая система управления государством и очень сложный порядок земле- и водопользования, что также тормозило экономический и социальный прогресс в ханстве. Но довольно высокий уровень культурной, особенно литературной, жизни, и широкие внешние контакты хивинских торговцев, туркмен, каракалпаков и казахов постепенно способствовали формированию в обществе и в правящих кругах понимания необходимости политических и социальных преобразований. И они стали осуществ-

ляться, но уже после того, как Хивинское ханство оказалось в подчинении Российской империи.

Таким образом, для народов Центральной Азии I-я пол. XIX в. была весьма сложным периодом: с одной стороны, их социальное и духовное развитие вело к осознанию путей и методов совершенствования производительных сил, производственных отношений, все большего утверждения товарного характера производства, а также восстановления своих исторически сложившихся, но заметно поблекших в результате феодальных междоусобиц, культурных традиций и межнациональных связей; с другой стороны, правящие верхи центральноазиатских ханств свои внутренние социально-экономические трудности пытались, как правило, решать посредством усиления эксплуатации собственного населения и захватнических войн друг против друга. Именно последнее предопределило то, что перед лицом явной угрозы со стороны России и потенциальной угрозы со стороны Великобритании эти ханства ни разу не оказали существенную помощь казахским жузам, а затем и туркменским племенам, первыми подвергшимся российской колонизации, осуществлявшейся с трех сторон Центральной Азии, ни разу не смогли добиться согласия между собой о совместном противодействии завоевательской политике Российской империи.

Глава II. ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ УСИЛЕНИЯ ЭКСПАНСИИ ЦАРИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В подавляющем большинстве научных и общественно-политических изданий досоветского и советского периодов, освещающих или только затрагивающих вопросы внешней политики России XVI—XIX вв., в качестве важнейших причин называются: стремление к освоению новых пространств (Сибирь, Дальний Восток, Аляска), поиск путей выхода к морям и месторождений полезных ископаемых, рынков сырья и сбыта российской продукции, особенно в связи с потребностями развивающегося капитализма, а также соперничеством с рядом европейских государств (Пруссия, Австро-Венгрия, Польша, Швеция, Великобритания) и с Ираном, Турцией в утверждении своего присутствия

или господства на Балтийском, Черном морях, в Прибалтике, Закавказье, Центральной Азии.

В общем такие суждения правильные. Но применительно к тому или иному периоду завоевательных кампаний России в том или ином регионе всегда были и особые причины. Так, поход Ермака в Сибирь или многолетняя военная кампания России в Закавказье предопределялись совершенно разными причинами, а общим было лишь стремление российских властей к приобретению все новых и новых территорий. При этом и в XVI в., когда Россия «приросла Сибирью и Поволжьем», и в I-й половине XIX в., когда в Закавказье утвердилось ее колониальное господство, ее власти не были способны обеспечить хозяйственное освоение новых территорий в интересах метрополии. Так что можно заключить, что завоевательская политика царизма в XVI—XVIII вв. предопределялась не развитием экономики, тем более капиталистической, а зарождением великодержавных устремлений российского государства и шовинистических воззрений в сознании правящих кругов, а также значительной части формирующейся русской интеллигенции.

Царизм в экономическом плане преследовал цель— как можно быстрее и без затрат со своей стороны извлекать материальную выгоду от приобретенных территорий. Поэтому, оставляя слаборазвитыми свои собственные территории, продав в 1867 г. за бесценок (7,5 млн. долл.) далекую Аляску, которую нужно было осваивать, российские власти предпочитали брать готовые блага, создаваемые коренными народами колоний и полуколоний. Так было в Финляндии, Польше, Сибири, Поволжье, Закавказье. Так же предусматривалось действовать и в Центральной Азии.

При этом единственно зависимая от России территория — Финляндия досталась ей в 1809 г. в результате уступки Швеции, а все другие страны были покорены Россией не потому, как писали некоторые авторы, что она экономически была более передовой[1], а потому, что всегда выбирала регионы, не способные (как Сибирь во времена Кучума) ей противостоять или пораженные внутренними раздорами и в военном отно-

[1] См., напр.: Аминов А. М., Бабаходжаев А. Х. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. — Ташкент, 1966. С. 6—7.

шении заведомо уступающие ей (это и Закавказье, и ханства казахских жузов, и Бухарский эмират, Кокандское, Хивинское ханства). К тому же Россия имела хорошо вооруженную, регулярную армию, тогда как ни сибирское, ни татарское и центральноазиатские ханства, ни Закавказье по-настоящему регулярными армиями не располагали. А это уже само по себе стимулировало осуществление планов вооруженной экспансии со стороны России.

Имея в виду ряд объективных обстоятельств, в частности то, что и в XVI в., и в последующие столетия на собственно российской территории и в насильственно присоединенных территориях Сибири, Дальнего Востока, Поволжья громадные по масштабам регионы оставались малонаселенными, а также то, что основы капиталистической экономики стали складываться только в XVIII в. в результате начатых Петром I преобразований, да и аграрного перенаселения в стране не было, полагаем, что называемые во многих трудах такие причины, как потребность России в новых территориях для расселения, якобы, избыточного крестьянского населения или стремление ее опередить британскую экспансию в Закавказье и Центральной Азии и таким образом овладеть новыми рынками сырья и сбыта российской продукции[1], вообще применимы и для объяснения мотивов колонизации различных районов мира той же Англией, Германией или Францией, Испанией и Португалией, но не только в связи с зарождением капитализма.

Стоит подчеркнуть также, что отношения России и Англии в XVIII—XIX вв. носили весьма многогранный характер и довольно часто они терпимо относились к акциям друг друга по расширению сферы своего влияния. Хотя порой их интересы действительно сталкивались, тем не менее до открытого военного противостояния в те времена дело не доходило. Поэтому применительно будь то к Закавказью, будь то к Центральной Азии российско-английские отношения нельзя оценивать только как отношения соперников. Иное дело — отношения России с Ираном и Турцией. Доба-

[1] См., напр.: История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент, 1968; С. 14—15; Аминов А. М., Бабаходжаев А. Х. Ук. соч: С. 7; Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70-е годы). Ташкент, 1969.

вим также, что Петр I, как известно, вынашивал идеи завоевания не только центральноазиатских ханств, но и более отдаленных территорий Южной Азии.

Поэтому можно считать вполне обоснованными выводы о том, что предпринимавшиеся властями России, в частности Кавказского наместничества, Оренбургского генерал-губернаторства (разумеется, с ведома правительства) миссии для «налажения» торговых связей, в которых действительно были заинтересованы все народы и государства Центральной Азии, на самом деле имели разведывательные цели. Это также подтверждает правильность суждения о том, что для Российской империи военно-политические интересы в центральноазиатском регионе, как и в Закавказье, были приоритетными всегда.

Свидетельством осознания царизмом стратегической важности геополитического положения Центральной Азии стало то, что в отличие от ряда зависимых регионов, Туркестанская область в составе Оренбургского генерал-губернаторства (1865 — июнь 1867 г.), а затем (с июля 1867 г.) Туркестанское генерал-губернаторство имели явно выраженную военно-административную систему управления. Поскольку это очень серьезно сказывалось на основной сути национальной политики царизма в Туркестанском крае и во всей Центральной Азии, следует отметить, что эту систему колониалистского управления весьма глубоко проанализировала и охарактеризовала в своей докторской диссертации Н. А. Абдурахимова. Она, в частности, указывает: «2 марта 1865 г. был издан Указ Правительствующего Сената «Об образовании Туркестанской области». Система внутреннего административно-территориального деления Туркестанской области была приспособлена для решения чисто военных задач. В ее основе лежали военно-территориальные единицы: правый фланг, центр и левый фланг. В правый фланг, позднее переименованный в Сырдарьинский район, входили города Аральск, форт № 1 (позднее Казалинск) и Перовск (позднее Кзыл-Орда); центр включал Туркестанский и Чимкентский районы; левый фланг — города Аулие-Ата, Мерке и Пишпек... Туркестанская область возникла в процессе непрерывных военных действий, вследствие чего не была осуществлена официальная демаркация ее границ с Бухарским, Хивинским

и Кокандским ханствами»[1]. В связи с последним заметим, что с демаркацией границ завоеванных и вынужденно присоединившихся территорий царизм намеренно не спешил, дабы даже формально не ограничивать сферу своих действий. Так было и после образования в июле 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства, когда колониальными властями с ведома императора произвольно создавались административно-территориальные единицы, причем некоторые из них передавались в ведение властей других регионов (например, Закаспийская, Семиреченская области).

Факторы же, стимулировавшие военно-политическую экспансию Российской империи в Центральной Азии, были самые разные. По природе происхождения и по сути их можно разделить, во-первых, на российские и центральноазиатские; во-вторых, на военно-политические, экономические, этносоциальные и идеологические.

Для России в числе военно-политических факторов еще со времен Ивана Грозного более всего проявлялись два фактора: 1) оборонительный, но связанный не только с защитой исконно российских, белорусских, украинских (за некоторым исключением) земель, но и действиями по сохранению своего господства и на завоеванных и насильственно присоединенных территориях; 2) экспансионистский, который носил комплексный характер, т. е. предопределял сочетание военных действий с применением дипломатического, политического давления, с провоцированием осложнения политического, социального положения в тех или иных регионах, с усилением своего торгово-экономического влияния и, наконец, с распространением русофильства, православного вероучения среди нерусского, нехристианского населения. Эти и другие факторы царизму представлялись легко осуществимыми благодаря смежности территории Российской империи и Центральной Азии. Это так же, как в случае с Закавказьем, было очень важным преимуществом России перед Англией. Почти все разновидности экспансионизма впоследствии проявились в колониалистской политике

[1] Абдурахимова Н. А. Колониальная система власти в Туркестане (вторая половина XIX—начало XX вв.). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Ташкент, 1994. С. 30.

и практике Российской империи не только в Туркестанском генерал-губернаторстве, но и во всей Центральной Азии.

В казахских жузах (включая существовавшие внутри их ханства) и Бухарском, Хивинском, Кокандском ханствах факторами, поощрявшими российский царизм или служившими поводами для проникновения в Центральную Азию и для ее колонизации, как, отчасти, уже указывалось, были: сложности национально-государственной жизни, усиление социального расслоения среди населения казахских жузов и ханств, противоборство между ханствами и различных родоплеменных объединений против ханского произвола, а также частые военные кампании ханств против других стран и регионов (например, Кокандского против не входивших в его состав территорий казахских жузов, тяньшаньских кыргызов, Каратегина, Шугнана и против Восточного Туркестана; а Бухарского эмирата — против Кокандского и Хивинского ханств и т. д.), а также нападения со стороны Джунгарии (Синцзян) на казахские владения, со стороны Афганистана — на территории Припамирья и Памира.

Немалое значение имело и стремление большинства населения, как городского, так и сельского — не только оседлого, но и кочевого, полукочевого — к повышению товарности хозяйства, ремесленного производства посредством расширения торговых связей с сопредельной Россией, получения более дешевых ее товаров, особенно хлеба и металлоизделий, а также к выходу через ее территорию на рынки Западной Европы. Эта заинтересованность центральноазиатских торговых и вообще имущих слоев в торгово-хозяйственном сотрудничестве со страной, являвшейся огромным рынком, обладавшей более совершенными орудиями труда и покровительство которой представлялось часто необходимым, была столь значительной, что ни продажа товаров по бросовым ценам, ни использование разных других способов, не привели к заметному усилению влияния Англии в Центральной Азии. Правда, и российские верхи не оставались сторонними наблюдателями попыток Англии проникнуть в этот регион.

По моему мнению, даже при самом пагубном воздействии переживаемых в сер. XIX в. народами и го-

сударствами Центральной Азии негативных экономических, этносоциальных и государственно-политических обстоятельств, в том числе внешних факторов, в регионе исподволь складывались тенденции национально-государственного, политического передела, неминуемого разложения Кокандского ханства, расширения за счет части его территории владений Бухарского эмирата, а также консолидации в самостоятельные государственные объединения в ближайшие десятилетия казахских жузов, вероятно, при определяющей роли Старшего жуза, имевшего более высокий, чем другие жузы, уровень хозяйственной жизни и относительно большую самостоятельность, а также к выделению в отдельные ханства кыргызских и туркменских родо-племенных объединений. И если даже эти суждения не совсем верные или во многом неверные, все равно положение и в казахских жузах, и в Бухарском, Хивинском ханствах не было столь бесперспективным, как считали не только политики, но и ряд ученых России. Такие блестящие знатоки истории Центральной Азии, как Н. И. Веселовский и В. В. Бартольд, по-разному относившиеся к завоеванию ее Россией, были единодушны в утверждении мнения о том, что ханства были обречены, а народы, когда-то выдвигавшие крупных исторических деятелей, замечательных ученых и достигавшие высокого уровня хозяйственной и культурной жизни, теперь, к сер. XIX в., оказались не в состоянии более двигаться вперед самостоятельно, без покровительства извне[1]. Позднее тот же Веселовский, положительно оценивавший «водворение русской государственности» в крае, был вынужден отметить: «Уже подлинно **военное** управление... Мы думаем, что дали покоренным нами азиатам мир, спокойствие, безопасность... Но есть и еще высшее благо, **высшее** всего этого. Это национальность, национальное чувство... Надо войти в положение покоренных мусульман. Тяжела смерть политическая, еще тяжелее смерть национальная. А при нашем владычестве они именно обречены на обезличение. Можно ли променять национальность за какое-либо благополучие? И надо ли удивляться, что

[1] См.: Лунин Б. В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения, С. 144.

будут вспышки против нашего владычества... Есть национальные интересы, которые прорвутся наружу несмотря на то, сыт и обут народ или голоден — холоден»[1]. Эти суждения были изложены в 1885 г., а уже вскоре в Туркестанском крае развернулись социально-политические события, свидетельствовавшие о постепенном нарастании национально-освободительного движения коренных народов.

Раздел II. ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В ТУРКЕСТАНЕ

Глава I. КОЛОНИАЛИСТСКАЯ СИСТЕМА ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ

Период от первых попыток российского царизма распространить свое влияние на государства и народы Центральной Азии до полного утверждения здесь его господства занял почти полтора века. И то, что изначально царизм в отношении Центральной Азии вынашивал идею ее колонизации, стало подтверждаться, когда по мере все большего продвижения российских войск вглубь казахстанской территории, а также завоевания значительной части территорий Кокандского, Хивинского ханств, Бухарского эмирата и создания военных крепостей формировались административно-территориальные образования (Оренбургское, Западно-Сибирское генерал-губернаторства, Степной край (центр — г. Семипалатинск, Туркестанская область — центр г. Чимкент, затем г. Ташкент), которые должны были соответствовать, прежде всего, насущным и стратегическим военно-политическим, а потом уже экономическим интересам Российской империи.

Имея в виду то, что на протяжении более 50-ти лет колониального господства царизма в Центральной Азии, особенно в Туркестанском крае, полезных для населения существенных изменений в структуре политической власти, военно-полицейских органов не было, можно

---

[1] См.: Лунин Б. В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения, с. 145.

считать, что основные цели покорения и эксплуатации коренных народов, природных богатств региона были определены российскими верхами задолго до развертывания ими здесь аннексионистской политики.

В обобщенном виде основные направления политики России, как метрополии в Центральной Азии, в частности в Туркестане, заключались в следующем:

— утверждение военно-политического и экономического, идеологического господства в целях: во-первых, недопущения распространения колониалистских устремлений Англии на север от Индии, в худшем случае—от Афганистана: во-вторых, оптимальное размещение вооруженных сил в ключевых районах территории региона, а также на границах с Китаем, Афганистаном, Ираном;

— деление Туркестанского края и других регионов Центральной Азии — при предварительном значительном лишении Бухарского эмирата и Хивинского ханства статуса независимых государств — на такие административно-территориальные образования, которые прежде всего позволяли бы обеспечивать военно-политический контроль положения в регионе, осуществление экономической и социальной политики метрополии и были основаны на военно-административном разобщении прежде компактно проживавшего населения казахских жузов, кыргызских, туркменских родо-племенных объединений, узбеков, таджиков, каракалпаков, других коренных национальностей и использование форм, методов управления колонией, отвечающих интересам Российской империи;

— постоянное обеспечение промышленности метрополии сырьем посредством поощрения развития хлопководства, шелководства, других необходимых для России отраслей сельского хозяйства, разведки и разработки месторождений полезных ископаемых, расширения протекционизма в реализации российских промышленных и продовольственных товаров в колонии и зависимых ханствах, ограничения конкурентоспособного местного ремесленного производства, прежде всего с учетом интересов текстильной и металлообрабатывающей промышленности;

— систематическое проведение в колонии земельной реформы и других мер по ограничению землепользования среди коренного населения и созданию резерва зе-

мель для переселенцев из центральных районов метрополии и чиновников колониальных властей, которые наряду с воинскими подразделениями должны представлять надежную русскую прослойку среди населения местных национальностей и служить опорой российского господства в крае. Для этого же представлялось необходимым создание русских городов, поселков и сел;

— постепенное ослабление влияния исламской идеологии и мусульманского духовенства, традиционных мактабов, медресе и системы национальной культурной жизни коренного населения, создание в сфере материального производства, торговле, в общественной жизни и в деле воспитания молодежи коренных национальностей условий, благоприятствующих ее русификации, а также духовному оскудению всего коренного населения;

— посредством методов устрашения, жестких репрессий и при содействии компрадорски настроенных представителей высших слоев, интеллигенции местных национальностей подавлять всяческие проявления противоборства с колониальным режимом и тенденции консолидации коренных народов Центральной Азии.

Не затрагивая вопросы структуры и функционирования военно-политических органов власти и управления в Оренбургском, Западно-Сибирском генерал-губернаторствах, в состав которых была включена часть казахской территории, подчеркнем, что уже с самого начала образования Туркестанской области в 1865 г. и назначения ее военным губернатором генерала М. Г. Черняева, прозванного в России Ермаком Центральной Азии, четко определился курс царизма в регионе. Этот курс свидетельствовал о том, что российские верхи учитывали уроки своей 50-летней экспансии, в частности, военно-политических и дипломатических действий в Центральной Азии, а также возможность, даже неизбежность выступления коренного населения против колониального и национального гнета со стороны метрополии.

Вместе с тем при разработке вопросов военно-административного управления Туркестанской области военное министерство и правительство империи исходили из планов завоевания в ближайшие годы ряда других территорий центральноазиатских ханств и полной ликвидации Кокандского ханства. Поэтому требовалось

создание такой системы власти, которая бы не просто соответствовала задачам колонизации региона, но и исключала сколько-нибудь существенное участие представителей коренных народов в управлении на своих территориях. При отсутствии широкой прослойки «русского благонадежного элемента» и даже не рассчитывая на поддержку будущих российских переселенцев, организаторы колониальных властей делали ставку прежде всего на армию, полицию, судебные органы, на осуществление жесткой политики налогообложения коренного населения и одновременно предоставления значительных долгосрочных льгот колониальному чиновничеству и русским поселенцам.

По примеру Англии, всячески стремившейся в Индии использовать региональные, клановые, межконфессиональные, межэтнические противоречия и формировавшей для своей политики опору из среды местной знати и торговых сословий различных удельных княжеств, российские верхи в Центральной Азии тоже расширяли в своих целях сотрудничество с представителями феодально-байских кругов, родоплеменной знати и вообще просвещенной части населения местных национальностей. Последнее означало не просто действенное утверждение колониального режима во всех покоренных регионах, но и усиление влияния царизма на социальную и духовную жизнь их населения, а также дополнение колониального гнета феодальным. Для царизма и колониальных властей это было чрезвычайно важно, поскольку они хорошо знали, что по-настоящему сопротивление российским экспансионистским действиям, особенно завоевательским кампаниям, оказывали народные массы, хотя в отдельных регионах в силу ряда обстоятельств население и было вынуждено перейти в российское подданство.

Военные и политические власти империи, конечно же, считали существующие в Центральной Азии издавна властные и социальные институты, нормы шариата и адата отсталыми, но одним махом устранить их они не решились. И чтобы более искусно утверждать свою систему власти, не вызывая массового возмущения коренного населения, колониальные власти сохранили на волостном уровне суды казиев (среди оседлого населения) и биев (среди кочевого, полукочевого населения), а также некоторые традиционные формы земле- и во-

допользования и общинные взаимосвязи населения, особенно сельского. Уделялось внимание и тому, чтобы колониальные чиновники из числа россиян не провоцировали обострение отношений с коренным населением. Поэтому на первых порах чиновники подбирались довольно тщательно. Но с преобразованием Туркестанской области в одноименное генерал-губернаторство (1867 г.) и увеличением рядов чиновничества всякие соображения на этот счет были отброшены. Как позднее писал один из доброжелателей колониального режима, «во времена К. П. Кауфмана (первого генерал-губернатора края.— *Ф. И.*) ехал в край на службу всякий сброд, не находивший для себя на родине подходящей деятельности»[1].

Однако сами по себе цели колонизации Центральной Азии и образования 2 марта 1865 г. Туркестанской области в составе Оренбургского (!) генерал-губернаторства предполагали использование в крае, прежде всего, таких методов управления, как насилие, жесткая эксплуатация населения, поборы, всяческое принижение национального достоинства и т. д.

Поэтому же неслучайно, что разработка структуры военно-административного управления Туркестанской областью была поручена штабу командующего Новококандской линией М. Г. Черняеву. Во главе с последним военные чиновники разработали проект документа, который отражал далеко идущие замыслы военно-политических верхов России и потому назывался «Положением о Среднеазиатской пограничной области». И это при том, что составители проекта не могли не знать, что Туркестанская область тогда охватывала лишь малую часть территории, называемой среднеазиатской. Но в то же время эта область простиралась на значительной части территории казахских жузов, кыргызских земель, а также Кокандского ханства и относившегося к Хивинскому ханству Приаралья.

Видимо, желая официально не раскрывать свои дальнейшие планы в отношении Центральной Азии, Военное министерство переработало черняевский проект во «Временное положение об управлении Туркестанской областью», которое 6 августа 1865 г. было утверждено

---

[1] Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1912, С. 224.

императором Александром II[1]. При обеспечении всей полноты военной и гражданской власти в руках военного губернатора и его аппарата, а также русских офицеров на местах, возглавляющих отделы и являющихся военными комендантами, дабы придать подобие респектабельности военно-народному управлению, а именно так была названа вводимая в новой колонии система власти, предусматривалось сохранение традиционных для управления среди коренного населения должностей аксакалов, раисов, миршабов, мирабов, закятчи и др. При упразднении должности кази-каляна и уравнении прав казиев, биев, принципиально новыми элементами стали введение выборности их сроком на три года и ограничение их полномочий, а также утверждение за военным губернатором права окончательного решения, а за учреждаемыми российскими властями судами—статуса судов последней инстанции.

Как совершенно обоснованно заключила Н. А. Абдурахимова, практическим следствием введения в действие «Временного положения об управлении Туркестанской областью» от 6 августа 1865 г. «явилось создание типично оккупационного режима, призванного обеспечивать тыл царских войск, их снабжение и взимание с населения налогов и податей. Народы Туркестана с самого начала были поставлены под двойной гнет»[2]. Добавим, что самым худшим проявлением колониальной политики стал национальный гнет, который суждено было испытать населению коренных национальностей не только Туркестанского края, но и всей Центральной Азии.

Менее чем через два года, в июле 1867 г., из насильственно присоединенных к Российской империи территорий было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Туркестанская область была упразднена, а входившие в состав Оренбургского генерал-губернаторства ее территории были переданы новому генерал-губернаторству и составили Сырдарьинскую и Семиреченскую области с центрами соответственно в гг. Ташкенте и Верном.

К тому времени высшие военно-политические круги

---

[1] ЦГА РУз, ф. И-336. Военный губернатор и командующий войскам и Туркестанской области оп, 1, д. 26. л. 1—6.

[2] Абдурахимова Н. А. Колониальная система власти в Туркестане. С. 31—32.

Российской империи глубоко понимали, что положение в Бухарском эмирате, Хивинском и Кокандском ханствах, без серьезного сопротивления уступивших царизму значительные территории, продолжавших постоянно враждовать между собой и ставших ареной острых внутренних социально-политических коллизий, более, чем когда-либо раньше, благоприятствует продолжению военных действий по захвату новых территорий и доведения политики колонизации края до логического конца, но не провоцируя ответную реакцию со стороны Англии, Ирана и Турции. Известно, что с Ираном, Турцией воевать России все-таки пришлось, но не по причине распространения ее господства в Центральной Азии.

Вот несколько сюжетов, характеризующих обстановку в ханствах и отношения между ними в 60—70-х годах XIX в. Об этом стоит упомянуть, поскольку ситуация в регионе учитывалась царизмом при определении системы управления им и политики по отношению к многонациональному коренному населению Туркестанского генерал-губернаторства и Бухарского, Хивинского ханств, а также побудила военное командование ускорить поражение и ликвидацию Кокандского ханства. Ахмад Дониш писал, что Бухарский эмир Насрулла́х (1826—1860 гг.) отказался выступить против закрепившихся на Сырдарье русских войск, потому что у него нет таких сил, как у русских, да и захваченные земли не принадлежат Бухаре. Позднее, уже в правление эмира Музаффара (1860—1885 гг.), когда принадлежавший Кокандскому ханству Ташкент был осажден колониальными войсками, эмир, вопреки советам сановников, не пошел на помощь осажденным, а решил воспользоваться тяжелым положением ханства и вновь завоевать Коканд[1]. Так, вражда ханств между собой в значительной мере ускорила захват Ташкента русскими войсками в мае 1865 г. Правда, после этого Музаффар отправил к кокандскому хану Худояру своего посла Дамуллу Абдушукура садра с предложением объединить силы для борьбы против российских завоевателей. Но Худояр — хан отказался[2]. Затем эмир направил Парсу Ходжа садра, а по другим сведениям — Мир

[1] См.: Епифанова Л. М. Рукописные источники по истории Средней Азии периода присоединения ее к России (Бухара). Ташкент: Наука, 1965. С. 17.

[2] Там же. С. 62.

Абдулхая ходжу с письмом к турецкому султану с просьбой о помощи в борьбе против России[1]. Однако ни Турция, ни Франция и Англия, к которым также были направлены просьбы о поддержке, никакую помощь Бухаре не оказали. Это свидетельствовало и о том, что правящие верхи этих стран смирились, по крайней мере внешне, с продвижением Российской империи на юг Центральной Азии.

Безучастными оставались правители Коканда в период завоевания царизмом Ходжента (май 1866 г.), Джизака, где русские войска снова, как и под Ташкентом, встретили длительное и ожесточенное сопротивление[2]. А поход на Самарканд, планировавшийся на более поздний срок, был ускорен в связи с обращением жителей города о помощи против деспотизма городского правителя Шир Али[3]. Самарканд был завоеван в 1868 г. И хотя обращение к русским властям действительно имело место, тем не менее патриотизм власть имущих и населения города послужил основным фактором упорной борьбы самаркандцев и прибывших в город жителей окрестных сел против превосходящих колониальных войск, возглавляемых бароном К. П. Кауфманом. Как писал один из видных колониальных чиновников и участников военных действий у стен древнего Самарканда: «Обозленный упорным сопротивлением (защитников города.—*Ф. И.*) фон Кауфман приказал пленных не брать. Приказ был выполнен точно, были зверски избиты и раненные»[4]. По воле генерал-губернатора город три дня разграблялся, а население его подвергалось избиениям и истреблению. В. В. Верещагин (через несколько лет создавший с натуры в г. Скобелеве и Маргилане поистине человеконенавистнические, садистские по духу картины, отображающие сцены опиумокурения, казни «туземцев»), участвовавший в походе на Самарканд как художник-баталист, позднее следующим образом характеризовал поведение командующего: «Как теперь вижу генерала Кауфмана

---

[1] С.: Епифанова Л. М. Рукописные источники по истории Средней Азии периода присоединения ее к России (Бухара).—Ташкент: Наука, 1965. С. 67.

[2] Епифанова Л. М. Рукописные источники по истории Средней Азии. С. 34—35.

[3] Там же. С. 35—37.

[4] Костенко И. Средняя Азия и водворение в ней русской государственности. Спб., 1871. С. 161.

на нашем дворе, творящего суд и расправу над разным людом. Добрейший Константин Петрович, окруженный офицерами, сидел на походном стуле и, куря папиросу, совершенно беспристрастно произносил: расстрелять, расстрелять, расстрелять»[1].

В 1868 г. между Бухарским эмиратом и Россией (ее представлял Туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман) был заключен мирный договор.

В связи с драматической участью Бухарского эмирата 60—70-х годов XIX в. заметим, что даже в условиях активного продвижения царских войск по территории эмирата (Ходжент, Джизак, Самарканд, Зирабулак, Катта-Курган и др.) продолжались благоприятствующие российской политике межфеодальные и межклановые вооруженные конфликты[2]. Эмиру Музаффару пришлось вести войну против своего сына Абдалмалика тюри, против хакимов Шахрисабза, Китаба — Баба бека и Джура бека*, а также против удельных князей Припамирья и Памира. В связи с этим Музаффар вынужден был, пользуясь мирным договором с Россией, обратиться к командованию колониальных войск с просьбой о вооруженной поддержке. Понятно, что сохранить трон Музаффару удалось ценой значительных политических и территориальных уступок Российской империи.

Все это уже в ближайшие годы позволило царизму расширить свои территориальные владения, вошедшие

---

[1] Верещагин В. В. Самарканд в 1868 году. Из воспоминаний художника В. В. Верещагина // Русская старина. 1889. № 9. С. 617—649.

[2] Царизм задачам завоевания ряда территорий Бухарского эмирата придавал столь большое значение, что после неудачного похода Черняева на Джизак (февраль 1866 г.), несмотря на прежние заслуги этого завоевателя, в марте 1866 г. он был снят с должности военного губернатора и командующего войсками Туркестанской области. В том же году на эти должности был назначен барон, генерал-адъютант К. П. Кауфман. Впоследствии он станет одним из самых искусных колонизаторов, самым долговременным генерал-губернатором края.

* После взятия Китаба Музаффаром при участии колониальных войск в 1870 г. Баба бек и Джура бек попытались бежать в Каштар, но по дороге были захвачены нукерами кокандского хана Худояра и выданы командованию русских войск. Затем они активно содействовали осуществлению колониалистских планов в крае, завоеванию и упразднению Кокандского ханства и удостоились почестей со стороны властей империи: Баба бек стал полковником (умер в Ташкенте в 1898 г.), а Джура бек — генерал-майором русской армии (убит кокандскими патриотами в Ташкенте в 1906 г.).

в состав Туркестанского генерал-губернаторства и некоторых других военно-территориальных образований (Закаспийская область, Амударьинский отдел). Но на первых порах становления этого генерал-губернаторства во главе с фон Кауфманом в ведении Военного министерства Российской империи в новой колонии были образованы Сырдарьинская и Семиреченская области (1867 г.), Зарафшанский округ (1868 г.).

К этому времени в соответствии с Указом высших российских властей «Об учреждении Туркестанского военного округа» (июль 1867 г.) в центре колонии—г. Ташкенте были созданы необходимые военные органы, структуры государственной власти. При этом главой гражданской власти и командующим войсками ТуркВО являлся генерал-губернатор, наделенный чрезвычайно широкими полномочиями. По царскому указу первый генерал-губернатор новой колонии был наделен правом решения «всех политических, пограничных и торговых дел, отправления в сопредельные страны доверенных лиц для ведения переговоров и подписания трактатов»[1].

Туркестанский генерал-губернатор имел полномочия по своему усмотрению предпринимать любые, не исключая и военные, действия в отношении не покоренных, но существенно подчиненных ханств, а также «вести управление по ближнему соображению современных обязательств, расходовать доходы по своему усмотрению. Вести дипломатические отношения с соседними государствами; облагать налогами население по своему усмотрению, расходовать средства по бюджету. Утверждать приговоры о смертной казни для лиц местного населения или помиловать»[2].

Это, отчасти, объяснялось намерениями императорского двора продолжать завоевательскую практику на юге Центральной Азии и в Прикаспии, но так, чтобы она представлялась как перипетии внутренней, региональной политической жизни. Именно продолжение этой практики позволило колониальным войскам завоевать значительные территории Хивинского ханства (от восточного побережья Каспийского моря до бассейна Амударьи, охватывавшего туркменские и каракалпакские

---

[1] ЦГА РУз, ф. И-1, Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора, оп. 34, д. 73, л. 21.

[2] ЦГА РУз, ф. И- 1, оп. 34, д. 73, л. 24—25; ГВИА, ф. 400. Азиатская часть. Главного штаба, оп. 1, д. 6, л. 7—8.

земли) и Бухарского эмирата, населенные узбеками, казахами, туркменами и таджиками. Административно-военное деление этих территорий на Амударьинский отдел (центр—г. Петроалександровск) в составе Туркестанского генерал-губернаторства и Закаспийскую область, подчиненную Кавказскому наместничеству, привело к серьезному ограничению владений Хивинского ханства и Бухарского эмирата*. После поражения Кокандского ханства в 1876 г. была создана Ферганская область. Таким образом, в течение уже первого десятилетия существования Туркестанского генерал-губернаторства в его составе, кроме первых двух—Сырдарьинской, Семиреченской областей и Зарафшанского округа, из вновь завоеванных территорий были созданы Амударьинский отдел и Ферганская область. А часть территории Центральной Азии, составившая Закаспийскую область, с определенными целями была передана в ведение Кавказского наместничества.

После решения военных и переселенческих вопросов Зарафшанский округ в 1887 г. был преобразован в Самаркандскую область, а в 1898 г. Закаспийская область из ведения Кавказского наместничества была передана в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Но и без этой области территория новой российской колонии превышала 1,7 млн. кв. км или больше, чем территория Австро-Венгрии, Германии, Франции вместе взятых.

Исходя из своих интересов, а не из интересов коренного населения, царское правительство и колониальные

---

* В связи с тем, что в научно-исторической и общественно-политической литературе в составе Туркестанского генерал-губернаторства с самого начала его образования нередко указывается и Закаспийская область (см., напр.: Социально-экономическое положение Узбекистана накануне Октября. Ташкент: Фан, 1973. С. 10; Труды СамГУ. Новая серия, выпуск № 328. Самарканд, 1976. С. 138), следует отметить следующее: в 1874 г. после занятия Красноводска и Мангышлака был создан Закаспийский Военный Отдел, подчиненный Кавказскому наместничеству. С завоеванием русскими Ахал-Текинского оазиса в соответствии с утвержденным императором 10 июля 1882 г. положением упомянутый Отдел был преобразован в одноименную область, которая позже пополнилась новыми туркменскими территориями. В 1890—1897 гг. Закаспийская область, в основном по военно-политическим соображениям, находилась в непосредственном ведении Военного министерства России. Только в начале 1898 г. эта область с населением более 300 тыс. человек была включена в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

власти произвольно решали вопросы передачи тех или иных областей из одного генерал-губернаторства в другое, тех или иных уездов из одной области в другую. О Закаспийской области уже говорилось. После почти 20-летней казачьей колонизации Семиречья одноименная область, образованная в 1867 г., для более полного ее заселения переселенцами из центральных губерний метрополии в 1882 г. была передана в состав Степного генерал-губернаторства. Административным центром последнего являлся сравнительно далекий от социально активных районов Туркестанского края и очень близкий к России г. Семипалатинск. Поэтому, как правильно рассчитали колонизаторы, массовое переселение не только крестьянского, но и городского населения из метрополии, создание в Семиречье десятков больших и средних русских поселений происходило при значительной изоляции от этих событий подавляющего большинства коренного населения Туркестанского генерал-губернаторства. Только после осуществления основной части переселенческой и, отчасти, военной программ Семиреченская область в 1899 г. вновь была передана в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

Наряду с раздельным осуществлением переселенческой политики в Закаспийской, Семиреченской областях и Амударьинском отделе, имевшем больше военные, чем гражданские функции, социально дифференцированные потоки российских переселенцев ежегодно направлялись и во все другие области Туркестанского генерал-губернаторства. Об этом подробно в следующем разделе книги.

Колониальный, великодержавный характер «военно-народного управления» и всей системы новой власти в Туркестане наиболее отчетливо проявлялся и на уровне областных, уездных структур, где главенствовали русские военные чиновники — соответственно военные губернаторы и уездные начальники. По отношению к коренному населению, включая его хозяйственную и духовную жизнь, правовое положение, власть областных и уездных начальников была практически неограниченной. На эти должности представители местных национальностей не назначались. Но до 1876 г. в городах управление было возложено на выборную местную администрацию, которая затем была подчинена уездным

начальникам, а в Ташкенте — Думе и городской Управе*.

Поскольку Ташкент стал военно-административным центром генерал-губернаторства фон Кауфман, наряду с неограниченными полномочиями во многих других сферах, имел право менять «в туземном управлении, его законах и обычаях все то, что оказывалось решительно вредным в интересах государства»[1]. И именно на примере Ташкента самым драматическим образом для населения коренных национальностей проявлялся дискриминационный, великодержавно-шовинистический характер перемен в «туземном управлении», осуществленных царизмом и колониальными властями.

Ташкенту был придан статус особой административно-территориальной единицы, возглавляемой начальником города, что само по себе подчеркивало преобладание военной власти. С самого начала город был разделен — в основном по национальному составу населения — на новогородскую и старогородскую части. Старогородская (азиатская) часть города, кроме общегородского начальника, управлялась выборными аксакалами, наделенными полицейскими функциями, а также арык-аксакалами, казиями. При этом кандидатуры аксакалов по всем четырем массивам старого города утверждались генерал-губернатором, а все другие кандидатуры — военным губернатором. Все должности «туземной администрации» содержались за счет доли податей и сборов с коренного населения, что составляло примерно 23 тыс. руб. в год[2].

Такая практика позволила колониальным властям,

---

* При введенном имущественном цензе и организационном контроле со стороны колониальных чиновников (из числа русских) в Ташкентскую Думу 2/3 гласных избирались от христианского русского населения, составлявшего в 1877 г. 3921 человек, а $^1/_3$—от 80-тысячного коренного населения. Но при этом избираемые представители местного населения должны были знать русский язык. Такая явно дискриминационная по отношению к населению местных национальностей избирательная система была введена «Городовым положением» 1877 г. по инициативе самого искусного колонизатора и самого (по сравнению с его преемниками) «цивилизованного» генерал-губернатора фон Кауфмана.

[1] Кауфман К. П. Проект всеподданейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867—25 марта 1881 гг.—Спб., 1885.—С. 43.

[2] ЦГА РУз, ф. 36. Управление начальника г. Ташкента, д. 13, л. 7—8.

во-первых, всю власть в Ташкенте сосредоточить в своих руках; во-вторых, создавать видимость участия местного населения в городском самоуправлении, а на самом деле в лице имущих его представителей власти имели проводников всех колониалистских, шовинистических мероприятий. Но и таких представителей, например, в городскую управу допускали очень мало. Так, в управе, просуществовавшей в Ташкенте с сентября 1877 г. до июля 1907 г., среди 6 членов был только один представитель коренного населения — Мулла Юльчи Тойчибаев[1].

Когда это было необходимо властям края, вопросы создания, расширения уездов, волостей, их передачи из одного военно-административного образования в другое решались также без учета мнения, даже вопреки интересам коренного населения. Например, игнорируя позицию узбекского и таджикского населения Ходжентского уезда приказом генерал-губернатора Розенбаха уезд из состава Ферганской области в 1887 г. был передан в состав Самаркандской области, только что созданной посредством преобразования Зарафшанского округа.

Конечно, военные губернаторы областей и уездные начальники выполняли прежде всего военно-политические задачи: укрепление границ с сопредельными странами; обеспечение интересов российских промышленников, банкиров, купцов; контроль внутренней жизни, особенно тенденций в народном образовании, культуре, а также политических настроений коренного населения; содействие сбору обязательных и дополнительных налогов, податей в пользу колониальных властей и т. д. Уездные начальники, кроме того, должны были заниматься вопросами формирования кварталов в городах, волостей и сельских обществ, причем общества, аулы создавались по территориальному признаку, а не по родоплеменным признакам, как было раньше. Кочевые аулы имели определенные пределы передвижения, а в ряде мест еще и порядковый номер — вместо прежних названий по родовой принадлежности или приметам кочевья Видимо, с этим связано рождение шуточной казахской песни «Эй, кыздар ой!», в которой влюбленный юноша

[1] Бродский М. К. К 35-летию Ташкентского городского общественного самоуправления.— Ташкент, 1912.—С. 34.

признается, между прочим, в том, что хотел бы им написать письмо, да номера аула не знает.

Назвав учрежденную в Туркестане систему власти военно-народным управлением (по положению 1867 г.), на самом деле царизм и высшие чиновники колонии — одновременно с реформированием управления в городах — нацелили всю практику административно-территориального деления сельских местностей на создание таких сельских обществ (аулов, кишлаков), а также волостей, которые бы, во-первых, легко управлялись и контролировались в смысле повиновения властям и безусловной собираемости налогов, других сборов; во-вторых, способствовали отказу населения — кочевого от приверженности традиционной родо-племенной социально-политической иерархии, прежде всего власти глав родов и племен, а оседлого — от власти крупной феодальной аристократии.

Этому же служило то, что волости, охватывая от одной до двух тысяч дворов или кибиток (юрт), и аулы, кишлаки, насчитывая не более 200 дворов или кибиток (юрт), зачастую создавались так, чтобы оказались разобщенными по разным сельским обществам, волостям, а порой и уездам, областям представители родов, племен, наций и народностей. Так произошло с рядом туркменских племен, разделенных между Бухарским эмиратом, Хивинским ханством и Закаспийской областью, до 1898 г. входившей в состав Кавказского наместничества; с каракалпакскими родами, разделенными по территориям Хивинского ханства и Амударьинского отдела; с казахскими жузами, которые оказались населяющими территории Оренбургского, Западно-Сибирского, Степного, Туркестанского генерал-губернаторств и Бухарского эмирата; большинство таджиков были разделены по территории Туркестанского генерал-губернаторства, Бухарского эмирата, а статус части таджиков Припамирья и Памира после 1876 г., когда генерал Скобелев заключил договор с беком Каратегина о пограничной линии с Туркестаном и после Памирского разграничения 1895 г., когда вопрос о памирских удельных княжествах, являвшихся объектами притязаний со стороны Афганистана, формально оставался неопределенным. Но фактически в силу ряда факторов, в том числе недоступности многих районов Припамирья и, особенно, Памира, половину года изолированного от всех, сохранение исто-

рически сложившихся общественных отношений, хозяйственного уклада, исмаилитской идеологии среди значительной части горского населения, завоеватели не могли здесь основательно утвердиться. И потому эти районы вплоть до советского периода были относительно самостоятельными. А узбеки, как и кыргызы, оказались населяющими все, за исключением Степного генерал-губернаторства, административно-территориальные образования, созданные царизмом в ходе колонизации Центральной Азии, а также оставшиеся территории Бухарского эмирата и Хивинского ханства.

Но национальный и социальный гнет, которому с самого начала колонизации края подверглось население местных национальностей, а также мусульманское население, эмигрировавшее в Центральную Азию из Восточного Туркестана, осуществлялся не только посредством военно-полицейских репрессий, различных правовых ограничений, налогов, дискриминационной политики в сфере образования, но и через пригодных (в идеологическом смысле) для этого представителей коренного населения.

Решение местных управленческих вопросов, связанных прежде всего с организацией эксплуатации населения и использования природных богатств колонии и зависимых регионов в интересах метрополии, через представителей самого этого населения, по мнению царизма и колониальных властей, должно было способствовать смягчению непосредственного противостояния коренного населения и колонизаторов. Поэтому на выборные и другие должности в низовых, местных органах управления областные и уездные начальники подбирали и назначали людей из среды местной знати, феодально-байского сословия и пророссийски настроенной части интеллигенции, а также духовенства. При этом колонизаторы придерживались различных критериев подбора кандидатов из коренного населения на чиновничьи должности на местах. Суть применявшихся критериев и великодержавно-шовинистических положений довольно откровенно выражали многие представители колониальных властей и российской интеллигенции. Так, деятельный сторонник русификации и обращения коренного населения в православие Н. И. Ильминский указывал: «Нам нужны кандидаты, краснеющие, сбивчиво говорящие по-русски, полуграмотно пишущие по-русски, робеющие не

только перед губернатором, но и перед любым (имеет в виду русским—Ф. И.) чиновником». А генерал А. Вревский, бывший одним из генерал-губернаторов Туркестана, настоятельно рекомендовал: «Мусульман, владеющих русским языком, использовать во всех делах».

Что касается форм и методов деятельности органов власти и управления — от канцелярии генерал-губернатора до сельской общины (кишлака, аула), то здесь определяющей была убежденность колонизаторов в том, что, как говорил тоже один из генерал-губернаторов края С. Духовской, «принцип человечности и гуманизма нельзя применить в отношении коренного населения, которое веками привыкло к произволу своих правителей».

Конечно, до колонизации Центральной Азии ее население испытывало и деспотизм, и произвол со стороны ханской власти и феодально-байских сословий. Но это вовсе не могло служить основанием для осуществления здесь царизмом, положившим в крае конец рабству* и работорговле, небывало жестокого социального и национального гнета. Поэтому неслучайно, что даже представители властей метрополии, ревизировавшие положение дел в колонии, были вынуждены отмечать грубость, многие злоупотребления русских колониальных чиновников, призванных «цивилизовать азиатцев», и безнаказанность таких чиновников[1].

Многим колониальным чиновникам из числа россиян было характерно шовинистическое отношение к населению местных национальностей и это вынуждены были критиковать некоторые официальные органы печати. Например, газета «Восточное обозрение» указывала, что «даже «ласково» говорящие с туземцами администраторы признают лишь принцип: в морду и нагайкой... Мелкое чиновничество учит туземца «выпить» и занимает деньги без отдачи...». В связи с этим уместно привести по-солдафонски прямой ответ М. Г. Черняева, ставшего генерал-губернатором вместо умершего в мае

---

* Отнюдь не пытаясь как-то очеловечить, обелить существовавшее вплоть до 70-х годов XIX в. рабство в ханствах Центральной Азии, стоит заметить, что в отличие от «классического» рабства в Древней Греции, Римской империи и культивировавшегося западными метрополиями в XVII—XVIII вв., рабство в Мавераннахре, а затем и в ханствах региона носило несколько иной характер. Здесь рабы имели право обзаводиться семьей, а также право выкупить свободу. Это было отражено и в «Уложениях» Темура.

[1] ГВИА РФ, ф.—Военно-ученый архив, д. 6874, л. 40-а.

1882 г. К. П. Кауфмана. На вопрос щвейцарского журналиста и политика Генриха Мозера —«Когда вы завершите русификацию?— генерал Черняев сказал: «Когда местное население приучится к русской водке и табаку!»

С великодержавных позиций завоевательскую политику России XVII—1-й пол. XIX вв. оценивает, к сожалению, даже такой замечательной историк, как В. О. Ключевский, назвавший ее «политическим собиранием и объединением частей Русской земли»[1], а покорение ряда народов и практику их русификации — процессом «естественного нарождения (русских—*Ф. И.*) и поглощения встречных инородцев»[2].

Не ограничиваясь мерами по переселению части российского населения, размещению достаточного количества армейских подразделений, созданию полицейско-сыскной службы, утверждению поистине колониалистской социальной, экономической политики и великодержавной идеологии, ради исключения возможности каких-либо вооруженных выступлений коренного населения новых колоний царизм ввел в 1874 г. официальный запрет на службу в армии для представителей мусульманского населения Севера, Северного Кавказа и Туркестана. «Положением об управлении Туркестанским краем» так называемое военно-народное управление, вероятно представлявшееся царизму излишне либеральным и в то же время не отвечающим целям экономической эксплуатации края, было в 1886 г. заменено административно-полицейским[3]. Но, как показали дальнейшие события, никакие меры по усилению колониальной власти и полному подчинению коренного населения Туркестана воле правящих кругов Российской империи не предотвратили зарождение и рост антиколониального, освободительного движения коренных народов.

В связи с этим уместно подчеркнуть, что хотя в колониальный период в Туркестане становление фабрично-заводской и горно-добывающей промышленности, железнодорожного транспорта способствовало появлению индустриальных рабочих из среды многона-

---

[1] Ключевский В. О. Соч. в 9-ти тт.—М., Т. 1, 1987.—С. 52.

[2] Там же.—С. 51.

[3] ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 6. д. 11, л. 17—18; Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 г.—Спб., 1886.

ционального коренного населения, тем не менее их было не столько много, чтобы всерьез говорить об их участии в рабочем движении. Да и рабочего движения как такового в крае не было. Много позже это обстоятельство довольно смело по тем временам охарактеризовал Файзулла Ходжаев. Выступая на совещании комиссии Ревкома в январе 1925 г. он, единственный среди будущих партийно-советских руководителей республик Центральной Азии, подчеркивал: «У нас организованного пролетариата в городах не имеется. Октябрь у нас прошел только силами европейского пролетариата и только часть местного населения принимала в этом участие»[1].

Выступления же в основном русских рабочих, например, Главных железнодорожных мастерских, некоторых других предприятий по-настоящему политического характера не имели. Известно также, что антиколониальные восстания коренного населения края, в частности в 1892, 1898 и 1916 годах, русским пролетариатом Туркестана, не говоря уже о пролетариате метрополии, действенно не поддерживались. Так что прежние утверждения о, якобы, имевшем место в крае соединении национально-освободительного движения с рабочим движением были результатом следования господствовавшим в советские десятилетия идеологическим и классовым установкам.

Возвращаясь же к вопросу о военно-административной системе управления колониальным Туркестаном, следует отметить, что ее основа была создана еще в 1865 г. — применительно к Туркестанской области в составе Оренбургского генерал-губернаторства, но с образованием в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства она значительно укрепилась. В последующие годы, особенно в связи с усилением позиции российского капитала в экономике края и увеличением численности переселенцев из метрополии, при сохранении подчиненности высших колониальных властей Военному министерству постепенно создавались и управленческие структуры других министерств и ведомств Российской империи. Все это позволяло царизму контролировать все сферы жизни народов колонии и деятельность правящих кругов Бухарского эмирата и Хи-

[1] ЦГА РУз, ф. 87, оп. 1, д. 41, л. 7.

винского ханства. Такое положение сохранялось некоторое время и после падения российской монархии.

Глава II. ЭКСПЛУАТАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И НАРОДНЫХ МАСС ТУРКЕСТАНА В ИНТЕРЕСАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Ко времени полного утверждения военно-политического господства России и колонизации ею Центральной Азии экономика последней, определяемая в целом благоприятными природно-климатическими условиями, особенно в зонах орошаемого земледелия, и основанная на постоянно совершенствовавшихся производственно-хозяйственных традициях, а также на учете рыночной конъюнктуры внутри региона и за его пределами, носила не натуральный, как считалось в советский период, а преимущественно товарный характер.

В крае, за исключением районов кочевого скотоводства, ремесленное производство и сельское хозяйство, будучи многоотраслевыми, специализировались не только на насыщении потребительскими товарами внутреннего рынка, но и на их вывоз в Россию, страны Азии и Западной Европы. Притягательность российского рынка для центральноазиатских производителей объяснялась рядом факторов. Так, в частности, даже после петровских и екатерининских хозяйственных и политических преобразований экономика собственно России, особенно ее огромное по масштабам сельское хозяйство, еще сохраняли весьма существенные натурально-патриархальные черты.

Правда, уровень развития производительных сил, особенно, в промышленности России к сер. XIX в. был значительно выше, чем в казахских, Бухарском, Кокандском и Хивинском ханствах. Но тем не менее емкость российского потребительского рынка и расширявшееся фабрично-заводское производство во многих ее районах в сочетании с заинтересованностью правящих и торгово-промышленных кругов России серьезно стимулировали увеличение ввоза хлопка-волокна, шелка-сырца, кожевенно-мехового сырья и разнообразных готовых товаров из Центральной Азии. В свою очередь, население центральноазиатских ханств на протяжении более сотни лет развивало торговые отношения с Рос-

сией, сопровождавшиеся и очень полезным для него обменом хозяйственным опытом.

Помимо всех других факторов, Россию к расширению торговли с ханствами и к сочетанию военно-политического проникновения в регион с постепенным формированием и укреплением позиции империи в его экономике побуждали частые войны (Крымская, русско-турецкая и др.), требовавшие огромных расходов, необходимость замены дорогостоящего импорта американского хлопка, других видов сырья более дешевым и, а также изменения в свою пользу баланса ввоза и вывоза продукции. К тому же серьезную конкуренцию России на потребительском рынке Бухарского эмирата и Хивинского ханства представляла Англия.

Финансово-экономическое положение России в сер. XIX в. существенно ухудшилось, а после отмены крепостного права произошедший спад сельскохозяйственного производства настолько усугубил это положение, что царизм, как уже указывалось, решился продать в 1867 г. Соединенным Штатам Америки русскую часть Аляски и Алеутские острова всего за 7,2 млн. долларов или 11 млн. руб. золотом. Общая площадь проданной территории — 1,5 млн. кв. км.

В этих условиях правящие круги Российской империи, еще со времен Екатерины II поощрявшие все больший ввоз центральноазиатских товаров, добившись утверждения своего господства в Центральной Азии, создав здесь Степное и Туркестанское генерал-губернаторства, поставив Бухарский эмират и Хивинское ханство в зависимое от империи положение, ликвидировав Кокандское ханство, получили возможность непосредственно или опосредованно эксплуатировать экономический потенциал региона, особенно Туркестана, в интересах метрополии.

Правящие и торгово-промышленные круги России ко времени колонизации Туркестана достаточно хорошо знали, в каком состоянии его экономика, в частности сельское хозяйство, ремесленное производство, какими он располагает земельно-водными ресурсами и месторождениями полезных ископаемых. Правда, расширение экспансии России в этом регионе сначала предусматривалось осуществить посредством все большего стимулирования торговых отношений с ханствами, предоставления их купцам возможности беспош-

линного ввоза в Россию многих видов продукции, прежде всего хлопка, хлопчатой бумаги, шелка-сырца, кожевенно-мехового сырья, вывоза из России металло-изделий, текстильной продукции, а также участия на ярмарках, в частности на Нижегородской.

Этим же целям должны были служить опубликованный в Санкт-Петербурге в 1863 г. разработанный генерал-лейтенантом С. А. Хрулевым проект «Устава товарищества для торговли с Средней Азией», а также созданное с ведома императора в 1866 г. Московско-Ташкентское товарное товарищество. Учредителями последнего стали крупные купцы, фабриканты и заводчики России, в их числе Хлудовы, Каретниковы, Савва Морозов, И Лямин и др.).

Конечно, после образования Туркестанского генерал-губернаторства подходы царизма и — соответственно — колониальных властей к определению форм, методов и основных направлений использования земельно-водных, трудовых ресурсов, всех материальных богатств новой колонии в интересах метрополии были конкретизированы и приобрели отчетливо выраженный колониалистский характер. Так, учитывая новые, несравненно более широкие, чем прежде, возможности удовлетворения потребностей текстильной, камвольно-суконной и ряда других отраслей российской промышленности, базирующихся на переработке сельскохозяйственного сырья, а также то, что не только экономика, но и социальное положение коренного населения в решающей мере зависят от состояния сельского хозяйства Туркестана, власти метрополии и колониальная администрация в качестве первоочередной задачи принялись за реформирование землепользования, структуры сельскохозяйственного производства.

Поскольку традиционное землепользование и, особенно, водопользование в районах поливного земледелия определялись давно сложившимися, во многом архаичными обычаями, не отвечавшими серьезно изменившимся и меняющимся внутренним и внешним условиям хозяйственной жизни, в изменении земельно-водных отношений были заинтересованы и трудящиеся массы дехканства. При этом, однако, последние реально не представляли себе ни направлений, ни сути желаемых перемен, но несомненным было их желание, чтобы зем-

ле- и водопользование стало возможно более справедливым.

В связи с политикой реформирования сельского хозяйства стоит особо подчеркнуть, что в районах кочевого и, отчасти, полукочевого скотоводства колониалистские реформы касались в основном существенного ограничения управленческой роли родо-племенных старейшин в хозяйственной жизни кочевого населения, а также были направлены на определение порядка, размеров налогообложения, условий пользования пастбищными землями и пределов зоны сезонных перекочевок в границах тех или иных уездов области. Но по мере казачьей и вообще российской колонизации края, прежде всего Семиреченской и Сырдарьинской областей, дело доходило до массового переселения, вернее вытеснения кочевого и полукочевого населения в новые для него и менее пригодные для жизни регионы, что пагубно сказывалось не только на хозяйствовании, но, по большому счету, и на его психическом складе. Такие факты вопиющего колониалистского произвола, олицетворявшего собой и великодержавно-шовинистические установки царизма, был вынужден признать сенатор К. К. Пален. Он, в частности, отмечал, что допускалось «массовое смещение киргизов (имеются в виду казахи — Ф. И.) с зимовых стойбищ, занятие русскими поселенцами (в основном казаками) «5100 очагов оседлости с населением более 30 тыс. душ» в Семиреченской области[1].

Вместе с тем, на первых порах колонизации края новые обстоятельства, связанные как с изменением условий внешнеторговой деятельности коренного населения, в том числе формально самостоятельных, но фактически поставленных в зависимость от воли царизма Бухарского эмирата и Хивинского ханства, а также части территорий казахских жузов, включенных в состав Оренбургского, Западно-Сибирского, Степного генерал-губернаторств, и туркмен Закаспийской области, подчиненных Кавказскому наместничеству, так и главным образом, с утверждением государственно-политической власти и социально-экономического господства

[1] Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края произведенной по высочайшему повелению сенатором, гофмейстером, графом К. К. Паленном. Переселенческое дело в Туркестане.— С.57.

России в Туркестане, ряде других регионов Центральной Азии, объективно способствовали оживлению кустарной промышленности, сосредоточенной преимущественно в городах, а также сельского хозяйства. Наряду с этим увеличение потока сначала английских, потом российских товаров,— более низких по цене и более высокого качества, на туркестанский рынок вызвало здесь усиление тенденций повышения уровня производства сырья и готовой продукции, обеспечения конкурентоспособности их на рынках метрополии и сопредельных стран.

И потому колониальные власти вплоть до достаточного расширения в Туркестане позиций торгово-промышленного капитала метрополии, заметного увеличения численности российских переселенцев, а также создания базы для фабрично-заводского производства в колонии особых ограничительных, дискриминационных мер, которые были заблаговременно разработаны, в отношении местных производителей потребительских товаров не предпринимали. Но в целях увеличения ввоза в Туркестан и соседние ханства российских товаров и вывоза из этих регионов сельскохозяйственного и минерального сырья российские власти заставили правителей ханств снизить, а затем и вовсе свести до минимума пошлины на ввоз, а также осуществили ряд протекционистских мер в интересах производителей и потребителей метрополии.

Но на территории генерал-губернаторства, рассматривавшейся царизмом и колониальными властями в качестве составной части Российской империи, экономическая политика с самого начала была подчинена интересам метрополии.

Прежде всего в Туркестане все земли, пригодные для хозяйственного пользования, были объявлены собственностью Российского государства. Затем, все-таки учитывая обычаи наследственно-подворного (семейного) владения землей, сложившиеся у оседлого и, отчасти, полукочевого населения в последние столетия, царизм и колониальные власти на основе дифференцированного подхода передали на условиях аренды часть земель коренному населению. Земли крупных землевладельцев, благосклонно воспринявших колониза-

цию, были лишь частично урезаны*), а вакфные земли, то есть земли, принадлежащие мусульманским заведениям (медресе и мечетям), как и земли, являвшиеся собственностью представителей высшего духовенства, не были затронуты реформами. Но создание новых вакфов теперь допускалось только с разрешения генерал-губернатора. Во всем этом проявлялась двойственная позиция царизма и колониальных властей: с одной стороны, не отказываясь от колониалистских экономических целей, осуществив огосударствление всех земель, за исключением вакфных, они будто бы попытались продемонстрировать свое стремление к социально справедливому решению земельного вопроса, а заодно и свое, якобы, уважение к религии, исповедуемой подавляющим большинством населения края; с другой стороны, посредством объявления земель Туркестана собственностью российского государства, власти фактически провозгласили не только утверждение полного господства метрополии, но и намерение создать резерв земель для прибывающих в колонию переселенцев из центральных губерний и для будущих хлопковых плантаций.

Колониалистская суть осуществленных в крае изменений в земельных и вообще аграрных отношениях проявилась и в том, что и мульковые (частновладельческие), и амляковые (государственные) земли были обложены одинаковыми по форме, но разными по размерам налогами. Однако переселенцы из России не

---

* Таких землевладельцев и представителей высшего сословия коренного населения, не просто согласившихся с политикой колонизации края, но и содействовавших этому, было немало. Но царизм и власти Туркестана стремились всячески поощрять непатриотические, компрадорские настроения среди населения местных национальностей. Известно, например, что уже в первом году образования Туркестанского генерал-губернаторства группа наиболее видных представителей верхов ташкентского населения — крупные купцы Саидазимбай Мухаммадбаев (Салих Ташканди приводит фамилию «Мухамадиев»), прежде учившийся в Нижнем Новгороде и овладевший там русским языком, шейхульислам Ташкента Насыр Мулла Исхак, казыкалон (верховный судья) Юсуфходжа Абдулла-Ходжаев, еще один казыкалон Каландарходжа Жунайдуллаев и ряд других — была принята в Петербурге императором Александром II. Подобные акты внимания, правда не всегда с приемами при императорском дворе, к компрадорски настроенным вельможам Туркестана и Бухарского эмирата, Хивинского ханства демонстрировались и в последующем.

только наделялись значительными по площади и лучшими по водообеспеченности землями, но и на несколько лет освобождались от земельного и других налогов, что способствовало превосходству их хозяйственной деятельности по сравнению с коренным населением.

Разработанное в 1873 г. под председательством генерал-губернатора фон Кауфмана новое положение о землепользовании определило порядок частнособственнического владения землей. В соответствии с этим оформление права частной собственности на землю, за исключением вакфных земель, производилось только по предъявлении частными лицами законных, то есть юридических, документов, подтверждающих это право. И это было предусмотрено намеренно, исходя из великодержавно-шовинистических соображений, а не только из сугубо эксплуататорских. Дело в том, что еще до колонизации, а затем и по материалам созданной в 1869 г. комиссии Министерства земледелия России и образованной в 1872 г. под председательством А. К. Абрамова (в последующем военный губернатор Ферганской области) комиссии по земельным делам властям было известно, что подавляющее большинство коренного населения на протяжении десятилетий владеет землей, не имея каких-либо документов, то есть на основе традиционного наследования или (в случае освоения новых площадей, получения в наследство) на основе общинного согласования. Но наряду с широкими возможностями для лишения части населения местных национальностей до сих пор принадлежавших им земель (по причине отсутствия документов) новый порядок создавал немало поводов для различных злоупотреблений со стороны колониального чиновничества, поскольку от него зависело: признать ли имеющиеся документы законными, выдать ли документы на право пользования землей или нет, быть ли узбеку, таджику, казаху, кыргызу, каракалпаку, туркмену с землей или в одночасье оказаться без земли-кормилицы? Поэтому чиновники не гнушались ни вымогательством, ни подлогами, ни другими махинациями, что воспринималось коренным населением, особенно его неимущими слоями, не только как социальный, но и как национальный гнет.

На протяжении всего колониального периода продолжались начавшиеся еще в ходе завоевания края акции по изъятию земель коренного населения для строи-

тельства русских поселений, военных гарнизонов, для прокладки железных дорог, для создания многих и разных государственных, частных объектов. В 1870 г. под предлогом строительства открытого базара в Ташкенте у дехкан безвозмездно было изъято 300 десятин*) земли, а уже в следующем году для товарищества «Константиновский конный завод» в окрестностях Ташкента была предпринята попытка отторгнуть у местных дехкан 23 тыс. десятин земли, но, встретив сильное сопротивление, власти сумели отнять только 2 тыс. десятин[1].

Однако самый главный колонизатор края, российский император, уже имевший в своей собственности обширные имения в России, во всех других ее колониях, в том числе в Семиреченской, Сырдарьинской и Ферганской областях Туркестана, свою алчность распространил и на Закаспийскую область, подчиненную Кавказскому наместничеству, чем также поощрил колониалистскую практику захвата земель коренного населения во всей Центральной Азии. Указом Александра III сенату поручалось «все впусте лежащие земли по течению р. Мургаба ... признать собственностью царствующего императора, с наименованием Мургабским государевым имением». Но имение было создано в 1887 г. не «на впусте лежащих землях», а на землях, отторгнутых у туркмен Мервского и Иолатанского оазисов. Общая площадь отнятых земель составила почти 104 тыс. дес. Правда, для их орошения потребовалось сооружение Султанбентской (1887—1890 гг.) и Гиндукушской (1891—1895 гг.) плотин[2].

В дальнейшем насильственное изъятие не только обрабатываемых, но и пастбищных земель, приняло массовый характер и широкие масштабы, особенно в связи с увеличением численности переселенцев из России и усилением позиций российских и иностранных торговых, промышленных, банковских товариществ, фирм в Туркестане. Дело дошло даже до принятия — в общем русле столыпинской аграрной реформы — в 1910 г., правительством метрополии закона об изъятии излишков земли у коренного населения.

*) Одна десятина равна 1,09 гектара.

[1] Кастельская З. Д. Из истории Туркестанского края (1867—1917).— М.: Наука, 1980.— С. 50.

[2] См.: История Туркменской ССР. Т. I. Кн. 2-я.— Ашхабад, 1957.— С. 146.

Произвол колониальных чиновников и многих переселенцев в отношении дехкан, большей частью бедняков, нередко вынуждал последних выражать свой протест и даже оказывать физическое сопротивление. Так, в отчете военного губернатора Сырдарьинской области за 1912 г., в частности, указывалось: «Сырдарьинская область была открыта для водворения русских крестьян переселенцев. Площадь земель, запроектированных к изъятию из киргизского (имеется в виду казахское и кыргызское население — Ф. И.) землепользования с присоединением земель, уступленных киргизами по добровольному соглашению, выразилась по Чимкентскому и Аулиетинскому уезду (так в тексте—Ф. И.) в 57109 десятин, из которых удобной земли насчитывается 64762 дес.»[1].

По далеко неполным данным Н. Н. Жемчужникова, в четырех областях Туркестана — Сырдарьинской, Самаркандской, Закаспийской, Ферганской — только для организованно прибывших переселенцев из России (много было и самовольно переселявшихся) было передано почти 600 тыс. десятин земли, отторгнутой у коренного населения[2]. И это не считая Амударьинского Отдела, Семиреченской области, а также. земли, изъятые для создания государева имения, казенного фонда, лесного ведомства и русских поселений.

В связи с национальными аспектами последствий колониалистской земельной «реформы» в Туркестане стоит отметить еще некоторые ее направления. Например, очень серьезное отрицательное влияние не только на социальное положение, но и на общественное настроение коренного населения оказывали целенаправленное образование так называемой казенной оброчной статьи, казенного фонда (земельного), лесного ведомства, в собственность которых отторгались значительные площади лучших обрабатываемых, пастбищных земель и лесных угодий. При этом большинство местного населения многих аграрно развитых уездов переселялось в другие местности, а экспроприированные путем подобного «землеустройства» земли, озера, лесные участки передавались российским переселенцам, в качестве вознаграждения раздавались отличившимся чиновникам.

---

[1] ГВИА РФ, ф. 400, 1912 г., д. 126, л. 105

[2] Жемчужников Н. Н. Движение на восток.— М., 1927.—С. 37.

Так, только в 1913—1915 гг. и лишь в одной Семиреченской области многим колониальным чиновникам было роздано 1 млн. 800 тыс. десятин земли. Один только полицмейстер города Верного (ныне — Алматы) получил 10 тыс. десятин[1]. Таких фактов, к сожалению, было немало и в других областях Туркестанского генерал-губернаторства.

Наряду с этим в соответствии с рекомендациями академика А. Ф. Миддендорфа, по просьбе фон Кауфмана обследовавшего в 1878—1879 гг. состояние земельно-водных отношений и системы налогообложения в Ферганской области, намечалось, но не удалось ликвидировать парцеллярную (семейную) форму земельной собственности и издавна существовавшее среди оседлого сельского населения пользование землей в виде приусадебных участков или, иначе говоря, подворное землепользование.

Однако, эта неудача с «научными разработками» Миддендорфа с лихвой была компенсирована посредством мер, предложенных комиссией во главе с сенатором Ф. К. Гирсом, ревизовавшей в 1882 г. состояние колониального господства России в Туркестане. Имеется в виду, прежде всего, стремление царизма усилить эксплуатацию природных богатств, производственных возможностей колониального края в интересах России, вступившей на путь капиталистического развития. И хотя в том не было особой нужды, российские власти, дабы придать респектабельность, внешнюю обоснованность предпринимаемым колониалистским акциям, с подачи комиссии Гирса стали утверждать, что «содержание» Туркестана очень убыточно для метрополии. А коль так, то оправданы меры по увеличению налогов и податей, по сокращению земельных площадей, составляющих собственность вакфов и передача их в собственность государства и т. д. Например, подчеркивалось, что в период 1868—1881 гг. расходы царизма в Туркестане более чем на 100 млн. руб. превысили полученные здесь доходы. «Большая часть этих денег,—писал Ф. К. Гирс,— уплачена не туземцами, а русскими (т. е. русскими налогоплательщиками метрополии), а вместе с тем эта сумма, несомненно, увеличила благосостояние тузем-

---

[1] ЦГА РУз, ф. 16, оп. 1, д. 598, л. 36,39.

ных жителей Туркестана»[1]. Фактически же царизм извлекал немалую выгоду от хозяйственной эксплуатации колонии. Но чтобы представить положение в полезном для себя ракурсе, власти метрополии и Туркестана в расходы «по устройству» края включали и расходы по содержанию русской части Ташкента, ряда других городов, размещенных на территории края воинских подразделений, по строительству тюрем, по охране границ с Афганистаном, Ираном и Китаем (в южной части Ферганской области) и т. д. И если принять в расчет только 75 млн. руб., расходовавшихся на содержание 50-тысячной русской армии, то и тогда, как отмечал видный ученый-экономист А. М. Аминов, Туркестан приносил метрополии не менее 7 млн. руб. дохода ежегодно[2]. Но Ф. К. Гирс и сам отмечал, что, например, в 1879 г. на компенсацию части расходов по содержанию русской части Ташкента каждая семья, проживающая в старогородской части, била вынуждена заплатить в среднем по 31 коп. В этом плане практиковалось и такое, когда, например, «население Старого Маргилана, расположенного на расстоянии 12 верст от Нового Маргилана (Фергана) и не имеющего отношение к новому городу, ежегодно выплачивал на его содержание до 9 тысяч рублей. Доходы же старогородской части Самарканда не превышали 4 тысяч рублей, но за ее счет покрывались все расходы Нового Самарканда. Этот путь возмещения расходов городов служит причиной недовольства местного населения. Это обстоятельство не может сблизить два народа»[3].

Как видно, Туркестан и в экономическом отношении изначально не был убыточной колонией России. Тем не менее, стремление к еще большему экономическому и социальному закабалению коренного населения, прежде всего и особенно его оказавшихся под двойным гнетом слоев, комиссия Ф. К. Гирса в 1882 г. и Особая комиссия графа Н. П. Игнатьева предложили ряд мер, которые получили законодательное подтверждение в новом «Положении об управлении Туркестанским краем»

---

[1] ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 11, д. 4476, л. 186—187; в книге же «Отчет о состоянии Туркестанского края» (СПб., 1883.— С. 306) Гирс указывал, что убытки составили 85,5 млн. руб.

[2] Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период).— Ташкент: Госиздат, 1959.— С. 100—101.

[3] Гирс Ф. К. Отчет о состоянии Туркестанского края С. 112.

от 12 июня 1886 г. (это «Положение...» существенно дополнялось, в частности, в 1894 г., 1900 г., 1910 г. и действовало вплоть до лета 1917 г.).

Были, отчасти, приняты к реализации предложения Гирса по ограничению частного (наследственного) вакфного землепользования и передаче излишков земель частных вакфов трудящимся на них дехканам, но с систематическим взиманием с первых и последних довольно высоких налогов, а также по увеличению всех видов налогов и податей, взимаемых с коренного населения, в том числе с вакфных земель, переданных в пользование тем, кто их обрабатывает. Ограничение вакфной собственности было связано и со стремлением властей колонии возможно больше ослабить позиции мусульманских учреждений и духовенства.

Таким образом, начавшаяся еще в 1868 г. реформа земельных отношений в 70-е годы приобрела все более преобладающее направление — изменение количества и увеличение размера налогов и податей с сельского населения. Так, вместо существовавших в крае, до его завоевания, многочисленных налогов и повинностей, как правило носивших натуральный характер, был введен единый государственный поземельный налог, взимавшийся с обрабатываемых и необрабатываемых земель, принадлежащих как частным лицам, так и родо-племенным общинам, различным обществам. Разумеется, государевы имения, не переданные арендаторам из местного населения земли крупных русских чиновников и в течение первых пяти лет земли российских переселенцев, православной епархии освобождались от налогов и податей. Из политических соображений власти колонии на некоторое время не стали облагать поземельным налогом ненаселенные и необрабатываемые вакфные земли, а также принадлежащие мечетям, медресе сады и рощи, «если они служат местами общественных собраний, общественных праздников и отдыха путешественников»[1].

При этом поземельный налог в размере 10 проц. среднего валового дохода с поливных земель и в подесятинном порядке — с богарных и необрабатываемых

[1] См.: Переселение и землеустройство в Азиатской России: Сборник законов и распоряжений (сост. В. П. Вощинин). — ПГ., 1915. — С. 294.

взимался независимо от наличия или отсутствия населения в зоне этих земель. Кочевое население, не занимавшееся даже частично, как полукочевое население, земледелием, облагалось кибиточной податью — с 1882 г. в размере 4 руб. с каждой кибитки (юрты, землянки, любого другого жилища)*. К тому же кочевое и полукочевое население Туркестана обязано было ежегодно вносить в счет компенсации расходов земской администрации и на жалование местной (аульной, волостной) администрации, состоящей из представителей имущих слоев, по 1,25 руб. и по 0,5 руб. (с кибитки) на содержание русско-туземных школ, интернатов и т. д.[1]

В последующем размеры поземельного налога, кибиточной подати, других различных повинностей, охватывавших в основном трудящиеся массы местных национальностей, периодически увеличивались по усмотрению властей метрополии и Туркестана. Так, к 1910 г. размеры всех налогов и податей, взимавшихся с коренного населения, по сравнению с 1869 г. увеличились в 10 раз[2].

Система налогообложения носила довольно безусловный и даже жесткий характер. Во-первых, отменив все виды натуроплаты, вносившейся в счет налогов и податей, «Положение об управлении Туркестанским краем» от 1886 г. предусмотрело (это и предлагал Ф. К. Гирс) взимание государственного поземельного налога только деньгами.

Это нововведение, с одной стороны, было потребностью формирующихся капиталистических производственных отношений, но, с другой стороны, оно усиливало социальное угнетение коренного населения, особенно земледельческого, кочевого и полукочевого, а также стимулировало расширение масштабов чиновничьего произвола, прежде всего обмана и ограбления народных масс, взяточничества и казнокрадства. Сборщики налогов кроме того, что взимали подати и налоги сверх установленных ставок, занимались взяточничеством и

---

* В 1865—1867 гг. размер кибиточной подати составлял 1,5 руб., в 1868—1881 гг.—2,75 руб., а с 1882 г.—4 руб. Фактически кочевники платили по 7 руб. с кибитки (юрты).

[1] Аминов А. М. Указ. соч. — С. 98.

[2] См.: Статистический ежегодник, 1917—1923 гг. Т. 2. Ч. 3.— Ташкент, 1924. — С. 381.

утаиванием не только излишне взысканных сумм, но и части суммы, подлежащей сдаче в казну. Такие неблаговидные факты в колониальный период были довольно типичными. Неслучайно, одна из первых после образования генерал-губернаторства проверок состояния налоговой системы, проведенная в Зарафшанском округе в 1870 г., выявила, что сборщики налогов утаили из суммы фактически взысканных налогов и податей почти 165 тыс. руб.[1] Многие сборщики налогов, чиновники не только аульной, волостной, уездной администрации, но и областных, краевых органов власти и управления были привлечены к ответственности за мздоимство и казнокрадство и даже преданы суду[2]. А сколько подобных чиновников оставались безнаказанными?! Возможно излишне эмоционально, но достаточно образно морально-нравственный облик колониального чиновничества Туркестана нарисован в стихотворении Н. Воробьева «Прощай, ты — воров край» и в следующей записи в жалобной книге одной из железнодорожных станций:

Привет, мой Туркестанский край —
Обетованная земля!
Но все же очень, очень жаль,
Что нас с тобой судьба свела...
Сумеем так же, как и все здесь —
Прогрессивно тупеть и жиреть[3].

Во-вторых, крайне безжалостными были условия взимания налогов и податей с коренного населения. В частности, это то, что за каждый просроченный месяц (неуплаты налога, подати) взыскивалось пени в размере 1% от суммы налога или подати[4]. Для кочевого населения предусматривалось, что если неимущий труженик оказывался не в состоянии платить кибиточную подать, а так было часто, то ее взыскивали с аульного общества. За утаивание факта неуплаты подати таковая взыскивалась в двойном размере. Компенсация невзысканной подати производилась следующим образом: имущество должника, за исключением

---

[1] ЦГА РУз, ф. И—1008, д. 14, л.. 51.

[2] Там же, ф. И—88, Туркестанская контрольная палата, оп. 1, д. 49, л. 51—54.

[3] Цит. по: Лунин Б. В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения, С. 139.

[4] Переселение и землеустройство в Азиатской России, С. 309.

кибитки (юрты) и той части скота, которая ему крайне необходима для существования, продается. А если имущества не хватает, то недоимка уплачивается остальными юртовладельцами — по раскладке аульного схода или по раскладке волостных выборных[1]. И это при том, что поземельный налог в колониальном Туркестане изначально был в три раза выше, чем в России, и в период с 1867 по 1882 год он был увеличен вдвое.

Тяжелое положение трудящихся местных национальностей предопределяло то, что, несмотря на жесткость и безусловность порядка взимания налогов и податей, сумма недоимок увеличивалась год от года. Например, к 1 мая 1883 г. налогово-податная задолженность населения края составляла 1 млн. 165 тыс. руб.[2]

Но и без всяких злоупотреблений, преступлений со стороны пришлых и местных чиновников, других негативных проявлений в практике взимания поземельного налога, кибиточной подати и исполнения различных обязательных повинностей сама по себе система общественной, вернее сказать—социальной раскладки поземельного и других налогов, податей, введенная фон Кауфманом, служила первоосновой усиления социального расслоения среди сельского населения, в том числе кочевого и полукочевого, а также городских жителей, сочетавших занятия ремеслом, торговлей с земледелием или имевших только земельную собственность.

От колониалистской реформы земельных отношений и от налоговой, переселенческой практики царизма, властей Туркестана, стремившихся, как и желали многие активные проводники великодержавно-шовинистического курса России, в частности А. В. Кривошеин, обеспечить «политическое преобладание русской народности» и закрепить это «хозяйственной ее силой»[3], более всех других слоев страдали трудовые массы местных национальностей.

К тому же великодержавный, колониалистский курс России резко усилился после первых ее поражений в первой мировой войне. Совет Министров Российской импе-

---

[1] Переселение и землеустройство в Азиатской России, С. 310.

[2] См.: Аминов А. М. Указ. соч, С. 99—100.

[3] Кривошеин А. В. Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. Приложение к всеподданейшему докладу.— СПб., 1912, С. 4.

рии 24 декабря 1914 г. распорядился увеличить на 1915 г. «установленные местными учреждениями (колониальной администрации — Ф. И.) оклады поземельного налога на 100 процентов с орошаемых земель и на 50 процентов — с богарных и необрабатываемых земель в Самаркандской, Ферганской и Сырдарьинской областях». Отсутствие же в распоряжении правительства метрополии указания на Закаспийскую и Семиреченскую области объяснялось, во-первых, тем, что в этих областях преобладающую часть орошаемых земель составляли государевы имения, собственность казачества, русских чиновников и крестьян — российских переселенцев, коих раздражать царизм считал нецелесообразным; во-вторых, богарные и необрабатываемые земли использовались в основном кочевым и полуоседлым населением в качестве пастбищ и сенокосных угодий. А взыскать с этого населения повышенные подати и налоги было невозможно. Тем более, что на нужды русской армии на западном фронте у кочевого и полуоседлого населения Туркестана и Степного края отбирались лошади, повозки, седла, юрты, продовольствие.

Однако, в довершение ко всему, как известно, в июне 1916 г. в соответствии с царским указом осуществлялась мобилизация мужчин местных национальностей (от 19 до 43 лет) на военно-тыловые работы в России, что стало поистине драматическим событием в жизни коренного населения края, вызвавшим массовые его восстания. Тем не менее последний генерал-губернатор Туркестана А. Н. Куропаткин (1916—1917 гг.) после подавления народных восстаний намеревался до июня 1917 г. отправить на военно-тыловые работы 80 тыс. «туземцев»[2].

А в связи с последствиями аграрной политики царизма в колониальном Туркестане, отчасти затронувшей также Бухарский эмират и Хивинское ханство, стоит отметить, что наряду с такими положительными переменами, как развитие производительных сил сельского хозяйства (внедрение железного плуга, строительство ряда плотин, каналов, насосов для подъема воды из рек, вспашка богарных земель и т. д.), расширение селекционной работы в хлопководстве, животноводстве, перевод

[1] Переселение и землеустройство в Азиатской России, С. 295.
[2] ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 31, д. 1191, л. 39.

значительной части кочевого населения на оседлый и полукочевой образ жизни, было немало отрицательных следствий. Так, самым большим злом для коренного населения края стало резкое усиление его социальной дифференциации, особенно увеличение доли безземельных и малоземельных, утверждение социального гнета со стороны российских торгово-промышленных и банковских фирм, товариществ, частных компаний и со стороны местных феодально-байских кругов, нарождающейся буржуазии коренных национальностей, насильственная деформация исторически сложившихся традиций устройства сельских общин, родо-племенных связей и условий народонаселения, насаждение монокультуры хлопчатника в интересах промышленности России, разрушение ремесленного производства и народных промыслов сельского населения.

Другим важным направлением социально-экономического курса властей Российской империи в Туркестане после превращения его в генерал-губернаторство являлось осуществление преобразований в сфере промышленности, транспорта, банковского дела, определявшихся потребностями развития капиталистической экономики метрополии и издавна присущей российским властям склонностью решать внутренние проблемы державы посредством использования внешних территорий, богатств и возможностей соседних нерусских народов.

Интерес к хозяйственным возможностям, природным богатствам Центральной Азии российские политические и промышленные круги проявляли задолго до ее завоевания. О многом в этом плане они знали из трудов еще средневековых авторов, посвященных истории Бухары (например, Наршахи), Самарканда, Хивы, других регионов Центральной Азии, а также по материалам различных «ознакомительных» экспедиций, предпринимавшихся с ведома властей империи в XVIII—первой половине XIX в. Так, в 1841 г. в Бухаре и некоторых регионах Центральной Азии с экспедицией побывал К. Бутенев. Судя по публикации, его основной задачей здесь было изучение богатств недр планируемого к завоеванию края. В одной из своих статей Бутенев указывал на наличие богатых залежей медных и железных руд, а также бирюзы в Нуратинских горах[1].

[1] Бутенев —2-й. Минеральные богатства Бухарии: Горный журнал за 1842 г.— СПб. Ч. 4. Кн. 11.

Много ценных для властей и нарождающихся капиталистов Российской империи сведений не только военного характера, но и свидетельствующих о потенциальном хозяйственном значении бассейна Аральского моря, дало исследование его экспедицией лейтенанта русского флота А. И. Бутакова в июле 1848—сентябре 1849 гг. Кстати заметим, в ходе этой экспедиции, в которой по инициативе Бутакова участвовал в качестве живописца и сосланный на Мангышлак Т. Г. Шевченко, впервые были выявлены признаки постепенного усыхания Аральского моря, а также обнаружено наличие залежей угля в толще полуострова Куланды и вблизи Усть-Юрта[1].

После завоевания и в процессе колонизации Туркестана и ряда других регионов Центральной Азии работы по геологической разведке и промышленной эксплуатации месторождений полезных ископаемых российскими и многими западноевропейскими представителями финансово-промышленных кругов развернулись достаточно широко. Разработка месторождений и вывоз различных видов минерального сырья из Центральной Азии, особенно из Туркестана, значительно увеличились после соединения новой колонии с метрополией посредством железных дорог (Закаспийской, Туркестано-Сибирской и Среднеазиатской), а также судоходства по Амударье и по Каспию от Красноводска.

Но даже при самых больших объемах вывоза минерального сырья из Туркестана (совсем иное дело — вывоз такого сырья с казахских территорий, включенных в состав Оренбургского генерал-губернаторства и образованного по указу Александра II в октябре 1868 г. Степного генерал-губернаторства, включавшего в себя Тургайскую, Уральскую, Акмолинскую, Семипалатинскую области, а также в 1882—1899 гг. Семиреченскую область) главное место в эксплуатации экономики края занимало увеличение — при колониалистском участии российского капитала — производства и вывоза сельскохозяйственного сырья, прежде и более всего хлопка-волокна, шелка-сырца, шерсти, кожевенной продукции. Именно в этом, в первую очередь, нуждалась спонтанно, но широко развивавшаяся капиталистическая эко-

---

[1] См.: Мушкетов И. В. Туркестан. Т. 1.—СПб., 1886, С. 143—144; Дневные записки плавания А. И. Бутакова по Аральскому морю в 1848—1849 гг.—Ташкент, 1953, С. 15—16.

номика метрополии, в которой, пожалуй, первое — после полукрепостного сельского хозяйства — место занимала многоотраслевая легкая промышленность.

Стремление властей России к превращению Туркестана в крупного поставщика дешевого хлопка и другого сельскохозяйственного сырья предопределялось и необходимостью избавления отечественной промышленности от часто осложнявшегося и осуществлявшегося через Ливерпульскую биржу и европейские страны завоза гораздо более дорогого хлопка из США. В этих целях царизм всячески поощрял не только расширение площади посевов хлопчатника, но и перевед хлопководства колонии на американские сорта, поскольку на переработке хлопка-волокна этих сортов уже несколько десятилетий специализировалась текстильная промышленность России, а также предпринимал много других мер.

В этом плане российские власти в какой-то мере следовали примеру Англии, которая для более интенсивной эксплуатации Индии затратила немало средств на прокладку здесь железных дорог и на повышение урожайности индийского хлопчатника, и примеру Франции, активно содействовавшей развитию хлопководства в своих африканских колониях, особенно в Алжире. При этом, в отличие от Англии, Франции и некоторых других колониальных держав, в осуществлении колониалистской экономической политики в Туркестане, во всей Центральной Азии Россия имела такие очень важные преимущества, как смежность территорий метрополии и новых покоренных регионов, сравнительно давние их торговые, хозяйственные связи.

Следует подчеркнуть также, что ориентация российских властей и торгово-промышленных кругов на туркестанское сельскохозяйственное сырье довольно рельефно проявлялась еще до колонизации края. Например, когда в начале 60-х годов XIX в. в условиях гражданской войны (между Севером и Югом) в США сократилось производство хлопка, резко (в 4 раза в течение 1861—1864 гг.) увеличился вывоз хлопка из Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств. При этом рыночная цена этого хлопка тоже многократно возросла. Так, если в 1861 г. в Москве и Нижнем Новгороде каждый его

пуд стоил в среднем 4—5 руб., то в 1864 г.— от 22 до 23 руб. (!)[1].

Не вдаваясь в характеристику деталей организации колониальными властями банковских структур, хлопковых, кредитных товариществ, торговых домов, промышленных предприятий и других структур, принадлежащих российскому капиталу, укажем, что в результате всех мер, в том числе и усиления дискриминации коренного сельского населения в оплате труда, в землепользовании, в определении цен на вывозимую в метрополию сельскохозяйственную продукцию, особенно на хлопковое волокно, шелк-сырец и скот, за полвека господства в Туркестане Российская империя за счет колонии добилась освобождения от хлопковой зависимости от США и серьезного развития ряда отраслей промышленности метрополии. И это несмотря на частые войны, в которых участвовала Россия в период 1865—1917 гг. Так, потребление хлопка российской промышленностью с 491410 центнеров в 1869 г. увеличилось до 4313970 центнеров в 1915 г. При этом доля туркестанского хлопка-волокна возросла с 6,67 проц. до 68 проц.[2] Но зато удельный вес хлопчатника в структуре сельскохозяйственных культур в крае за эти годы увеличился в 5 раз[3].

В связи с исторически сложившимся, но постоянно развивавшимся укладом хозяйственной жизни населения Туркестана стоит подчеркнуть, что, несмотря на непрекращавшиеся межфеодальные войны в Центральной Азии, особенно между Бухарским эмиратом и Кокандским ханством, Бухарским эмиратом и Хивинским ханством, а также разорительные походы ханов Коканда против казахских жузов и памирских удельных княжеств, в крае — еще до его колонизации — складывались объективные тенденции роста производительных сил, дальнейшего расширения товарно-денежных отношений.

Колонизация же края, подчинение его экономики, природных и трудовых ресурсов интересам метрополии, максимальное ограничение суверенитета и внешних связей Бухарского эмирата, Хивинского ханства деформи-

---

[1] См.: Масальский В. И. Хлопковое дело в Средней Азии.— СПб., 1892.— С. 15.

[2] Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября, С. 31.

[3] Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане.— Л., 1930, С. 20.

ровало эти тенденции. И хотя в колониальный период внедрение новых элементов в производственных отношениях, более прогрессивных видов производства и орудий труда, направление части извлекаемой здесь прибыли на развитие производства способствовали общему подъему экономики (при усилении ее сырьевой специализации), производительных сил и социальной инфраструктуры (банки, транспорт, торговые, закупочно-сбытовые и др. структуры), тем не менее традиционный, однако не консервативный, уклад хозяйственной жизни населения местных национальностей был в значительной степени разрушен.

Это в конце XIX-нач. XX вв. особенно зримо проявилось на положении почти всех видов ремесленного производства не только в Туркестане, но и в соседних ханствах. Речь идет о тех отраслях ремесленного производства, которые можно было подавить и действительно были подавлены посредством ввоза из метрополии более дешевой и более качественной фабрично-заводской продукции, а также налаживания выпуска в самой колонии многих видов товаров широкого потребления.

В связи с этносоциальными аспектами хозяйственной эксплуатации Туркестана Российской империей приведем несколько примеров из великодержавно-шовинистической практики царизма и колониальных властей. Еще в тот период, когда Туркестан был областью в составе Оренбургского генерал-губернаторства, одними из первых построенных здесь промышленных предприятий стали противные хозяйственным традициям и моральным нормам коренного населения заводы по выпуску водки и вина в Ташкенте[1], Ходженте[2]. Следовавший с войсками Черняева торговец Д. Л. Филатов сразу после завоевания Ташкента, не испросив соответствующего разрешения у властей, открыл несколько питейных заведений и лавок по продаже спиртного. А после завоевания Самарканда Кауфманом (но не Черняевым, как указывается в ряде публикаций) Филатов в 1868 г. и здесь развернул торговлю вином и «огненной водой»; в 1870 г. он скупил крупные плантации виноградника и построил первый в древнем городе вино-

[1] ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 202, д. 16, л. 1.
[2] Там же, оп. 204, л. 1.

водочный завод[1]. В Ташкенте же к 1871 г. действовало уже 6 вино-водочных заводов. Такие заводы были и в Асхабаде, Верном, Чимкенте[2].

Строительство вино-водочных заводов и расширение сети питейных заведений в Туркестане формально объяснялось ростом потребностей размещенного здесь русского воинства, российских чиновников и численно увеличивающихся переселенцев из метрополии. И это верно, но только отчасти, ибо на самом деле властями и пропагандистскими органами исподволь велась активная работа по приобщению коренного мусульманского населения к таким худшим элементам европейской культуры, как спиртное и курительный табак. Поэтому не издержками воспитания, а откровенным заявлением конечных целей подобной практики колониальных властей можно считать относящийся к 1884 г. ответ генерал-губернатора края М. Черняева швейцарскому шелководу и публицисту Генриху Мозеру. На вопрос последнего «Когда вы завершите русификацию?» Черняев ответил: «Когда местное население приучится к русской водке и табаку!».

А вот примеры постепенного подавления многих отраслей ремесленного производства в Туркестане. Помимо начавшегося еще в 1865—1866 гг. значительного увеличения теперь уже беспошлинного, целенаправленного ввоза российских фабрично-заводских товаров в Туркестан и вывоза отсюда в метрополию разнообразного сырья, оплачиваемого по ценам, определяемым колониальными торгово-промышленными и банковскими кругами (что тоже осложняло не только социальное положение коренного населения, производящего это сырье, но и лишало ремесленное производство традиционной сырьевой базы), в новой колонии стали создаваться более конкурентоспособные перерабатывающие предприятия. Так, в 1867—1868 гг. российские капиталисты (Н. Ульянов, Н. Писаревский, О. Плавицкий, Г. Касьянов, И. Яблонский) построили в Ташкенте водяную мельницу европейского типа, а М. Хлудов построил на берегу р. Салар кожевенный завод, оснащенный новей-

---

[1] ЦГА РУз, ф. И- 1, оп. 206, л. 4.

[2] См.: Терентьев М. А. Статистические очерки Среднеазиатской России. Записки Русского Географического общества. Отдел статистики. Т. IV.— СПб., 1874, С. 46.

шей техникой и технологией. В 1874 г. такой же завод построил предприниматель Кувайцев[1].

В Самарканде, Катта-Кургане, Чимкенте, Ташкенте, Туркестане, Аулие-Ате и во многих других городах края вплоть до 1915 г. было построено более 300 хлопкоочистительных, маслобойных, мыловаренных, кирпичных, лакокрасочных заводов, свыше 700 мелких текстильных и шелкомотальных фабрик[2], спичечная фабрика (в Самарканде). Подавляющее большинство этих предприятий принадлежало фирмам, товариществам, банкам, представлявшим интересы метрополии: «Московскому торгово-промышленному товариществу», «Большой Ярославской мануфактуре», «Товариществу для торговли в Персии и Средней Азии», торговому дому «Бр. Шлоссберг», товариществу «Владимир Алексеев», составившим впоследствии монополистическое хлопкомаслобойное объединение «Беш-Бош» («Пятиглавие») Московскому купеческому банку, Андреевскому товариществу, московским фирмам —«Воскресенская», Викулы и Саввы Морозовых, «Бр. Крафт», Русско-Азиатскому банку, «Бр. Нобель», А. И. Путилова и др.

В 90-х годах XIX в. царизм, стремясь все более укреплять свои позиции в колонии (особенно после ряда национально-освободительных восстаний коренного населения, в частности казахов в 60-х—70-х гг., Ташкентского восстания 1892 г.), осуществил ряд мер по воспрепятствованию проникновению иностранного капитала в экономику Центральной Азии, хотя российский капитал был с ним связан и в метрополии, и в Польше, и в Финляндии. Так, в принятом в 1894 г. законе об управлении Туркестанским краем статьей 15 предусматривалось, что «приобретение земель и вообще недвижимого имуществаа в Туркестанском крае разрешается таким только товариществам на паях и акционерным обществам, кои на основании их уставов должны состоять исключительно из русских подданных, христианских верований, нехристианского туземного происхождения или уроженцев сопредельных с Туркестанским краем среднеазиатских государств»[3]. Следует заметить,

---

[1] См.: Азадаев Ф. Очерки истории Ташкента.—Ташкент, 1960. С. 164.

[2] ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 18201, д. 1, л. 76.

[3] Кокандский биржевой комитет (1908 г.).—М., 1909.—С. 51—52.

что царизм и колониальные власти Туркестана в защите экономических интересов метрополии демонстрировали не только великодержавные, но и антисемитские подходы. Так, после принятия в 1881 г. в России ограничительных законов, запретивших продавать землю (для любых целей) евреям (до этого подобные запреты были, вероятно, лишь в законах Хаммурапи) и вводившие 10 процентную норму приема евреев в казенные учебные заведения, в 1894 г. и в Туркестане «приобретение ... недвижимых имуществ ... иностранцам или **лицам иудейского вероисповедания** (выделено нами—*Ф. И.*) не допускается»[1]. В то же время среди крупных собственников, например, на казахских территориях было немало иностранцев.

Второе после предпринимателей и банкиров метрополии место в экономической сфере Туркестана занимали представители местной многонациональной буржуазии: Вадьяевы, Симхаевы, Р. Потеляхов, Н. Цуханов, Миркамил Муминбаев, Юсуп Давыдов, И. Хакимбеков, Ю. Фузаилов, Саидазимбай Мухаммедбаев и др.

Конечно, эти две категории собственников — колониалистских и местных — боролись за овладение все новыми и более дешевыми источниками сырья, более выгодными рынками сбыта, но от этого все хуже, все тяжелее приходилось трудящимся массам, особенно коренных национальностей. Дело в том, что по мере усиления конкурентной борьбы российских и местных промышленников, торговцев, банкиров, перекупщиков, ростовщиков, олицетворявших собой две крупные системы угнетения народных масс и оттока материальных богатств края, все больше усиливалась и дискриминация коренного населения.

Это проявлялось, во-первых, в постепенном и неуклонном сокращении многих видов традиционного ремесленного производства (текстильного, кожевенного, мукомольного, кондитерского и т. д.), что сопровождалось превращением десятков тысяч ремесленников в безработных, но только часть их могла заняться торгово-промышленным делом, а потому тысячи и тысячи семей вчерашних ремесленников обрекались на обнищание; во-вторых, и это самое большое зло колониальной национальной политики российских властей, на предприятиях,

[1] Кокандский биржевой комитет.— С. 53.

принадлежащих представителям российской буржуазии, за одинаковый труд местным рабочим выплачивалось в 2—3 раза меньше, чем русским; в-третьих, колониальные власти и русские промышленники старались не допускать представителей местного населения к работе на заводах, даже на хлопкоочистительных, оснащенных новой, более производительной техникой. В связи с последним укажем, что чиновники поэтому ставили вопрос о нецелесообразности строительства новых заводов в районах с преимущественно коренным населением[1], а в 1911 г. (13 августа) Особое совещание при правительстве в Петербурге приняло решение: в течение двух лет заменить на Среднеазиатской железной дороге всех рабочих местных национальностей русскими (!)[2]. И это при том, что осуществить такую замену полностью невозможно было, поскольку русские рабочие и служащие, особенно ремонтных служб, не могли адаптироваться к природно-климатическим условиям ряда регионов. А уж когда началась первая мировая война и когда русских среди ремонтных рабочих на Закаспийской и Среднеазиатской железных дорогах стало менее 1/7 их общей численности и при отсутствии ущедших в 1910 г. батальонов железнодорожных войск пришлось-таки пойти на привлечение на работу узбеков, казахов, кыргызов, таджиков, туркменов. Однако, и при этом дискриминация их в оплате и условиях труда сохранялась вплоть до середины 20-х годов XX в.

В целом стоит констатировать, что царизму, в основном, удалось достичь главных целей колонизации Туркестана и подчинения Бухарского, Хивинского ханств интересам Российской империи. Не преуменьшая роль военно-административной системы управления, великодержавно-шовинистического режима власти в колонии, можно утверждать, что в эксплуатации всех ресурсов края важнейшее значение имели российские государственные и частные капиталовложения в строительство горно-добывающей, перерабатывающей промышленности и железных дорог. Достаточно отметить, что только за 20 лет (1880—1900 гг.) вывоз только хлопка из региона

---

[1] См.: Труды III съезда деятелей по сельскому хозяйству Туркестанского края (Под ред. Р. Р. Шредера и П. К. Квитина).— Ташкент, 1914, С. 69.

[2] Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября, С. 70.

в Россию увеличился с 300 тыс. пуд. до 5846609 пуд., то есть почти в 20 раз[1].

Большую выгоду метрополия извлекала из всех отраслей экономики Туркестана и даже это стало предметом гордости колониальных чиновников. Так, один из них (Н. П. Верховский) с пафосом говорил: «Всякая копейка, вложенная в этот благодатный край, воздаст сторицей, посему никакие государственные затраты не несут риска и чем больше их будет отпущено, при разумном расходовании, тем скорее они окупятся и послужат серьезными фундаментами благосостояния края, не только оплачивающего государственные расходы на свое содержание (с колониальной точки зрения — Ф. И.), но и способного дать большие доходы»[2].

Но при всем этом, имея в виду, что многообразие ремесел и народных промыслов в значительной мере определяют суть хозяйственной жизни и даже психического склада любой нации, следует с удовлетворением подчеркнуть, что даже в условиях откровенного вытеснения большинства традиционных отраслей ремесленного производства, начавшегося в колониальный период и активно продолжавшегося в советские десятилетия, жизненно необходимые для коренного населения ремесла сохранились и теперь, в обстановке независимости центральноазиатских государств, стали снова возрождаться.

Конечно же, объективности ради, следует подчеркнуть, что при всех пагубных для коренного населения Центральной Азии, особенно экономически более развитого Туркестанского края, последствий колониалистской практики насильственной экспроприации и эксплуатации производственного потенциала и природных богатств в пользу метрополии, становление в регионе несравненно более прогрессивного фабрично-заводского производства и производственной социальной инфраструктуры железных дорог на территории всего региона в дальнейшем оказало существенное, правда не во всем позитивное, влияние не только на хозяйственную жизнь, но и на все другие сферы жизнедеятельности народов и колонии, и Бухарского, Хивинского ханств.

---

[1] Дмитриев-Мамонов А. М. Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге.—СПб., 1903, С. 127.

[2] Труды III съезда деятелей по сельскому хозяйству Туркестанского края, С. 447.

В неразрывной связи с целями колонизации Центральной Азии и, особенно, утверждения здесь, как предусматривалось царизмом, на вечные времена военно-политического господства Российской империи осуществлялась весьма неоднозначно сказывавшаяся на жизни коренных народов политика переселения части населения метрополии на вновь присоединенные и завоеванные обширные территории — от Урала и Западной Сибири до Тяньшанских гор и Восточного побережья Каспийского моря.

Раздел III. ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА И КОЛОНИАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ В ТУРКЕСТАНЕ

Глава I. ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ И ЭТАПЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ЧАСТИ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

Центральная Азия — это громадный регион, а Туркестан — часть этого региона. Но, следуя хронологической последовательности процесса переселения русских подданных и создания их поселений, освещение событий и фактов, относящихся к Туркестану, необходимо предварить хотя бы краткой характеристикой этого процесса, начавшегося с казахских территорий Центральной Азии, не вошедших позднее в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Этим и объясняется то, что обозначенная в названии раздела тема в данной главе рассматривается в гораздо больших географических масштабах. Да в этом и нет никакого отступления от исследовательских принципов, поскольку цели переселенческой политики царизма будь то в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве, в Степном или Туркестанском по сути были одни и те же.

Смежность территорий Российской империи и государств Центральной Азии, ставших объектами ее экспансионистской политики, во многом предопределила отличие практики российской колонизации от колонизации Индии Англией или Эфиопии Италией, ряда африканских территорий Бельгией. Пожалуй, ни одна колониальная держава, за исключением средневековой Испании, Португалии по отношению к Латинской Аме-

рике, а также той же Англии по отношению к Австралии, не осуществляла переселение части населения титульной (основной, коренной) национальности в свои колонии в таких масштабах и такими темпами, как это делала Россия не после, а уже в ходе проникновения в Центральную Азию. В Польшу, Финляндию россияне тоже переселялись, но не по планам царизма и не в столь массовом порядке. Вероятно, это объяснялось пониманием российскими властями различий между статусом этих европейских стран (они обладали весьма широкой автономией) и статусом приобретаемых территорий казахских, Кокандского, Бухарского, Хивинского ханств. Несомненно также, что царизм, воздерживаясь от всесторонней колонизации Польши и Финляндии, учитывал неизбежность вполне естественной острой реакции других европейских стран, прежде всего Пруссии, Франции, Швеции, Голландии и Англии. К тому же, как известно, Англия уже противодействовала российской экспансионистской политике в Центральной Азии, но это проявлялось эпизодически, да и носило довольно локальный характер. Исключение составляло английско-российское соперничество (вокруг Центральной Азии) на рынке сырья, товаров и в сфере дипломатии, где оно было более жестким и долгим.

Политические и военные верхи Российской империи проблему переселения части русского населения из метрополии в присоединяемые, завоевываемые районы Центральной Азии рассматривали как важнейшее условие утверждения здесь российского военно-политического господства, создания надежной колонизаторской прослойки среди потенциально и фактически враждебного многонационального коренного населения, реальной опоры для колониальных властей и русской армии, призванной обеспечивать повиновение «туземцев» и контроль новых протяженных границ с Китаем, Афганистаном, Ираном, а также как действенный фактор эксплуатации природных богатств и покоренных народов в интересах метрополии.

Царизм не без оснований считал, что без массового переселения части христианского, прежде всего православного, населения России в Центральную Азию достичь колонизаторских и русификаторских целей в этом огромном регионе с относительно многочисленным на-

селением и довольно высоким уровнем культуры, с более давними, чем у России, историческими традициями хозяйственной и общественной жизни, будет невозможно. Наличие в колонии русской прослойки,—достаточно крупной по численности, единой по вероисповеданию, по великодержавно-шовинистическому отношению к многонациональному мусульманскому населению, превосходящей его по уровню хозяйствования и по социально-политическому положению (прежде всего благодаря многим финансовым и гражданско-правовым привилегиям, льготам) и не склонной к политическому, гуманитарному сближению с коренными народами — российским верхам представлялось надежной гарантией успешного осуществления здесь колониалистской внутренней политики и утверждения великодержавной, стратегической позиции в отношении сопредельных с Центральной Азией стран.

Так что есть все основания считать, что переселенческая политика властей Российской империи, проводившаяся в Центральной Азии и представлявшаяся до недавних пор в научно-политической литературе как одно из направлений разрешения аграрной проблемы, вернее разрядки аграрного перенаселения в центральных губерниях метрополии, на самом деле была составной частью долговременных колонизаторских, великодержавных планов. Ведь почти три столетия у России оставались малонаселенными огромные просторы Сибири и Дальнего Востока, тоже пригодные для хозяйственного освоения? До середины XIX в. она располагала еще русской Аляской и Алеутскими островами, которые затем довольно быстро и комплексно были освоены промышленниками США.

Не вдаваясь в суть многочисленных предложений царскому правительству о путях и методах осуществления эффективной, с позиции метрополии, переселенческой политики в Центральной Азии, выдвигавшихся, в частности, А. И. Васильчиковым, С. Н. Южаковым,

Н. А. Гавриловым, А. А. Кауфманом[1] и рядом других больших и мелких петербургских, туркестанских чиновников, попытаемся сначала охарактеризовать основные мотивы и этапы расселения российских переселенцев в различных районах региона. После предпринимавшихся через туркменское побережье Каспия еще со времен Петра I-го попыток распространить влияние России на Центральную Азию, в целом не принесших заметных успехов, власти Петербурга в своих экспансионистских планах стали придавать все большее значение возможностям проникновения в регион через сопредельные территории казахских ханств. Это представлялось и действительно было более реальным, ибо межфеодальные распри внутри ханств, а также частые разорительные нашествия войск Кокандского, Хивинского ханств и, особенно, Джунгарии на казахские земли вынуждали еще в первые десятилетия XVIII в. часть казахского населения и отдельных ханств, султанов перейти в российское подданство. В результате и часть их территории вошла в состав Российской империи.

Тогда же вместе с построенными по императорскому распоряжению военно-оборонительными пунктами и форпостами (Ямышевская, Омская, Железинская, Семипалатинская, Усть-Каменогорская, Коряковская и другие) появились не только семьи российских военных, но и многие переселенцы из числа обывателей. Позже на других казахских территориях были основаны крепости Копал, Лепсинск, Урджар, Верный[2], вокруг которых тоже появились русские поселения. Эти поселения впоследствии превратились в города с преобладающим русским населением. Причем первые русские поселения,

---

[1] Васильчиков А. И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах.—СПб., 1876. т. т. 1- П; Южаков С. Н. Переселенческий вопрос. «Северный вестник». 1886; Кауфман А. А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края.—СПб., 1903; Он же. Переселение и колонизация.—СПб., 1905; Гаврилов Н. А. Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сырдарьинская, Самаркандская и Ферганская). Отчет о служебной поездке чиновника особых поручений при Переселенческом управлении.—СПб., 1911; Кривошеин А. В. Записки главноуправляющего землеустройством и земледелием о проезде в Туркестанский край.—Полтава, 1912; Масальский В. И. Туркестанский край,—СПБ., 1913, и др.

[2] См.: История Казахстана. Очерк, С. 178.

особенно на побережье Урала, в Семиречье, были заселены казаками-колонизаторами.

Уже при создании первых русских поселений, но еще до официальной колонизации казахских земель посредством учреждения органов российской власти, довольно открыто проявилась великодержавно-шовинистическая природа будущего военно-политического режима, уготованного для народов коренных национальностей Центральной Азии. Как отмечает казахстанский исследователь. Ж. К. Касымбаев, еще в 1756 г. был издан указ императора, запрещавший казахам перегонять в зимнее время скот на правый берег Урала. Этого требовало Яицкое казачество[1].

Раньше всех других регионов Центральной Азии под властью Российской империи, как известно, оказались население и территории Младшего жуза и, отчасти, Среднего жуза. И хотя ученые-историки Казахстана считают, что это стало результатом добровольного присоединения указанных территорий к России[2], имея в виду предшествовавшие их присоединению, равно как и принятию частью казахского населения российского подданства, обстоятельства, а также многочисленные акты скрытого и явного сопротивления, возглавлявшегося батырами и султанами — Бараком, Абылай-ханом, Саржаном и Кенесары Касымовыми, Срымом Датовым, Исатаем Таймановым и Махамбетом Утемисовым и рядом других, можно заключить, что рассматриваемое присоединение было все-таки не инициативным, а вынужденным, обусловленным не столько внутренними, сколько внешними факторами.

Остальные же территории Среднего, Старшего жузов, включая Южный Казахстан, где проживали и узбеки, а также Таласская и Чуйская долины, наряду с казахами населенные и кыргызскими родами, были присоединены к империи преимущественно посредством жесткого завоевания, в ходе которого особенно отличились генералы Черняев, Головачев и многие другие.

С середины 60-х годов российские войска развернули захватнические походы со стороны Чимкента и

---

[1] История Казахстана. Очерк, С. 183.
[2] Там же.—С. 185.

Красноводска. Это позволило им покорить Ташкент, Ходжент, Джизак (со второй попытки), Самарканд, Катта-Курган, Асхабад, Геок-тепе (ценою многих жертв среди русских и туркмен), земли каракалпаков, ликвидировать Кокандское ханство и поставить Бухарский эмират, Хивинское ханство в вассальную зависимость от Российской империи. На этом этапе военной кампании ее в Центральной Азии печальную известность своими дикими расправами с защитниками своего отечества приобрели генералы Головачев, Черняев, Скобелев, Борх, Ломакин, Иванов, Зейн-Витгенштейн, Тергукасов, Лазарев, полковники Долгоруков, Куропаткин, Столетов, Голицын, Маркозов, Гродеков, Чавчавадзе и др. Искусным покорителем края показал себя генерал фон Кауфман.

Одновременно с утверждением колониального режима в Центральной Азии царизм целенаправленно осуществлял политику не только административно-территориального разъединения, но и социально-экономического, духовного разобщения еще вчера единых коренных народов, родо-племенных объединений, жузов. Так, казахи Младшего и Среднего жузов были разделены между Оренбургским, Западно-Сибирским, Степным генерал-губернаторствами, а Старший жуз, административно разделенный на части, оказался в составе Семиреченской области, переданной от Туркестанского генерал-губернаторства Степному, а затем возвращенной, и в составе Сырдарьинской области, отчасти, и в составе Амударьинского Отдела.

Туркменские родовые объединения были разобщены между Закаспийской областью Кавказского наместничества, Амударьинским Отделом Туркестанского генерал-губернаторства, Хивинским ханством и Бухарским эмиратом.

Узбекское население, самое крупное по численности среди коренных народов Центральной Азии, теперь оказалось населяющим Туркестанский край, Закаспийскую область (в составе Кавказского наместничества), Бухарский эмират и Хивинское ханство.

Территории кыргызских родовых союзов были разделены между Туркестанским и (в составе Семиреченской области) Степным генерал-губернаторствами.

Не менее разобщенными оказались и таджики, прежде проживавшие на территориях Кокандского ханства

и Бухарского эмирата. Теперь их территории, большей частью в составе уездов с многонациональным населением, были поделены — по воле и усмотрению царизма — между Туркестанским генерал-губернаторством и Бухарским эмиратом, лишенном ряда регионов проживания таджикского населения.

Словом, одно из главных условий, которое российские верхи считали необходимым для успешной колонизации Центральной Азии и удержания в повиновении ее коренных народов, а именно — деформировать исторически сложившуюся хозяйственную, социальную и духовную общность населения местных национальностей — было достигнуто.

Но, по мнению царизма, помимо административно-территориального разъединения народов, следовало обеспечить, причем не в колонии — Туркестане, но и в других регионах (за исключением ханств) военное, политическое, экономическое и идеологическое преобладание не российского вообще, но именно русского элемента. Для этого уже с первых дней образования Туркестанского генерал-губернаторства стали разрабатываться и осуществляться социально и политически нацеленные планы организованного переселения части определенных категорий населения из старых губерний метрополии в новую колонию. Кроме Туркестана, колонией фактически стал и Степной край, но для него переселенческий план стал разрабатываться уже после практически завершенной казачьей колонизации, сопровождавшейся откровенно шовинистическим произволом в отношении казахов и, отчасти, кыргызов.

Итак, краткий обзор событий и фактов, связанных с осуществлением российскими властями своих первоначальных экспансионистских, колониалистских планов в Центральной Азии, позволяет сделать вывод о том, что царизм во имя достижения своих военно-политических целей, особенно стратегических, и создания благоприятных условий для развития капиталистической экономики, прежде всего промышленности и торгово-финансовой сферы метрополии, а также для более легкого разрешения проблемы «аграрного перенаселения» в отдельных губерниях, ни перед чем не останавливался. Он преодолел сопротивление (в том числе вооруженное) покоряемых народов; он одержал верх в соперничестве с Анг-

лией за господство в Центральной Азии. Теперь царизму предстояло не только полностью подчинить ее народы, ее богатства, но и русифицировать население местных национальностей. Иные видные представители шовинистически настроенной русской интеллигенции (например, Н. Ильминский и его единомышленники) предлагали даже меры по отвращению коренного населения от ислама и по его обращению в православие. Власти это не поддержали, но на определенном этапе делали упор на переселение в регион населения преимущественно православного вероисповедания.

В Туркестане более полувека, а на казахских территориях, включенных в состав Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств, гораздо дольше, проводилась великодержавно-шовинистическая политика в отношении населения коренных национальностей, в том числе и посредством переселенческой программы.

Но в связи с этапами увеличения численности российских поселенцев следует подчеркнуть, что первые десятки тысяч переселенцев из метрополии, не считая русские войска, постоянно размещенные на территории Центральной Азии, составили казаки и обыватели, обслуживавшие военные подразделения, а также торговые дела. Это был первый, весьма драматичный этап, особенно много бед принесший населению казахских жузов, в частности Младшего и Среднего, а также кыргызам Тяньшаня, Прииссыкулья и Чуйской долины. Этот этап, предшествовавший официальному провозглашению военно-административного господства России в регионе и его административно-территориальному делению и разработке специальных переселенческих планов, в научно-исторической литературе, к сожалению, не выделялся и как самостоятельный, особый, не рассматривался. Для Туркестана этот этап применим только отчасти — в связи с созданием чуть позже в его составе Семиреченской области, где до этого уже была развернута казачья колонизация, завершившаяся в период нахождения этой области в составе Степного края.

Имея же в виду лишь Туркестанское генерал-губернаторство, специфические перемены в здешней переселенческой практике, тоже можно оспорить обоснованность проводимого в отдельных изданиях деления переселенческой политики царизма и колониальных

властей на два этапа: 1867—1905 и 1906—1917 гг.[1] Один из узбекистанских исследователей считает, что переселенческая политика царизма в Туркестане обозначена тремя этапами. Первый—с 1857 до 1891 г.; второй — с 1891 до 1897 г.; третий — с 1900 до 1916 г.[2] Непонятно, почему пропущены 1898—1899 гг.? Да и хронологические рамки указаны автором без какой-либо аргументации. Впрочем, в контексте рассматриваемой нами проблемы эти упущения существенного значения не имеют. Исходя из анализа наиболее значимых решений российских высших властей по переселенческой политике второй пол. XIX—первого десятилетия XX в., а еще больше учитывая последствия осуществления этих решений для населения коренных национальностей, считаем, что, помимо вышеупомянутого этапа, так сказать, неофициального, явочного заселения территории казахских жузов оренбургскими, уральскими и сибирскими казаками, был также ряд других этапов. При этом неофициальным первый этап можно считать только для казахских территорий в бассейне Сырдарьи и сопредельных с русским Уралом. Для Семиречья же, где казачья колонизация началась тоже, в 1847 г., этот этап (1847—1866 гг.) следует считать официальным, поскольку сюда организованно были переселены два полка Сибирского казачьего войска, которые и составили собой Семиреченское войско из 14 станиц с населением (включая членов семей) 14413 человек[3]. И это не считая самовольно поселявшихся здесь сибирских казаков. В этой связи заметим, что, как видно, имевшее военный характер переселение казаков в Семиречье, равно как и имевшее политическое значение переселение других русских подданных в низовья Сырдарьи, никак не предопределялось ни аграрным перенаселением в российских губерниях, ни тем более отменой крепостного права, объявленной много позже — в 1861 г.

---

[1] См.: Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября.—С. 23; Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской реформы.—Л., 1962.—С. 51, Гинзбург А. И. Русское население в Туркестане.—М., 1991.—С. 10.

[2] Мусаев Н. У. Появление капиталистических производственных отношений в Туркестане (конец XIX—нач. XX вв.) (На узб. яз.).—Ташкент, 1995.—С. 32.

[3] Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. 1.—С. 320—321.

После образования Туркестанского генерал-губернаторства начался второй этап переселения части русского населения на территорию колонии, что стимулировалось тем, что по указанию петербургских властей и колониальной администрации для вновь прибывающих, в том числе самовольно, переселенцев были сохранены налогово-податные и другие льготы, предоставленные еще первым переселенцам вокруг русских фортов и укреплений. В Туркестан их гнали хозяйственная разруха, частые неурожаи и не уменьшавшийся помещичий гнет. Это были, в основном русские, украинцы и, отчасти, немцы из Астраханской, Воронежской, Самарской, Харьковской и Оренбургской губерний. Хотя эти переселения происходили большей частью по инициативе самих крестьян, царизм и колониальные власти всячески содействовали им в расселении, в наделении землей и обустройстве.

Власти содействовали также тому, чтобы низшие чины русской армии после окончания срока службы оставались жить в Туркестане. Им было разрешено вызвать и бесплатно перевезти свои семьи. На каждую семью предоставлялись не менее 7 десятин удобной, орошаемой земли и ряд льгот. Стоит учесть, что в каждом мало-мальски значимом гарнизоне, как, например, форте № 1 насчитывалось от полутора до 3 тыс. солдат. Но поскольку, несмотря на организационное регулирование переселенческого процесса колониальными властями, поток самовольно переселяющихся на территорию края, в частности казаков в Семиречье ,не сокращался и их приходилось перемещать в другие районы, прежде всего в Закаспийскую область, а также считая нецелесообразным поселение казаков в глубинных регионах колонии, генерал-губернатор К. П. Кауфман в 1873 г. высказался против казачьей колонизации. В пояснительной записке к Проекту «Положения об управлении Туркестанским краем» глава Туркестана предлагал: отныне колонизацию края, его заселение русскими переселенцами осуществлять по двум направлениям — от Оренбурга до Ташкента и от Ташкента через Верный до Семипалатинска[1]. Предпочтение он отдавал второму направлению, поскольку земли де по этой линии более плодородны и удобнее для засе-

[1] ЦГА РУз, ф. И—I, оп. 2 д. 1905, л. 3.

ления. А на самом деле Кауфман учитывал и другие обстоятельства. Эти предложения были приняты, но уже после ликвидации Кокандского ханства в 1876 г. Первое направление стало простираться от Оренбурга через Ташкент и Ходжент до Оша и Джалал-Абада, а также через Урсатьевск (Хаваст) и Джизак до Самарканда и Амударьинского отдела.

Вплоть до середины 1881 г. в соответствии с предложениями фон Кауфмана осуществлялось расселение русских переселенцев (крестьяне из Астраханской и Саратовской губерний) не только по более предпочтительному второму направлению, охватившему также кыргызские земли Таласской и Чуйской долин, Семиречье и другие районы Степного края, но много переселенцев было размещено и по первой линии, в частности в Ташкентском оазисе, где и без того были сложные земельно-водные отношения, поскольку здесь издавна осели обедневшие казахские массы. Русских переселенцев устраивали и в орошаемых районах Голодной степи, в городах Ферганской долины. Так, по нашему мнению, второй по порядку и первый официальный этап переселенческой политики и практики царизма в Туркестане охватил **1867—1881 гг.**

В последующем увеличение переселенческого потока, особенно самовольного, инициативного, из метрополии в разные регионы Туркестанского и Степного генерал-губернаторств, а также стихийное бегство сюда уйгуров, дунган из Китая, а также армян (в Закаспийскую область) из Турции[1], побудили царизм, во избежание серьезных осложнений в колониях, принять меры по упорядочению всего переселенческого дела. Российский император 10 июля 1881 г. утвердил «Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли»[2]. Видимо, обеспокоенные большим количеством переселенцев — приверженцев христианских сект, правящие круги империи в 1883 г. ввели новые правила, предусматривающие возможность переселяться в Туркестан только для русских и только православного вероисповедания, а также уменьшение нормы земельного надела и переход его в собственность переселенца лишь через 10 лет, при условии ежегод-

[1] ЦГА РУз, ф. И—I, оп. 2, д. 1905, л. 4.
[2] Там же, оп. 10, д. 603, л. 7.

ной его запашки[1]. Затем, учитывая изменившиеся условия, возможности размещения российских переселенцев в Туркестане, российские власти и колониальная администрация края разработали, а Александр III подписал 12 июня 1886 г. новые правила, которыми было определено, что «I. К переселению в Туркестанский край допускаются **исключительно** (выделено нами — *Ф. И.*) русские подданые христианских вероисповеданий, принадлежащие к состоянию сельских обывателей. 2. Переселенцам отводятся с разрешения генерал-губернатора участки из свободных земель в таком размере, в каком, по местным обстоятельствам, окажется возможным отвести без затруднений...»[2].

Поскольку и объективные социально-экономические обстоятельства в Туркестане, и существенные различия между переселенческими правилами 1881 и 1886 годов предопределяли качественные перемены во всем деле переселения и устройства части русского населения на территории этой колонии, можно считать, что период с июля **1881 г. по июнь 1886 г.** составил новый этап переселенческого процесса в Туркестанском генерал-губернаторстве.

Уже через три года, сообразуясь больше с потребностями сокращения доли безземельных, малоземельных крестьян в российских деревнях, и увеличения численности российских торговцев, предпринимателей в новых колониях, чем с осложнявшимся социально-политическим положением, в частности в Туркестане, власти империи 13 июля 1889 г. издали Закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке причисления лиц, означенных сословий, переселившихся в прежнее время».[3]

Именно то, что теперь на переселение в край существенных ограничений, кроме принадлежности к нехристианским вероисповеданиям не было, открывало пути для увеличения потока переселенцев и вместе с тем предопределяло еще большее обострение социального положения коренного населения Туркестанского края и всей Центральной Азии. Как свидетельствуют

---

[1] ЦГА РУз, ф. И—I, оп. 3, д. 706, л. 2.
[2] Там же, оп. II, д. 708, л. 162.
[3] Там же, оп. 16, д. 314, л. 7.

данные, только в 1889—1891 гг. в Туркестан переселилось 28911 семей или более 100 тыс. чел.[1]

В следующие годы численность переселенцев резко увеличилась из-за неурожаев и голода в Поволжье, ряде других зерновых районов России. Это привело к тому, что, как подчеркивалось генерал-губернатором, в Сырдарьинской области после частых изъятий земель у коренного населения для переселенцев свободных земель уже в 1892 г. не было. Поэтому в марте 1892 г. правительство России издало Распоряжение о прекращении выдачи переселенческих документов на местах выхода переселенцев, однако это произвольного их притока не остановило. Более того, даже создание в 1896 г. Переселенческого отдела (преобразовано в 1907 г. в Управление) при Министерстве внутренних дел империи не избавило Туркестан, другие районы Центральной Азии от самовольно переселяющихся россиян. Только в 1896 г. в Туркестане среди 178400 переселенцев 38,1 проц. составляли самостоятельно переселившиеся, неимущие лица[2].

После Ташкентского восстания 1892 г. и Андижанского восстания (Дукчи Ишана) 1898 г. царизм и колониальные власти усилили притеснение коренного населения, в том числе посредством национального гнета. Этому должны были послужить новые переселенческие правила, введенные 10 июня 1903 г. Ими снова, как и правилами 1881 г., разрешалось переселение русских не только православного вероисповедания, но и с согласия Министерства внутренних дел — раскольников. Но главное отличие этих правил от всех предыдущих заключалось в требовании разрешать переселение имущественно и хозяйственно обеспеченным[3]. Учитывая довольно серьезные перемены в подходах властей к переселению части населения метрополии в колонии, в частности, в Туркестан и в социально-политической обстановке в крае, происшедшие ко времени принятия 10 июня 1903 г. новых переселенческих правил, можно выделить **1886—1903 гг.** в качестве еще одного этапа в переселенческой политике царизма.

---

[1] Кауфман А. А. Переселение и колонизация. Т. II.—СПб., 1905, С. 20.

[2] ЦГА РУз, ф. И—16, оп. 1, д. 18, л. 19.

[3] См.: Гинзбург А. И. Русское население в Туркестане.—С. 35.

Следующий и последний этап в переселенческом движении составили **1903—1917** гг. В этот период, помимо правил от 10 июня 1903 г., для увеличения численности переселенцев из России после событий 1905—1907 гг. в метрополии, после выявления наличия в Туркестане почти 100 тыс. неустроенных переселенцев и в связи со столыпинской реформой были приняты довольно жесткие меры, хотя они и послужили причиной того, что впервые за все годы господства Российской империи в Центральной Азии возникли противоречия между позицией петербургских властей и позицией туркестанской администрации по вопросу дальнейшей переселенческой практики. В одном из официальных документов от 31 января 1908 г. указывалось, что несмотря на необходимость и возможность интенсивной колонизации Туркестана, «со своей стороны генерал-губернатор (полковник Мустафин — Ф. И.) равно, как и прочие представители власти в крае, вполне признавая важное государственное значение такой колонизации, в то же время фактически доказывают, что свободных орошенных земель в крае нет[1]. Но в марте 1906 г. было одобрено положение о разрешении свободного переселения, а в 1910 г. издан Закон об изъятии излишков земли у коренного населения, которые ускорили углубление кризиса во всей Центральной Азии. Политика национального гнета со стороны царизма и колониальных властей своего «апогея» достигла летом 1916 г., когда Указ от 25 июня 1916 г. о мобилизации мужского населения местных национальностей на военно-тыловые работы вызвал крайнее негодование народных масс всего региона. И в этих условиях сложившаяся за долгие годы русская прослойка в целом оправдала надежды царизма. Дело в том, что даже самые передовые представители русской диаспоры ограничились лишь критикой царского указа, но восстание коренного населения деятельно не поддержали.

Итак, на основе анализа официальных решений и практических мер российских властей по созданию надежной основы для колонизации Центральной Азии, особенно Туркестана, посредством заселения присоединенных территорий частью русского населения, можно,

[1] ГВИА РФ, ф. 400. Азиатская часть, 1908, д. 150. л. 122

не навязывая данные выводы кому-либо, но с полным основанием считать, что переселенческая политика и практика Российской империи здесь осуществлялась поэтапно. Такими этапами после образования Туркестанского генерал-губернаторства были следующие временные отрезки: 1) 1867—1881 гг.; 2) июль 1881—июнь 1886 гг.; 3) июнь 1886—июнь 1903 гг.; 4) июнь 1903—1917 гг. Вместе с тем следует иметь в виду и то, что этим этапам предшествовал открыто великодержавный этап (1847—1867 гг.) казачьей колонизации ряда районов казахских и кыргызских территорий.

Объективности ради стоит отметить, что и после падения царизма целенаправленное переселение части населения России в Туркестан, правда, без официальных переселенческих программ и иными методами, продолжалось. Это во многом было предопределено принципами и целями переселенческой политики, которых последовательно придерживалось высшее руководство Российской империи все годы господства в Центральной Азии, особенно в Туркестане.

Глава II. МЕТОДЫ И ХАРАКТЕР РАССЕЛЕНИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ МЕТРОПОЛИИ НА ТЕРРИТОРИИ ТУРКЕСТАНА

Как свидетельствуют официальные документы императорского правительства, в частности Военного министерства и Министерства иностранных дел, а также различные архивные материалы, российские верхи не только в завоевываемых новых районах, но даже в прежде присоединенных (без завоевания) регионах Центральной Азии довольно долгое время специально разработанных методов их заселения переселенцами из России не было. Исключение составляли довольно жесткие и оперативно осуществленные меры по заселению ряда казахских территорий казаками, что по характеру своему означало казачью колонизацию. Дело в том, что ни одна из их станиц не создавалась на действительно пустовавших землях. Земли под стани-

цы и наделы казаков, как и для строительства военных фортов, отторгались у коренного населения, которое, часто насильственно, переселялось на новые места. Уже одним этим подрывались исторически сложившиеся основы существования казахов Западной Сибири, Семиречья и низовьев р. Урал.

В связи с практиковавшимися методами заселения завоеванных территорий, превращенных в колониальные владения, следует подчеркнуть, что на счет сути и путей колонизации ее приверженцами выдвигались суждения, которые, по их мнению, должны были способствовать политике властей метрополии. Так, член Ученого комитета министерства земледелия и государственных имуществ А. А. Кауфман, считая, что только посредством переселения невозможно поднять благосостояние русских крестьян, предлагал способствовать повышению культуры землепользования и ведения хозяйства, распространению среди переселенцев сведений об условиях водворения и хозяйственного устройства на местах[1]. Но поскольку переселенческая практика носила в значительной мере импульсивный характер, то, кроме выявления благонадежности и наличия трудоспособных членов в семьях, стремящихся к переселению, а также оформления соответствующих проездных документов, никакая предварительная работа в этом плане не велась. К тому же на каждом этапе переселенческого движения в Туркестан более трети переселенцев составляли самовольно прибывавшие. Да и сама российская деревня не менее нуждалась в повышении культуры земледелия.

А один из деятельных чиновников — теоретиков и практиков переселенческой политики России колониального периода и первого советского десятилетия В. П. Вощинин, неправомерно считая любую колонию составной частью территории метрополии и идеализируя, даже облагораживая суть колониализма, писал, что в широком смысле «колонизация есть расширение, либо углубление использования природных ресурсов страны (чужой и покоренной — Ф. И.) путем искусственно организационного или протекающего самодовлеющего **хозяйственного уплотнения** (выделено нами—

[1] См.: Кауфман А. А. Переселение и колонизация. Т. II. — СПб., 1905. — С. 341.

Ф. И.) данного района новыми трудовыми элементами», а в узком смысле колонизационными можно считать «лишь такие действия государственной власти, которые имеют своим назначением планомерное привлечение населения в определенные, по признаку экономической целесообразности, недостаточно хозяйственно освоенные районы и рациональное, по тому же признаку, использование трудовой силы привлекаемых»[1].

Каждый, непредубежденно мыслящий человек — будь то россиянин или, особенно, представитель населения коренных национальностей Центральной Азии еще в ходе утверждения здесь господства Российской империи мог убедиться в том, что колонизация региона, в частности его заселение переселенцами из метрополии, осуществляются не только с учетом экономической целесообразности и методами, определявшимися великодержавно-шовинистической политикой царизма и серьезно ужесточающимися, торжествующими военно-политическими властями, но и с учетом неизбежного в будущем противодействия местных народов колониальному режиму, а также желательности их русификации, отрыва от во многом общей для них исторической, хозяйственной, социальной и духовной основы. Но нельзя не отметить и того, что российский царизм, хотя и допускал некоторые отступления, в частности в свете решения от 1903 г. о свободном переселении, под надежной опорой колонизации и своего военно-политического, хозяйственного и идеологического господства в Туркестане понимал только русских и только православного или, во всяком случае, христианского вероисповедания. Из чего со всей очевидностью следует, что имперские верхи в этом деле не совсем полагались даже на белоруссов и украинцев, не говоря уже о других подданных России. Это дает также основание считать, что переселенческое движение в Туркестане не было стихийным, хотя не всегда четко управлялось.

Следует подчеркнуть и то, что не только казачьи станицы, выселки и поселения русских переселенцев, но воинские казармы, военные крепости и т. д. не создавались в местах, не населенных жителями местных национальностей или вне зоны кочевий. Так, было и

---

[1] Вощинин В. П. О термине «колонизация». В кн.: О земле. СПб., Вып. П. 1922. — С. 14—15.

вначале, и на последнем этапе колонизации всей Центральной Азии. Такая практика сама по себе — даже без политических, правовых и налогово-податных мер — весьма наглядно демонстрировала великодержавно-шовинистическую позицию царизма в отношении населения как завоеванных, так и присоединившихся территорий, в том числе и той части населения, которая приняла российское подданство.

Некоторые аспекты переселенческой практики, предшествовавшей официальному объявлению о создании на территории Центральной Азии, наряду с включением ряда казахских районов в состав Оренбургского, Западно-Сибирского генерал-губернаторств и передачей Мангышлакского уезда (в составе Закаспийской области) Кавказскому наместничеству, Туркестанского и Степного генерал-губернаторств, кратко охарактеризованы выше. Но обращаясь к Туркестану последующего периода, отметим, что при схожести методов были существенные различия в характере формирования русской прослойки среди населения Туркестана.

Так, изначально для крупных зон орошаемого земледелия Туркестана царизмом и колониальными властями предусматривалось общинное землепользование в переселенческих поселках, еще сохранявшееся в метрополии и которое пытался ликвидировать Столыпин. В то же время государевы имения и земли, переданные отличившимся чиновникам в качестве вознаграждения за усердие, и некоторые другие находились в частной собственности. Но вплоть до конца колониального периода предложения по внедрению среди российских переселенцев американской системы колонизации территорий посредством частной собственности на землю не получили поддержки властей. Поэтому же переселенцы из той или иной области метрополии не рассыпались по территории колонии, а размещались компактно. Очевидно, что это объяснялось их нежеланием и даже опасениями разжижения русской крестьянской прослойки среди превосходящего по численности сельского населения местных национальностей, а также концентрации крупных массивов орошаемых земель в собственности отдельных российских банков, торгово-промышленных фирм и представителей национальной буржуазии, что, несомненно, могло осложнить наделение переселенцев землей. К тому же повсеместное ут-

верждение частной собственности на землю для переселенцев из России, считали власти империи, серьезно осложнило бы весь переселенческий процесс в Туркестане.

Как бы то ни было, но опыт казачьей колонизации и довольно сильные выступления значительной части казахского и туркменского населения в первой пол. XIX в. против отторжения исторически принадлежащих ему земель в пользу переселяемых из России крестьян царизмом и колониальной администрацией Туркестана были учтены лишь в том плане, что для более стабильного и быстрого заселения ряда важных (прежде всего стратегически) районов новой колонии на некоторое время из ее состава была изъята Семиреченская область, а такая составная часть Туркестана, как Закаспийская область, с самого начала была передана в ведение Кавказского наместничества. Эти две области были возвращены в состав Туркестана только в конце 90-х гг., то есть после того, как их территории в достаточной мере были заселены переселенцами из метрополии. Неслучайно, что вплоть до начала XX в. среди крупных промышленников, предпринимателей в Семиреченской и Закаспийской областях почти не было представителей коренных национальностей. Зато Туркестан, как колония, с трех сторон— со стороны Оренбургского, Западно-Сибирского генерал-губернаторств и Кавказского наместничества оказался обложенным не только гарнизонами, укреплениями, но и многочисленными казацкими станицами, селами российских переселенцев.

Вот в таких, довольно благоприятных для переселенческой политики империи условиях, по мере завоевания, например, Приаралья, Чуйской и Таласской долин, Токмака, Пишпека, Мерке, Аулие-Аты, Чимкента, ряда населенных туркменами территорий Хивинского ханства и территории Ташкентского оазиса переселенцы из метрополии прибывали сразу вслед за русскими войсками. Понятно, что многие переселенцы чувствовали себя победителями и соответственно относились к местному населению, особенно к сельскому.

Пример великодержавно-шовинистического отношения к населению местных национальностей здесь подавали чиновники колониальных органов власти уже в то время, когда в 1865 г. была создана Туркестанская

область (с центром сначала в Чимкенте, потом в Ташкенте) в составе Оренбургского генерал-губернаторства. После завоевания Ташкента в мае 1865 г. генерал Черняев, умело используя прорусскую позицию группы крупных купцов и других влиятельных лиц местного общества (Саидазимбай Мухаммедбаев, Мухаммед Сагитбай, Ходжа Юнусов, сотник Абдурахманбек Шадманбеков, Мирсалихбай и некоторые другие), добился в сентябре 1865 г. отказа от создания Ташкентского ханства под контролем России. Но еще за месяц до этого на берегу Бозсу началось строительство военной крепости и была проложена первая в новом городе улица, названная именем завоевателя — Черняевской. Позже между новогородской и старогородской частями Ташкента была определена граница, которую без разрешения местное население не могло пересекать. Исключение составляли только представители местной знати.

В этой связи можно привести один из многих примеров великодержавно-шовинистической практики разграничения русской и старогородской частей городов Туркестана. Генерал-губернатор края в циркуляре военному губернатору Сырдарьинской области указывал: «... некоторые из жителей азиатской части города Ташкента без разрешения занимают место в европейской части города или невдалеке от черты оной и огораживают эти места как свои собственные. Прошу... принять меры к устранению туземцев с занятых земель на русской стороне...»[1].

Наряду с Ак-мечетью (ныне — Кзыл-Орда), Туркестаном, Аулие-Атой, Чимкентом, Ташкентом, после 1866 г. Ходжентом и Джизаком, активно заселялись русскими, немцами и многими другими российскими переселенцами также прежде обжитые села, а железнодорожные станции заселялись только русскими, украинцами и белоруссами. Правда, немцам отводились менее благополучные земли, прежде освоенные местным населением, но требующие еще немало труда. Быстрее других заселялись города Пишпек, Аулие-Ата, Чимкент, Ташкент и Ходжент. Так, в 1875 г. в новогородской части Ташкента, кроме войск, было 4859 переселенцев и в том же году прибыло еще 4145 пересе-

[1] ЦГА РУз, ф. И—I, оп. 16, д. 1044, л. 12.

ленцев из метрополии[1]. В 1911 г. здесь проживало более 56 тыс. русских[2].

В период 1867—1881 гг., то есть до утверждения императором «Временных правил о переселении крестьян на свободные казенные земли» переселение разрешалось почти всем представителям сельского населения метрополии, но только христианского вероисповедания (православные, католики, евангелисты, приверженцы различных сект православия и католицизма). Однако тюркоязычное население метрополии, независимо от религиозной принадлежности, к переселению не допускалось.

Хоть и была во многом формальной, половинчатой реформа 1861 г. в России, она вызвала резкое увеличение численности беднейшего крестьянства, создавая для помещиков и нарождающейся капиталистической промышленности возможность широкого использования дешевых рук. Однако, консерватизм российских властей и медленные темпы индустриальных преобразований в метрополии сдерживали масштабы создания новых рабочих мест, что побуждало безземельных, малоземельных крестьян и городскую бедноту, особенно центральных губерний, искать спасения на стороне.

Правительство же было заинтересовано в заселении ими районов Восточной и Западной Сибири, а также Дальнего Востока, но для этого оно не создавало надлежащих условий, ограничиваясь лишь предоставлением ряда социальных льгот. И поскольку в этих районах были довольно тяжелые природно-климатические и социальные условия, очень слабо была развита промышленность, а лесоразработки и охотничий промысел не могли охватить даже первые тысячи переселенцев из центральных губерний, то они, словно пилигримы, не оседая здесь, самовольно перебирались в Центральную Азию, в том числе в Туркестан.

В этот период (1867—1881 гг.) в Степное и, особенно, Туркестанское генерал-губернаторства, несмотря на отсутствие узаконенных земельных, налогово-податных льгот, привилегий, прибыло во много раз больше переселенцев, чем в последующие годы XIX в. В эти годы

---

[1] Туркестанский сборник статей, заметок и корреспонденций. Т. 6.—С. 167.

[2] ГВИА РФ, ф. 400, оп, 1, д. 4026, л. 3.

самовольно переселявшиеся, как правило, составляли большинство, но тем не менее их, вопреки установкам, не только не возвращали обратно, а в соответствии с Законом от 13 июля 1889 г. наделяли землей и другими льготами. И хотя этим законом тоже предусматривалось, что отныне всех самовольно переселившихся должно в административном порядке возвращать к местам прежнего проживания или разрешенным к первоначальному переселению, доля самовольно переселившихся только в 1907 г., когда край официально был закрыт для переселения, составила 20 проц., а во все другие годы она колебалась от 31 (в 1900 г.) до 90 проц. (в 1904 г.)[1]. Такойих удельный вес порождал в Туркестане много проблем, которые разрешались за счет коренного населения, а не путем освоения, орошения новых земель и выделения средств из бюджета метрополии.

О масштабах же переселенческого потока в Туркестан из России и об удельном весе самовольно переселявшихся свидетельствуют следующие данные за 1896—1909 гг.:

Годы	Общее количество переселенцев[2]	Удельный вес самовольно переселившихся (в %)
1896	178400	38
1897	169 тыс.	39,1
1898	148 тыс.	40
1899	170 тыс.	46
1900	166 тыс.	31
1901	89 тыс.	34
1902	82 тыс.	35
1903	94 тыс.	33
1904	40 тыс.	90
1905	64 тыс.	76
1906	139 тыс.	51
1907	427 тыс.	20
1908	664777	48
1909	619 тыс.	48

Кроме того, в 1883 г. в Семиреченской области и в Ошском, Андижанском уездах Ферганской области

[1] ЦГА РУз, ф. И—16, оп. I, д. 174, л. I, 3—8.
[2] Там же, д. 574, л. 9—14.

нашли пристанище более 60 тыс. уйгуров и дунган, бежавших после разгрома антицинского восстания в Китае, а в 1894 г. в Закаспийской области поселились более 3 тыс.[1] армян — беженцев из Турции.

В колониальный период прослеживалась одна весьма примечательная закономерность, присущая переселенческой политике и практике царизма: поток переселенцев произвольно увеличивался или стимулировался властями в годы резкого ухудшения социально-экономического положения в России, где, например, только налоги с каждой десятины земли возросли в 1870—1900 гг. с 37 коп. до 1 руб. 07 коп., засухи и неудач империи в войнах, а также в связи со столыпинскими реформами в метрополии, восстаниями коренного населения Туркестана. Очень существенное значение в росте переселенческого потока из России в Туркестан имели железные дороги.

При собственном населении, насчитывавшем около 4,5 млн. человек, Туркестан был вынужден принимать ежегодно десятки, а в отдельные годы сотни тысяч переселенцев из России. Конечно же, наделение их землей, многими и долговременными льготами осуществлявшееся царизмом и колониальными властями, компенсировалось посредством изъятия земель или максимального сокращения площади земель, принадлежащих коренному населению, а также увеличения взимаемых с него поземельного налога, кибиточной подати, сбора с ремесленного люда и т. д.

О том, сколь значительными были привилегии, предоставлявшиеся переселенцам из метрополии и сколь тяжелые только материальные последствия для населения местных национальностей порождала переселенческая политика царизма, можно судить по многочисленным фактам колониального периода. А ведь эти последствия давали о себе знать и позднее. Так вот: до 1906 г. к переселению в край, наряду с русскими православного вероисповедания, допускались и немцы, небольшая часть поляков. Немцы, как и русские, размещались в сельских местностях, но с меньшими удобствами для хозяйствования и со сравнительно меньшей нормой земельного надела в расчете на одного работника. Поляки же, переселенные, а не пере-

[1] ЦГА РУз, ф. И—16, оп. 2, д. 1905, л. 3.

селившиеся добровольно, в основном из Варшавского воеводства и из Прибалтики, большей частью осели в городах Семиреченской и Сырдарьинской областей. При этом, помимо казаков, переселенных в Семиреченскую и Закаспийскую области, царизм разрешил и поощрял вооружение огнестрельным оружием (якобы, в целях обеспечения их безопасности) только русских переселенцев.

Перечень и размеры льгот, нормы земельных наделов для переселенцев из метрополии время от времени менялись властями, но всегда оставались достаточными для демонстрации имущественного и гражданско-политического превосходства русской прослойки перед большинством коренного населения Туркестана и всей Центральной Азии. Так, в период до принятия в 1881 г. «Временных правил о переселении крестьян на свободные казенные земли» заселение новых колониальных территорий, в том числе территорий, отторгнутых у Бухарского эмирата и Хивинского ханства еще до заключения с ними великодержавных военно-политических договоров (соответственно 1868 г. и 1873 г.), переселенцами из России во многом носило произвольный, а порой и хаотический характер, но все-таки контролировалось, регулировалось.

Конечно, в ходе казачьей колонизации и в годы свободного заселения новых приобретенных территорий переселенцы при поддержке военной силы и властей отнимали у коренного населения столько старопахотных земель и пастбищных угодий, сколько могли использовать, в том числе путем найма тружеников из среды местного населения. Сложилось так, что в расчете на каждого трудоспособного члена переселенческой семьи приходилось от 10 до 15 десятин пахотной земли. А в русской семье сер. XIX в. было в среднем 3—4 трудоспособных человека. Но поскольку среди переселенцев из метрополии преобладали вчерашние безземельные и малоземельные крестьяне, не способные своими силами обрабатывать добытые земли и не имеющие средств для найма, да и не знакомые с традициями, приемами земледелия, животноводства в Центральной Азии (по свидетельству «Туркестанских ведомостей», «наш русский переселенец с трудом осваивается с хозяйством и нередко прибегает к совету ту-

земцев»[1]). Русским переселенцам «казалось невероятным, что землю, засеянную хлебом. ... необходимо орошать»[2]. И это не удивительно, ибо даже по признанию приверженцев колонизации «туземное население Туркестана в сельскохозяйственном отношении стоит гораздо выше нашего русского благодаря и почве, и орошению, и климатическим условиям»[3]. Видимо, только неблагожелательность к коренному населению края помешала отметить среди факторов историческую преемственность в земледелии, навыки тяжелого труда и т. д.

И если казаки Семиречья, Закаспийской области часть своих земель сдавали местным земледельцам и неустроенным русским переселенцам в аренду, то размещенные в других районах Туркестана переселенцы из числа неимущих с первых дней поселения на новом месте нуждались в поддержке со стороны колониальных властей. Это понимали и генерал Романовский, возглавлявший Туркестанскую область, и генерал фон Кауфман, ставший первым генерал-губернатором Туркестанского края. И потому по согласованию с петербургскими властями уже первым переселенцам, а это были крестьяне из Воронежской губернии, выделялось по 30 десятин земли каждой семье, предоставлялись, правда мизерные, ссуды (под залог земли) и освобождение на 15 лет от всех податей[4].

После ряда изменений в системе «военно-народного» управления в крае и в связи с увеличением притока переселенцев эти льготы, привилегии для них стали постепенно упорядочиваться, уменьшаться, но оставались значительными и были отражены в вышеупомянутых «Временных правилах...», а затем и в новых правилах, подписанных Александром III 12 июня 1886 г. В общем льготы и привилегии для русских переселенцев — сельских обывателей заключались в следующем:

— с разрешения генерал-губернатора им предоставляются из свободных земель наделы в постоянное пользование размером 10 десятин на каждого работника в семье. Надел переходит в собственность переселенца

---

[1] Туркестанские ведомости. 1907. № 76.
[2] ЦГА РУз, ф. И- 1, оп. 34, д. 1124, л. 5.
[3] Туркестанские ведомости. 1907. № 76.—С. 14.
[4] См.: Масальский В. И. Туркестанский край, С. 322.

через 10 лет, но при условии ежегодной запашки земли. (По правилам 1883 г. площадь надела на семью не превышала 9 дес., теперь же отводилось не более 10 десятин на каждого работника);

— лица старше 15 лет освобождаются от воинской повинности в течение 10 лет;

— на протяжении первых 5 лет (по водворении) русские переселенцы полностью освобождаются от поземельного налога, а в последующем они платили только половину установленного поземельного налога. Естественно, что русские переселенцы имели также льготы в водопользовании и в получении ссуд[1].

Как видно, определение в 1886 г. предельных, более высоких норм земельных наделов и ряда льгот для переселенцев из России сочеталось с усилением курса царизма на увеличение в Туркестане численности в основном русских подданных христианских вероисповеданий. Но голод в Поволжье и в Сибири 1891—1892 гг., а также желание властей повысить культуру земледелия в Степном и Туркестанском краях, особенно в маловодных местностях, заставляли переселять и немцев. Их переселение продолжалось вплоть до 1906 г., однако, на немцев распространялись далеко не все льготы, предоставлявшиеся русским. Более того, время от времени, в частности, после начала в 1914 г. первой мировой войны немцы-переселенцы подвергались шовинистическим притеснениям со стороны властей и русского населения.

Сознавая необходимость увеличения в Туркестане производства хлопка и облегчения участи российского крестьянства за счет ресурсов колонии царизм Законом от 13 июля 1889 г. разрешил добровольное переселение сельских обывателей и мещан на казенные земли и предусмотрел порядок наделения землей и льготами, относящихся к этим сословиям людей, переселившихся в Туркестан и Степной край в период до принятия упомянутого закона. С того времени увеличился поток переселенцев и в новые области Туркестана — Ферганскую. Самаркандскую и в самую крупную по территории Сырдарьинскую область. Закаспийская и Семиреченская области на время (вплоть до конца 90-х гг.) были изъяты из состава Туркестанского генерал-губернаторства и потому об их заселении русскими переселен-

[1] ЦГА РУз, ф. И- 1, оп, 11, д. 708, л. 161—163.

цами в этот период речь пока не идет. Следует только указать, что здесь переселенческое движение носило более интенсивный характер и сопровождалось более откровенными и массовыми притеснениями коренного населения — казахов, кыргызов, туркменов.

Разрешение на официальное оформление статуса переселенцев, самовольно прибывших в Туркестан в период до 13 июля 1889 г., привело к усилению дефицита свободных земель и в силу этого — к расширению практики изъятия земель властями, захвата их у коренного населения. Среди самовольно переселявшихся русских подданных значительным был удельный вес тех, кто прибывал из районов первоначального переселения — Восточной, Западной Сибири и Дальнего Востока. Почти 45 проц. переселенцев из метрополии составляли русские подданные, не имевшие никакого имущества. К этому обстоятельству внимание властей метрополии пыталась привлечь и канцелярия Туркестанского генерал-губернатора. Например, 8 ноября 1891 г. Военному министру сообщалось: «В текущем году в связи с неурожаем во внутренних губерниях империи в Туркестанский край прибыло около 1000 семей русских переселенцев (до 5000 душ) и следует еще до 1300 семейств. Переселенцы эти являются без всяких средств, не могут обзавестись жилищами и произвести запашки»[1]. К тому же многие переселенцы устремлялись в Туркестан, не задумываясь над тем, смогут ли освоить здешние способы хозяйствования, особенно на селе, и даже не представляли себе толком, в какой край они направляются. В результате, даже в конце 70-х годов академик Миддендорф—деятельный сторонник колонизации был вынужден констатировать: «Попытки водворить русских крестьян не удались по Сыр-Дарье, где киргизы (имеются в виду узбеки— Ф. И.) с энергией и успехом занимались земледелием, хотя эти места и были облюбованы ходоками. Они не могли приспособиться уже к готовым ирригациям: то Сыр-Дарьи им не хватало, то она затопляла их посевы, то объявляли они, что земля выпахана, т. е. истощена»[2].

Стоит указать также, что выдававшееся им денежное пособие — в среднем 38,8 руб. на одного работника — не спасало переселенцев-бедняков от превращения в люм-

[1] ЦГА РУз, ф. И—I. оп. 2, д. 1616, л. 14.
[2] Миддендорф А. Фергана.—СПб., 1898, С. 348.

пен-пролетариев и от еще худшей деградации. Этот процесс принял широкие масштабы в 90-х годах. Например, только в 1893 г. более 100 тыс. голодающих крестьян России самовольно переселились в Степной и Туркестанский края[1].

Но для коренного населения Туркестана в большей мере, чем, например, Степного края, массовый наплыв, в основном, неимущих переселенцев означал не только увеличение масштабов изъятия и захвата его земель, поземельного налога, кибиточной подати и других обязательных платежей, но и ухудшение положения во всех сферах жизни: рост цен на продовольствие, увеличение арендной платы за землю, поденщины, а также появление таких новых для региона видов преступлений, как разбой, кража личного имущества. Колониальные власти, конечно, принимали меры, в том числе и по расширению сети тюрем, арестных домов, но заполнялись они преимущественно представителями местных национальностей после очередных восстаний, бунтов коренного населения.

Несмотря на очевидное осложнение обстановки в Туркестаане, на отсутствие свободных земель, на трудности с организацией переселения и обустройства русских подданных в 1892—1893 гг. только в Сырдарьинской области последними было создано 17 новых поселений[2]. И это при том, что 6 марта 1892 г. правительство распорядилось прекратить выдачу переселенческих документов на местах выхода переселенцев.

Известно также, что царизм и колониальные власти были заинтересованы в том, чтобы среди русских переселенцев в Туркестане преобладали имущие, крепкие хозяева. Подобная заинтересованность особенно возросла в нач. 90-х годов, когда оказалось, что в областях края свободных земель уже нет, а кулаки и обеспеченные мещане могли купить подворные участки, создавать экономически сильные хозяйства. Поэтому колониальная администрация настойчиво пыталась убедить всех сторонников колонизации в том, что «только хорошо и независимо устроившись, переселенцы являются тем желательным элементом, появление которого вполне желательно как в целях поднятия уровня местного населения,

---

[1] Гинзбург А. И. Русское население в Туркестане, С. 22.
[2] ЦГА РУз, Ф. 17, оп. 1, д. 32702, л. 19—20.

так и для закрепления русской гражданственности (несомненно, именно это было главным—Ф. И.)»[1].

Поскольку у российских властей и колониальных органов не было возможностей как для переселения хозяйственных крепких крестьян, так и для сокращения масштабов самовольного переселения бедноты, для оказания неимущим русским переселенцам достаточной материальной помощи в Туркестане и в других регионах Центральной Азии, многие из них прибегали к захвату земель у коренного населения, причем у таких же бедняков, ибо интересы местных крупных землевладельцев, благосклонно воспринявших колонизацию, властями защищались.

Немало самовольно переселившихся бедняков, не получив помощи со стороны Переселенческого Отдела были вынуждены наниматься к зажиточным переселенцам и местным земледельцам, скитаться по городам, кишлакам и аулам, заниматься преступным промыслом[2]. Разумеется, власти метрополии, стремившиеся к демонстрации превосходства русских переселенцев над коренным населением Центральной Азии, были очень обеспокоены бедственным положением и многочисленными проявлениями их деградации. При этом власти почти не обращали внимание, когда русские и местные чайрикеры нанимались к русским, но выражали обеспокоенность тем, что часть переселенцев трудится в хозяйствах коренного населения. Последнее, как отмечал позднее российский главноуправляющий земледелием и землеустройством А. В. Кривошеин, «плохо вяжется с достоинством русского имени ... , не произведет хорошего морального впечатления на азиатской окраине»[3].

Поэтому в целях извлечения дополнительных средств для переселенческого дела, наряду с увеличением масштабов изъятия «излишков» земель у коренного населения, размеров взимаемых с него налогов и податей, законом от 13 июля 1889 г. в качестве условия развития предприимчивости русских переселенцев были сокращены сроки действия предоставляемых льгот: освобождение от казенных сборов с 5 лет сократилось до 3 лет, от воинской повинности — с 15 лет (1867—1881 гг.) и с 5

[1] ЦГАРУз, ф. 17, оп I. д. 32702, л. 86—87.
[2] ЦГА РУз, ф. 18, оп. 1, д. 118, л. 140.
[3] ГВИА РФ, 400. Азиатская часть. 1911, д. 49, л. 13—14.

лет (после 1881 г.) до 3 лет. Власти старались также не реагировать на многочисленные факты захвата русскими переселенцами земель коренного населения и на поступавшие в связи с этим жалобы, протесты, за исключением случаев его массовых выступлений. А новый генерал-губернатор Туркестана С. М. Духовской в 1899 г. прямо заявил: «Принципы человечности и гуманизма нельзя применить в отношении коренного населения, которое веками привыкло к произволу своих правителей»[1].

Вместе с тем, отнюдь не преувеличивая гуманистическую природу и естественный интернационализм коренного населения Туркестана и всей Центральной Азии (где, кстати сказать, никогда не было абсолютно мононациональных государств), считаем важным, в том числе в связи с наблюдаемыми издержками, перехлестами в сфере межнациональных отношений в постсоветских независимых республиках, подчеркнуть, что даже после массовых репрессий царизма против местных национальностей в 1892 г. (Ташкентское восстание) и в 1898 г. (Андижанское восстание) отношение к русским переселенцам оставалось не просто нормальным, но и благожелательным. Например, после жестокого подавления возглавлявшегося ишаном Дукчи (Мухаммад Али ишан Матсабир оглы — 1846—1898 гг.) восстания, носившего ярко выраженный антиколониальный характер, но не антирусский (ни один из мирных русских крестьян в ходе восстания не пострадал, хотя колониализм ассоциировался с Россией и, естественно, с русским народом), по личному повелению Николая II на месте стертых с лица земли «наказанных» кишлаков Минг-Тепа, Кашгар и Таджик началось создание села, специально названного Русским. Тогда колониальные чиновники, силовыми методами отнявшие у местного населения 2954 десятины[2], с удовлетворением отмечали, что «с мыслью о неизбежности выселения жители наказываемых кишлаков вполне примирились, но куда им придется выселяться, они все еще не знают»[3]. Без всяких эмоций заметим, что уже в 1899 г. жители села Русского (более тысячи человек) оказались в чрезвычайно бедственном положении из-за того, что их посевы были уничтожены саранчой. Военный

---

[1] ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 31, д. 3, л. 27.
[2] Красный архив. Т. 34. 1929.— С. 88.
[3] ГВИА РФ, ф. 400, Азиатская часть, 1898, д. 107, л. 118.

губернатор и чиновники Ферганской области оказывали им помощь, тем не менее, не сумев освоить хлопководство, жители Русского, вынужденные заниматься неприбыльным хлебопашеством, оставались отнюдь незажиточными хозяевами, хотя имели земли (в расчете на душу) в 20 раз больше, чем местные земледельцы.

И несмотря на трагические последствия восстания 1898 г., в той же Ферганской области коренное население продолжало оказывать русским переселенцам помощь в ведении хозяйства. Это были вынуждены признавать даже руководящие колониальные чиновники. Так, в докладе от 9 октября того же 1898 г. управляющего земледелием и государственных имуществ Туркестана, в частности, указывалось, что «окружающее население зачастую было причиной того, что переселенцы спасли свой скот от голодовки и подняли в данный год (гораздо — Ф. И.) большие земли, чем то позволяли им силы и средства. Несомненно, отрадно видеть такое дружелюбное отношение туземцев к нашим переселенцам, но было бы отраднее, если бы благополучие переселенца зиждилось не на случайных пожертвованиях, а на более прочных фундаментах»[1].

Кроме русских поселений вокруг более 100 железнодорожных станций и разъездов на территории Туркестана, в начале XX в. в Амударьинском отделе и в 5 областях колониального края (Семиреченская, Закаспийская, Самаркандская, Сырдарьинская, Ферганская) было почти 560 переселенческих селений с населением свыше 100 тыс. человек, подавляющее большинство которых составляли русские. Вместе с 30-ти тысячной армией и городским русским населением (около 40 тыс.) переселенцы служили опорой царизма и проводниками колониалистской политики в Туркестане. Но властям империи и Туркестанского края всего достигнутого в использовании природных и трудовых ресурсов колонии в интересах России было недостаточно. К тому же царизм, не утруждая себя решением проблем развития русской деревни, предпочитал массовое переселение крестьян на Дальний Восток, в Сибирь и Центральную Азию. Однако, не только из центральных губерний, а и с Дальнего Востока, из Сибири многие десятки тысяч переселенцев ежегодно прибывали в Степной край и, особенно, в Туркестан.

---

[1] ЦГА РУз, ф. 34, оп. 4, д. 12374, л. 28.

Справиться с переселенческим процессом царизм уже и вовсе не мог.

Поэтому с благословения Николая II и Военного министерства власти Туркестана попытались «рациональнее» использовать возможности колонии, прежде всего умерив аппетит новых переселенцев и еще больше притесняя коренное население.

Император 10 июня 1903 г. одобрил новые (шестые по счету) Правила переселения и устройства не только русских православного вероисповедания, но и — с согласия Министерства внутренних дел — раскольников (имеются в виду не христианские сектанты, а приверженцы появившегося после Никоновского собора 1681 г. так называемого старообрядчества). По этим Правилам, норма земельного надела переселенца (в расчете на мужскую душу) с прежних 10 десятин была уменьшена до 3 десятин; переселенцы на первые 5 лет освобождались от всех податей, а в следующие 3 года должны были уплачивать подати в половинном размере; лица мужского пола старше 15 лет вовсе освобождались от воинской повинности[1].

Наряду с этим, учитывая отсутствие свободных казенных земель в Туркестане, колониальные власти развернули кампанию по ревизии земель коренного населения, в том числе кочевого и полукочевого, с тем, чтобы изымать, отторгать как можно больше земель для устройства все более возрастающего количества переселенцев из метрополии, а также из районов первоначального переселения — из Сибири и с Дальнего Востока. Поток самовольных переселенцев в Туркестанский край заметно расширился после резкого ухудшения социально-экономического положения в России, потерпевшей в 1904 г. поражение в войне с Японией и в связи с событиями 1905—1907 гг в метрополии, а затем и вследствие столыпинской реформы.

К этому времени значительно увеличились и возможности для прибытия переселенцев в Туркестан со всех сторон — его области посредством железных дорог были связаны с Оренбургом, Степным краем и — через Красноводск—с Закавказьем. А к 1911 г. была проложена железная дорога, связавшая все хлопководческие уезды Ферганской области. Это несравнимо облегчило вывоз в

[1] ЦГА РУз, ф. 1, оп. 11, д. 906, л. 17—18.

Россию сельскохозяйственного сырья, прежде всего хлопка, а также стимулировало увеличение добычи полезных ископаемых края.

Поскольку русские переселенцы хлопководством сами заниматься не могли, но понимали его прибыльность, то часть полученных наделов сдавали в аренду местным земледельцам, причем нередко тем же, у кого были отторгнуты, изъяты земли, ибо чайрикером являлся «неизменный туземец-узбек, киргиз, который везде и всюду здесь сеет, жнет и убирает в житницы владельцев земли вложенную им долю урожая»[1]. Трудом чайрикеров производилось 82,3 проц. туркестанского хлопка[2]. Значительно увеличившийся с 1904 г. приток неимущих русских переселенцев в Туркестан очень осложнил обстановку в крае. Власти не имели, да и не желали расходовать средства на освоение и орошение земель (за 50 колониальных лет было освоено всего около 40 тыс. десятин), а отнимать земли у коренного населения хлопководческих районов было уже почти невозможно, да и не выгодно, так как российской текстильной промышленности нужно было все больше хлопка. Поэтому с 1906 г. был взят курс на постепенный, но активный перевод кочевого и полукочевого населения на оседлый образ жизни, что позволило бы властям использовать его земли в зоне кочевок для создания переселенческого фонда. Но это мотивировалось тем, что «под влиянием наглядного примера своих соседей-поселенцев, киргизы (имеются в виду казахи — Ф. И.), видя все преимущества оседлой жизни, мало-по-малу начинают тоже склоняться к той мысли, что оседлый образ жизни не в пример лучше. Играет здесь немалую роль и заметное среди киргиз в последнее время тяготение к оседлости»[3].

В связи с таким утверждением, совершенно необоснованным и неубедительным, следует подчеркнуть, что, во-первых, казахи, каракалпаки, кыргызы, туркмены за много столетий до появления русских поселенцев были не только знакомы, но и, отчасти, приобщены к оседлому образу жизни, а также в свое время основали немало городов, в том числе Семипалатинск, Тараз (Аулие-Ата,

---

[1] Туркестанское сельское хозяйство.—Ташкент. 1908. № 1.— С. 11.

[2] См.: Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября.—С. 34.

[3] Туркестанские ведомости. 1914. № 78.

ныне Жамбыл), Туркестан, Пишпек (Бишкек), Токмак, Мерке, Ашгабат, Чарджев, Мары, Куня-Ургенч, Турткуль, Ош и многие другие.

Во-вторых, кочевой и полукочевой образ жизни части, а не всего населения той или иной национальности предопределялся не хозяйственной и культурной отсталостью, а исторически сложившимся в тех или иных регионах разделением труда, обусловленным природными, почвенно-климатическими, хозяйственными факторами. Любой непредубежденно мыслящий человек, даже не знакомый с многовековой историей народов Центральной Азии или только ее части — Туркестана, легко поймет, что сосредоточение производства товаров широкого потребления, хозяйственной утвари и заведений культуры, образования, торговли и т. д. в городах сочеталось с производством хлопка-сырца, шелка-сырца, продуктов питания и кожевенного сырья в сельских местностях, в том числе посредством кочевого скотоводства и овцеводства. Иначе говоря, кочевое и полукочевое хозяйствование, которым занималась часть коренного населения Центральной Азии, к середине XIX в. уже носило преимущественно товарную направленность. Это хорошо знали и россияне, на меновой или товарно-денежной основе торговавшие с казахами, кыргызами, туркменами.

В-третьих, объективный процесс перехода все большей части кочевого населения к оседлому образу жизни, при жизненно необходимом сохранении в оптимальных размерах и на более высоком социально-экономическом уровне кочевого скотоводства и связанных с ним ремесел, был грубо деформирован и насильственно форсирован посредством принуждения русскими войсками и колониальными властями коренных жителей и переселению в другие районы, а также изъятия не только пахотных земель, но и пастбищ в пользу казаков и сотен тысяч русских переселенцев. В этом плане завершающий этап ознаменовало собой время осуществления царского Закона от 1910 г. об изъятии излишков земли у коренного населения*. Колониальные власти, опасаясь новых антиколониальных выступлений коренного населения,

* О том, что он направлен против кочевников, а не на переводих к оседлости говорит и само полное название этого закона —«Об изъятии из пользования кочевников Туркестана излишних для них земель в целях обращения их под переселенческие участки и иные государственные надобности».

заявляли о своей заинтересованности в землеустройстве вчерашних кочевников, но и при этом преследовали колониалистские цели. Так, в одном из официальных документов указывалось, что для успешной колонизации следует «параллельно с устройством переселенцев вести и землеустройство киргиз, так как это дает ... большие излишки земли, годные для переселения (русских крестьян — Ф. И.)[1].

В-четвертых, имея в виду, что в нашем регионе не было, по крайней мере в период после XIV в., ни одного народа, который целиком занимался бы только кочевым скотоводством, а также происходившие в среде кочевого населения процессы общественного разделения труда, а, следовательно, и социальной дифференциации, а также внешние факторы воздействия на ареал и характер кочевок, следует констатировать значительное ослабление родо-племенной общности, расширение масштабов взаимопереселения части одних родов на территории других родов и инонационального оседлого населения. И, кстати сказать, независимо от того, большая или меньшая часть населения той или иной национальности вела кочевой или полукочевой образ жизни (что, естественно, отражалось на психическом складе, общественных традициях и семейно-бытовых обычаях), ни один центрально-азиатский народ никогда не проявлял признаки национальной замкнутости или исключительности. Тем не менее царизм и колониальные власти, заинтересованные в насаждении всего русского, выражали обеспокоенность недостаточным удельным весом русских переселенцев в крае, проявлениями и даже потенциальной возможностью влияния образа жизни, нравов коренного населения на русских переселенцев.

Например, Н. Гаврилов — один из чиновников Переселенческого управления империи, побывавший в 1910 г. в Туркестане, сообщал: «Данные, основанные на изучении на местах материалов и на личных наблюдениях, дают мне основание сказать, что промедление в широкой постановке русской колонизации вызвало уже непоправимые вредные последствия ... Русского населения здесь — горсть среди миллионной, загадочной в своей замкнутости и религиозном фанатизме **толпы** (выделено нами — Ф. И.) туземцев: в Самаркандской области рус-

[1] ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 1, д. 5142, л. 11.

ские составляют 1,6%, в Ферганской —0,6%, причем русского сельского населения в Самаркандской области около 5000 душ обоего пола (туземцев —880000), в Ферганской —8788 (туземцев —1950000). Такое численное соотношение народа-завоевателя к покоренному инородческому населению властно требует принятия энергичных мер к усилению русского элемента в крае»[1]. Видать, силен был шовинистический настрой у этого чиновника, что не только мрачной характеристикой коренного населения и преувеличением его численности в «обследованных» областях, умолчанием о соотношении подобном по Сырдарьинской области, но и преуменьшением численности «народа-завоевателя» здесь попытался привлечь внимание властей империи к проблеме увеличения переселенческого потока в Туркестан.

А вот пример другого характера. В том же 1910 г. в одной из информаций на имя Туркестанского генерал-губернатора А. В. Самсонова (погиб в 1915 г. на русско-германском фронте) Военный губернатор Семиреченской области Фольбаум отмечал, в частности, что «в последнее время, наряду с заметным тяготением кочевников области к переходу в оседлое состояние и к причислению в русские (курсив наш—Ф. И.) сельские общества, поступают ходатайства крестьян и мещан русского происхождения о причислении их к тому или другому обществу (имеются в виду казахское, кыргызское — Ф. И.), получающему оседлое земельное устройство ... В последнем случае невольно возникает опасение, что незначительное число русских в каждом данном **инородческом** (выделено нами — Ф. И.) обществе не только не сможет выполнить свою высокую миссию, но и потеряет стойкость в сохранении своих традиций. Поэтому если допускать возможность приселения русских людей к оседлым киргизским поселениям, то численный состав приселяемых русских должен быть никак не меньше 50% общего числа оседлых киргиз»[2].

Таковой была позиция военного губернатора Семиреченской области, заселение территории которой воору-

---

[1] Переселенческое дело в Туркестанском крае (области—Сырдарьинская, Самаркандская и Ферганская). Отчет по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 года чиновника особых поручений при Переселенческом Управлении Н. Гаврилова.— СПб., 1911.— С. 330—331.

[2] ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 15, д. 887, л. 1.

женными казаками и русскими крестьянами началось еще за четверть века до образования Туркестанского и Степного генерал-губернаторств и где удельный вес русских переселенцев, тоже вооруженных, был в 1910 г. выше, чем во всех других областях Туркестана. Не лучше была позиция и глав других областей.

Дело в том, что неуверенное в достаточности военной силы и полицейского аппарата, а также встревоженное серьезными восстаниями (1892 г. и 1898 г.), частыми выступлениями коренного населения против изъятия земель, захвата их переселенцами и других притеснений со стороны колониальных властей правительство империи считало, что «туземное магометанское население края не может быть еще признано вполне благонадежным и искренним, помирившимся с русской властью и порядком, установившимся в крае после присоединения к России»[1]. Поэтому в апреле 1903 г. было решено: «...вооружив берданковскими винтовками все способное носить оружие русское население, не исключая и льготных казаков второй и третьей очереди. При призыве этих последних на службу, в случае мобилизации, их ружья поступят на вооружение **стариков, малолетних и в крайности женщин** (выделено нами — Ф. И.)»[1]. Как видно, царизм стремился превратить русских переселенцев (немцам, неправославным украинцам и др. винтовки не предоставлялись) не просто в проводников но и сделать заложниками великодержавно-шовинистической политики и колониальной практики. Хотя в начале XX в. царизм и колониальные власти имели немало случаев, убеждавших в том, что за исключением конфликтов при захвате земель переселенцами и произвольных арестах, коренное население, выступая против колониализма, не терроризировало ни сельских, ни городских русских жителей. И тем не менее меры по вооружению русских переселенцев осуществлялись несмотря на полную лояльность правителей Бухарского и Хивинского ханств к военно-политическому господству России в Туркестане и на отсутствие у коренного населения края вооружения, а также политических партий, лидеров, способных и готовых при тогдашних условиях поднять народные массы на антиколониальную борьбу.

Ужесточение колониального режима в Туркестане в

---

[1] ГВИА РФ, ф. 1396, оп. 2, д. 1039, л. 48.
[2] ГВИА РФ, ф. 1396, оп. 2, д. 1039, л. 93.

начале XX в. объяснялось, на наш взгляд, не только и не только своеобразно извлеченным и уроками из восстаний коренного населения в 90-х годах и переселенческого опыта в Центральной Азии, сколько намерениями царизма усилить эксплуатацию российских колоний, из которых экономически наиболее ценной являлся Туркестанский край. Именно с этой целью, в частности, было объявлено в 1903 г. о свободном переселении сюда части русского населения, а в 1910 г. было предусмотрено посредством изъятия «излишков» земли у коренного населения наделение всех переселенцев землей.

Понятно, что такие колониалистские устремления в переселенческой политике сами по себе и под воздействием первых последствий столыпинской аграрной реформы в метрополии способствовали тому, что в Туркестан и другие регионы Центральной Азии в период с 1904 г. до начала первой мировой войны, то есть за 10 лет прибыло переселенцев, в том числе против воли царизма, из Сибири и Дальнего Востока (особенно в связи с поражением России в русско-японской войне), больше, чем за 20 лет до этого. И хотя устройство переселенцев сопровождалось явно произвольным, часто силовым изъятием властями, захватом земель самими переселенцами, что вызывало возмущение, противодействие коренного населения, колониальные власти за счет увеличения прежних и введения дополнительных налогов, податей добивались решения многих проблем переселенцев и содержания армии чиновников.

О том, сколь цинично при этом вели себя даже высокопоставленные представители властей края, свидетельствует, например, отчет Военного губернатора Сырдарьинской области за 1912 г. Еще в 1908 г. в Петербург сообщалось, что в этой и других областях Туркестана свободных орошенных земель нет[1], а теперь, ничтоже сумняшеся, в отчете указывалось: «Сыр-Дарьинская область была открыта для водворения русских крестьян переселенцев. Площадь земель, запроектированных (слово-то какое?—Ф. И.) к изъятию из киргизского (фактически казахского — Ф. И.) землепользования с присоединением земель, уступленных киргизами по **добровольному** (курсив наш — Ф. И.) соглашению, выразилась по Чимкентскому и Аулие-

[1] ГВИА РФ, ф. 400, Азиатская часть, 1908, д. 150, л. 122.

атинскому уездам в 71509 десятин, из которых удобной земли насчитывается 64762 дес.»[1]. А какой была «добровольность» соглашения, можно судить хотя бы по одному письму местного земледельца. Житель Чимкентского уезда Раимбек Курбанбек жаловался генерал-губернатору: в ноябре 1913 г. в кишлак прибыл чиновник переселенческого управления и объявил, что принадлежащие ему 4 танапа земли отчуждаются и передаются переселенцам. Оценив отнятый участок в 870 рублей, он просит уплатить эту сумму[2].

Царизм потребность увеличения масштабов переселения русских крестьян за пределы собственно российской территории считал столь значительной, что, не ограничиваясь Центральной Азией, Сибирью, Дальним Востоком и Закавказьем, с 1907 г., после полюбовного раздела с Англией сфер влияния в Иране, стал поощрять заселение русскими территории Северного Ирана*. Но вместе с тем, позднее—в 1913 г. царское правительство попыталось приостановить эмиграцию русских в Бразилию. Что же касается Туркестана, то его заселение русскими — не только крестьянами, но теперь и рабочими, для царизма оставалось предпочтительным. Поэтому было расширено заселение и сугубо хлопководческих районов Ферганской, Самаркандской областей, а также были приняты меры по сосредоточению преимущественно русского населения в районах перспективного освоения земель и по более решительному переселению коренного населения, особенно вчерашних кочевников, принужденных к оседлости, на места, неудобные для переселенцев. Дело доходило даже до предложения построить несколько частных бумаго-прядильных фабрик для обеспечения сезонной занятости русских переселенцев в сельской местности, в частности в Голодной Степи. При этом указывалось: «... что касается (ограждения — Ф. И.) русских рабочих от конкуренции рабочих туземцев, то в уставе товарищества (имеется в виду владелец бу-

[1] ГВИА РФ, ф. 400, 1912, д. 126, л. 105.

[2] ЦГА РУз, ф. И—16, оп. 1, д. 578, л. 173.

* Эту тему довольно кратко, но емко осветила А. И. Гинзбург в работе «Русское население в Туркестане»,— С. 76—85— в связи с тем, что вопросами переселения русских в Северный Иран в оперативном плане ведало переселенческое управление Сырдарьинской области.

дущих фабрик — Ф. И.) может быть введен параграф, что в течение десяти лет все работы должны быть заняты русскими элементами[1].

В целях трудоустройства переселяющихся русских рабочих и ранее прибывших, но не получивших земельные наделы переселенцев, промышленники, предприниматели старались на предприятия, особенно оснащенные паровыми машинами, индустриальной технологией, представителей местных национальностей нанимать на выполнение самой неквалифицированной работы. А на железных дорогах не только Туркестана, но и всей Центральной Азии с 1911 г. началась замена местных рабочих русскими переселенцами. Для освобождения рабочих мест русским рабочим из Туркестана в 1910 г. были выведены железнодорожные батальоны. Но начало первой мировой войны вынудило власти края и железнодорожное начальство все-таки нанимать местных рабочих, которые уже к лету 1915 г. составляли более 85 проц.[2] всех ремонтных рабочих Среднеазиатской железной дороги (в ее состав в 1899 г. была включена и Закаспийская военная железная дорога).

Участие России в мировой войне и обострение положения в метрополии вызвали невиданное до этого увеличение потока переселенцев в Центральную Азию, особенно в Туркестанский край. Так, к 1916 г. только в Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областях уже насчитывалось, кроме железнодорожных и рыбацких поселков, 330 русских поселений с 16257 дворами[3]. При этом, если, например, в Ферганской области в 1892—1902 гг. появилось только 7 русских селения, то лишь в одном 1913 г. здесь было создано 28 поселков[4]. Еще более плотно были заселены русскими, украинцами и белорусами Закаспийская и Семиреченская области. В последней численность переселенцев из метрополии, помимо населения 14 казачьих станиц, превышало 116 тыс. человек. А наибольшее количество русских поселений — 263 было в Сыр-

---

[1] ЦГА РУз, ф. 40, оп. 1, д. 206, л. 6.

[2] Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября, С. 70.

[3] ЦГА РУз, ф. И—18. оп. 2, д. 8, л. 144.

[4] ГВИА РФ, ф. 400, Азиатская часть, 1913, д. 54, л. 64.

дарьинской области, где насчитывалось почти 100 тыс. переселенцев[1].

По-своему сложной оказывалась ситуация, когда в Туркестан, в основном в Закаспийскую, Ферганскую области, прибывали беженцы, переселенцы из Восточного Туркестана, Афганистана, Ирана. Например, из Кашгара в Ферганскую область (преимущественно в Джалал-Абад, Ош, Узген, Андижан, Маргилан и близлежащие к ним кишлаки) переселились в 1904 г. — 14556, в 1905 г.—13337, в 1907 г.—25056, в 1909 г.— 12725, в 1911—1912 гг. — 53637 человек[2]. Всего таких переселенцев в этой области появилось около 120 тыс. Но поскольку это были мусульмане, то их устройство колониальные власти — без ущерба для русских переселенцев области — возложили на аксакальства в городских кварталах и на старейшин кишлаков.

Этот период (1910—1916 гг.) переселенческого движения был более хаотичным по уровню его организации, и более грубым, более шовинистическим, чем раньше. Наряду с массовым изгнанием значительной части коренного сельского населения с родных, обжитых мест, изъятием у него произвольно изыскиваемых «излишков» земель для прибывающих все новых и новых, теперь уже не только русских, переселенцев из России, колониальные власти по требованию царизма усилили дискриминацию местного населения в оплате труда, принудительно взимали с коренного населения деньги в счет государственного займа и введенного в конце 1914 г. военного налога, ввели трудовую повинность, использовавшуюся для всевозможной безвозмездной эксплуатации не только взрослых, но и подростков, а также периодически реквизировали у населения (местного) одежду, продовольствие, лошадей и даже юрты. Только на нужды русской армии из Туркестана было вывезено 300 тыс. пудов мяса, 70 тыс. лошадей, почти 13 тыс. верблюдов, 270 повозок и 13441 юрта[3], в том числе лишь в 1914 г. из Семиреченской

---

[1] Гинзбург А. И. Русское население в Туркестане. С. 86.

[2] ЦГА РУз, ф. И—19, оп. 1, д. 9829, л. 8, Юферев В. И. Труд в хлопковых хозяйствах Туркестана (опыт характеристики рабочего вопроса в хлопковых районах Туркестанского края).— СПб., 1914.— С. 22—23.

[3] См.: История Узбекской ССР. В 4-х тт. II.—Ташкент, 1968.— С. 524.

области было вывезено скота и мяса на сумму 34 млн. руб.[1]

В этой связи примечательна следующая довольно беспристрастная оценка положения коренного населения, сделанная одним из правительственных чиновников, побывавшим в Туркестане. Он, в частности, подчеркивал, что у кочевников «отхватывают под посевы крестьян лучшие земли, но через это туземное население все же не погибает окончательно, хотя сильно бедствует»[2].

Понимая, что расширение масштабов переселения бедноты из России и исчезновение даже видимости учета интересов населения местных национальностей Центральной Азии, а также усиление его эксплуатации неизбежно вызовут рост антиколониального, национально-освободительного движения, колониальные власти — с ведома царского правительства — уже в октябре 1914 г. стали создавать из надежных русских сельчан-христиан Туркестана и Степного края вооруженные ополчения для подавления возможных выступлений коренного населения. И действительно, прежде эпизодические волнения, акты протеста после 1910 г. стали наблюдаться все чаще и приобретали все более организованный и решительный характер.

Одной из причин этого, как сообщал Военному губернатору Ферганской области еще в сентябре 1910 г. Андижанский уездный начальник, было «значительное количество безземельных, безлошадных, переселившихся в Туркестан после значительных скитаний по разным губерниям, и превратившихся в люмпенов, не имеющих ничего, но желающих утвердиться. Отношение русского крестьянства к местному населению заставляет желать лучшего. В большинстве случаев на туземца смотрят пренебрежительно и очень часто совершенно без оснований обижают»[3]. И это в далеком от империи Андижане, а что уж говорить о ставших средоточием переселенцев Семиреченской, Сырдарьинской и Закаспийской областях.

Великодержавно-шовинистические принципы дискриминации коренных народов колонии жестко осуществ-

---

[1] См.: История Казахстана. Очерк.— С. 271.

[2] ГВИА РФ. 400. Азиатская часть, 1912 г., д. 107, л. 7.

[3] ГВИА РФ, ф. 400, Азиатская часть, 1913, г., оп. 261, д. 98, л. 86.

лялись не только в переселенческой практике, но и во всех других сферах жизни. Так, возложив на коренное население Туркестана все материальные тяготы по содержанию депортированных в край 200 тыс. пленных солдат и офицеров Австро-Венгрии и Германии (военнопленные-турки были депортированы в Сибирь и на Урал) и 70 тыс. беженцев, в числе которых 43 тыс. детей, из оккупированных кайзеровскими войсками районов России[1], царизм не остановился перед такой дискриминацией, как установление на 1916—1917 гг. в городах края дневной нормы хлеба: 200 гр. на душу европейского населения и почти наполовину меньше на душу коренного населения[2].

Не вдаваясь в характеристику даже крупных антиколониальных выступлений населения местных национальностей Туркестана, напомним лишь, что уже после Ташкентского восстания 1892 г. в крае периодически объявлялись положение чрезвычайной охраны или военное положение. В последний период военно-политического господства Российской империи в Центральной Азии именно в связи с массовым заселением региона, в частности Туркестана, переселенцами из метрополии, произволом со стороны переселенцев и колониальных властей в отношении коренного населения выступления его все больше нарастали по всему краю. Поэтому, стремясь предупредить опасные для колониального режима восстания коренных народов и в целях беспощадного наказания «смутьянов», царизм объявил Туркестанский край с 26 июля 1914 г. на положении чрезвычайной охраны. Это позволяло не только усилить, и без того не сдерживавшийся властями полицейский произвол, но и развернуть кампанию устрашения покоренных, однако, как показал почти 60-летний опыт, до конца не покорившихся народов.

В соответствии с условиями чрезвычайной охраны гражданские лица могли быть преданы военному суду по обвинению в государственной измене, подготов-

---

[1] История Узбекской ССР. Т.—С. 525.

[2] Газета «Знамя свободы». 1917. 3 июня. Схожий по духу подход к проблеме продовольственного обеспечения населения применил и Ленин, когда декретом от 9 декабря 1917 г. указал на обязательность распределения продуктов питания по классовому признаку.

ке бунта, стачки и т. д.[1] Причем, эти условия распространялись не столько на немногочисленных революционеров, сколько на активных борцов против российского колониализма. Не только в Туркестане, но и в других завоеванных Россией районах Центральной Азии с 17 июля 1916 г. было объявлено военное положение.

За весь период военно-политического господства Российской империи в Центральной Азии самым мрачным и трагическим для колониальных народов годом стал 1916 г. Надеясь поправить положение российской армии, терпевшей на российско-германском фронте к этому времени одно поражение за другим, Военное министерство внесло на высочайшее рассмотрение проект Указа об отмене введенного еще в 1874 г. запрета на привлечение «инородцев», каковыми считались в основном мусульмане, к воинской службе и о мобилизации их в армию. Но вместо этой участи узбеков, казахов, кыргызов, каракалпаков, таджиков, туркмен, а также некоторые народы Сибири и Северного Кавказа (чеченцы, ингуши и др.) постигла иная участь. Николай II подписал 25 июня 1916 г. Указ о мобилизации «инородческого» мужского населения Сибири, Кавказа и Туркестана в возрасте от 19 до 43 лет на военно-тыловые работы в прифронтовой зоне.

В соответствии с заданиями Военного министерства, разработанными по этому указу, намечалось мобилизовать всего около 250 тыс. человек, в том числе по областям Туркестана: Сырдарьинской — 87 тыс.; Семиреченской — 60 тыс.; Ферганской — 50 тыс.; Самаркандской—38 тыс.; Закаспийской—15 тыс, человек[2]. В первую очередь предстояло мобилизовать мужчин в возрасте от 19 до 31 года, затем—с 32 до 43 лет[3]. Но определенный властями порядок набора будущих тыловых рабочих освобождал от мобилизации представителей духовенства, местной администрации, феодально-байской знати. Классовый подход проявлялся и в том, что состоятельные люди могли вместо себя нанимать бедняков. Поэтому тяжелее всех других кате-

---

[1] ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 31, д. 998, л. 19.

[2] ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 31, д. 1100, л. 87,90; Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док.— М., 1960,— С. 77.

[3] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане.—С. 96.

горий пришлось неимущим массам многонационального коренного населения. Но даже этим пользовались колониальные чиновники, что вынужден был отметить новый генерал-губернатор А. Н. Куропаткин, отличившийся вместе с К. П. Кауфманом еще при взятии Самарканда. Он подчеркивал, что чиновники допустили «целый ряд возмутительных случаев вымогательства, доходивших до арестов отдельных туземцев, не желавших подносить требуемую сумму, которой можно было бы откупиться от наряда»[1].

Вся природа российского колониализма, суть великодержавно-шовинистического отношения царизма наиболее полно проявились при принятии, осуществлении упомянутого указа Николая II и при подавлении возникших в связи с этим народных восстаний в Туркестане и Степном крае. Правда, указ от 25 июня 1916 г. послужил не столько причиной, сколько поводом, толчком для этих восстаний. Причем, нисколько не преуменьшая ценность дружественных взаимоотношений между местным и пришлым населением Центральной Азии, следует отметить, что ни в областях Туркестана, ни в Степном генерал-губернаторстве российские переселенцы-крестьяне и рабочие, не говоря уж о представителях интеллигенции, выступления коренного населения против колониального гнета не поддержали. Именно поэтому в Степном крае восстание было моно-национальным[2], а в Туркестане в нем участвовали народные массы местных национальностей. Восставших поддерживали патриотически настроенные представители национальной интеллигенции.

Царский указ от 25 июня 1916 г. изначально был неосуществим. Российские верхи и колониальные власти это понимали, но согласиться, смириться с этим не хотели. И потому иначе, как великодержавно-шовинистической местью, нельзя характеризовать жестокие методы подавления восстания народов Центральной Азии, репрессии не только против непосредственных участников восстания, но и всего коренного населения. Последствия этой мести были трагическими для всех народов местных национальностей. Так, помимо многих тысяч убитых, расстрелянных, сосланных на каторги, оказа-

[1] ЦГА РУз. ф. И—1, оп. 31, д. 1100, л. 102.
[2] История Казахстана. Очерк, С. 274.

лись вынужденными бежать в Китай 300 тыс. казахов и кыргызов из Семиреченской области[1]; тысячи и тысячи узбеков, кыргызов, таджиков Ферганской и Самаркандской областей — в Китай, Афганистан, Турцию; почти треть туркменского населения Закаспийской области — в Афганистан, Иран. В то же время только в Туркестан прибыло около 80 тыс. самовольно переселившихся из метрополии.

После падения царизма колониальный режим в Туркестане и Степном крае еще некоторое время сохранялся и бежавшая в 1916 г. часть коренного населения стала возвращаться в родные места. Однако, процесс возвращения многих коренных жителей Центральной Азии прервался в связи с послеоктябрьскими событиями на территории недавней Российской империи, вызвавшими новый отток населения, но теперь уже и русского.

В связи же с переселенческой политикой царизма в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах, осуществлявшейся худшими, чем в других российских колониях, методами, в гораздо больших масштабах и с великорусских позиций, следует заключить, что эта политика, сопровождавшаяся утверждением военно-административного, идеологического господства России, экономической и социальной эксплуатации коренного многонационального населения, наряду со становлением новых для него форм межнациональных отношений, способов производства и т. д., послужила одним из факторов роста национального самосознания народов местных национальностей, укрепления внутренней этнической, психической и социальной общности каждой нации, особенно сохранявшей родо-племенные различия. В конечном счете, переселенческая политика российских властей в Центральной Азии не спровоцировала, а ускорила массовые вооруженные выступления коренного населения в 1916 г., которые по характеру, основным движущим силам и целям поистине стали взаимосвязанными звеньями национально-освободительной борьбы народов против национального и социального гнета. Но, судя по фактам предистории восстания 1916 г., его развития и подавления, нет достаточных оснований считать это восстание, как предлагал А. В. Пястковский,

[1] История Казахстана. Очерк. С. 276.

одним из звеньев революционной борьбы колониальных народов других стран[1]. Вместе с тем, в областях Туркестана, за исключением Семиреченской, вооруженные восстания 1916 г. возглавлялись вожаками-выходцами из народных низов, а многие видные преставители национальной интеллигенции лишь морально симпатизировали борьбе масс или занимали пророссийскую позицию и даже возглавляли порайонные комитеты содействия мобилизации тыловыхрабочих (например, в Ташкенте—Джурабеков, Убайдуллаходжа Асадуллаходжаев, Мунаввар-кары Абдурашидханов, в Коканде—Абиджан Махмудов, в Андижане—Мирали Байбача, в Маргилане—Саид Ахмеджан Гияс Ходжаев, в Самарканде — Шакиров и др.)[1]. Это народное восстание не достигло революционных результатов, но, на наш взгляд, его вполне правомерно характеризовать как пик национально-освободительной борьбы народов края.

Раздел IV. КУЛЬТУРА И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ КОЛОНИАЛЬНОГО ТУРКЕСТАНА

Глава I. ОТНОШЕНИЕ ВЛАСТЕЙ К МУСУЛЬМАНСКОЙ КОНФЕССИИ И ОБЩЕСТВЕННЫМ ТРАДИЦИЯМ НАРОДОВ МЕСТНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Ко времени утверждения колониального господства России в Центральной Азии власти, торгово-промышленные круги и научные общества империи достаточно хорошо знали о стратегически важном расположении, о реальных и потенциальных экономических возможностях, природных богатствах региона, о многовековом историческом прошлом и о трудной действительности его народов. Это отмечал и В. В. Бартольд, отнюдь не осуждавший российский колониализм[2].

И хотя приверженность российских политических и научных кругов евроцентристской теории возникновения и развития общечеловеческой цивилизации, эгорус-

[1] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане.—С. 19.
[2] Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. I.— С. 293.

систской позиции в последовательном, преимущественно силовом расширении и устройстве империи препятствовала объективному признанию и учету богатого культурного и духовного потенциала, синтезированных веками общественных традиций народов новых колоний — Туркестана и Степного края, тем не менее методы колонизации, за исключением казачьей, и военно-административного управления здесь на первых порах существенно отличались от применявшихся после завоевания Поволжья и даже Кавказа. Правда, на Кавказе Россия встретила более длительное и упорное сопротивление, чем в Центральной Азии.

Но в связи с колонизацией последней мы имеем в виду отличия в отношении царизма и колониальной администрации к господствовавшей в регионе религии — исламу, к мусульманским заведениям, духовенству, к исторически сформировавшейся культуре многонационального населения. Конечно, к основной его массе, независимо от религиозной принадлежности, отношение большинства колонизаторов было столь же шовинистическим, несправедливым, как и в Поволжье, и на Кавказе. Известно, например, что спустя даже много десятилетий после завоевания Поволжья на территории бывшего Казанского (Булгарского) ханства не прекращались попытки насаждения православия среди мусульманского населения и «язычников» — мари, чувашей, мордвы и т. д., а в 1738—1755 гг. по воле Казанского епископа Луки были разрушены 418 мечетей[1].

Следует отметить, что отношение имперских и колониальных властей, в частности Туркестана, к культурным, духовным ценностям коренного населения, к его религиозным убеждениям определялось весьма противоречиво и долго. Так, в целом не отступая от великодержавно-шовинистического курса, первый генерал-губернатор Туркестана барон фон Кауфман считал целесообразным проведение политики постепенной нейтрализации влияния высшего и среднего мусульманского духовенства, а также мактабов и медресе на народные массы и одновременно — практики русификации их посредством разнообразных мер, в том числе распространения русской культуры, укрепления позиций православной церкви, организации совместного обучения детей

---

[1] См.: Революционный Восток. 1936. № 1.— С. 157.

местных национальностей и т. д. При этом, явно преувеличивая удельный вес кочевников среди коренного населения и степень их безрелигиозности, Кауфман в 1873 г. писал Военному министру: «Мы должны теперь же, не откладывая до неопределенного будущего, озаботиться распространением среди них (кочевников— *Ф. И.*) русской гражданственности и тем — с одной стороны, выполнить лежащий на нас гуманный долг— ввести кочевников в семью культурных народов, а с другой,— сблизить их с собой и отделить от мусульманского влияния, начинающего уже проникать в среду кочевников»[1]. Последние слова Кауфмана обнаруживают неискренность этого весьма просвещенного сатрапа, ибо он прекрасно знал, что ислам в Центральной Азии, в том числе среди кочевого населения Туркестана, стал единственной религией (даже при сохранении некоторых элементов прежних верований) не в XVI—XVII вв., а еще в VIII веке.

Несколько раньше Кауфмана основные принципы колонизаторской политики в отношении мусульманской конфессии, культуры и образования коренных народов края предлагали известный шовинистически настроенный деятель российского народного образования Н. И. Ильминский—«организатор церковно-православно-монархических школ для подготовки миссионеров-обрусителей народов Поволжья»[2], а также Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский и министр народного просвещения империи Д. А. Толстой.

Ильминский был сторонником не просто противомусульманского курса царизма, но и активного православного миссионерства среди населения местных национальностей[3]. Однако, Кауфман понимал невозможность и крайнюю опасность последнего и потому придерживался охарактеризованной выше позиции, что подтвердил позднее и ученик Ильминского Н. П. Остроумов[4].

---

[1] ЦГА РУз, ф. 47, д. 57. Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края.

[2] См.: Бендриков К. Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане.—С. 83.

[3] Там же.—С. 101.

[4] Остроумов Н. П. К истории народного образования в Туркестанском крае. Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. П. Остроумова (1877—1881 гг.)—Ташкент, 1899.—С. 106—107 (Далее—Остроумов Н. П. Воспоминания...).

И если Д. А. Толстой выступал в качестве ярого поборника русификации коренного населения не только Туркестана, но и всех других колониальных владений России и считал, что «конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества (Туркестан и другие колонии он включает в эти пределы — *Ф. И.*), бесспорно должно быть обрусение их и слияние с русским народом»[1], то Крыжановский прямо-таки пытается запугать власти империи растущим влиянием ислама и, соответственно, усилить их — и без того неблагожелательное — отношение к мусульманской религии и ее приверженцам. В направленной в январе 1867 г. министру внутренних дел России докладной записке «О мерах борьбы с распространением магометанства в восточной половине России» Крыжановский, в частности, писал: «В настоящее время после движения нашего в глубь Средней Азии и приобщения Туркестана к империи, все необозримое пространство от Казани до хребта гор Тянь-Шань представляет непрерывное мусульманское население в несколько десятков миллионов душ. Вид такой сплошной массы людей, исповедующих веру, по основным догматам которой мы, христиане, признаемся естественными и непримиримыми врагами всех правоверных, невольно должен обращать на себя внимание правительства...»[2].

Царизм же, не столько учитывая самые противоречивые, но одинаково великодержавно-шовинистические суждения генералитета, политиков, ученых и руководителей имперских министерств, сколько понимая важность обеспечения полного и долговременного господства Российской империи в Туркестане, наделил его первого генерал-губернатора такими полномочиями, какие не имел ни один из генерал-губернаторов России. И объяснялось это, прежде всего, необходимостью оперативного решения неизбежных и даже ожидаемых проблем взаимоотношений с соседними государствами, обеспечения твердого противостояния экспансии Англии, а также удержания многонационального населе-

---

[1] ЦГА РУз, ф. 47, д. 382, журн. заседания Совета министра народного просвещения.

[2] Труды историко-археографического института. Материалы по истории народов СССР. Татарская АССР. Материалы по истории Татарии второй половины XIX в. Вып. VI. Ч. 1.— М.— Л., 1956.— С. 86.

ния новой колонии в покорности воле царизма и империи. Отсутствие же телеграфной связи, железнодорожного сообщения между метрополией и Туркестаном служило дополнительным аргументом в пользу предоставления фон Кауфману особого военного, политического, дипломатического и государственного статуса.

Не преуменьшая значимость исторического прошлого и богатство духовного потенциала народов других завоеванных Россией территорий, можно утверждать, что при разработке основных подходов в отношении господствующей в Центральной Азии религии — ислама, мусульманских заведений (мактабов, медресе и их вакфов), института казиев, биев и т. д., а также культуры, национальных и межнациональных традиций многонационального населения региона учитывался ряд несомненно существовавших и способных проявиться факторов, которые совершенно игнорировать царизм и колониальные власти не могли.

Они сознавали, что народы, сотворившие два периода Восточного Возрождения — IX—XI вв. и II-я пол. XIV—XV вв., и давшие человечеству, мировой цивилизации многих выдающихся ученых-энциклопедистов, поэтов и поэтесс, государственных деятелей и полководцев, теологов, обогативших свод священных Хадисов и историографию истории ислама, несмотря на заметное ослабление в последние два с лишним столетия традиционной общности (в виду раздробления между, мягко говоря, недружественными государствами Центральной Азии) многонациональное коренное население подчинить имперским интересам, колониальному режиму и, особенно, русификаторской политике будет труднее, чем удалось завоевать этот регион.

Это понимание проявлялось в том, что, в отличие от Поволжья и Кавказа, в Туркестане администрации генерал-губернаторства было предоставлено право самостоятельно регулировать отношения с духовенством, статус мусульманской и других конфессий, но при предпочтении православия, решать вопросы назначения казиев, биев, а также создания, ликвидации вакфов, медресе, мактабов и т. д. Не облагораживая позицию фон Кауфмана, но, объективности ради, стоит отметить, что он был противником христианского миссионерства среди коренного населения, и потому соз-

данная в 1872 г. Туркестанская православная епархия и епископ вплоть до конца 80-х годов находились в г. Верном — центре Семиреченской области, где преобладало русское население.

С первых дней создания еще Туркестанской области, а затем и одноименного генерал-губернаторства колониальным властям довольно легко удавалось подбирать из среды коренного населения людей, способных занять те или иные должности в мусульманских учреждениях или управлять вакфами, склонять массы мусульман в пользу тех или иных решений, исходящих из краевого, областного, уездного русского начальства. Например, перешедшие на сторону властей империи еще в 1870 г. бывшие беки Китаба Джурабек и Шахрисабза Бабабек, активно содействовали властям во всех начинаниях и удостоились первый звания генерал-майора, а второй — полковника русской армии. Забегая вперед, отметим, что сын Джурабека в 1916 г. сопровождал эшелоны с тыловыми рабочими из Туркестана в западные прифронтовые районы и был лично Николаем II (в его Ставке на российско-германском фронте) награжден орденом Святой Анны II-й степени.

Более всех пророссийски настроенных представителей туркестанской знати с властями, лично с Черняевым, Романовским, Кауфманом сотрудничали уже упоминавшийся нами Саидазимбай Мухаммедбаев, его сыновья Саидгани, Саидкарим и зять Ариф-ходжа, а также бывший казы-калон Ташкента Хаким-ходжа, его сын, ставший позже просто казием Мухитдин-ходжа и ряд других[1]. Немало доброжелателей колониализма среди представителей местных национальностей находилось и на местах.

При всем своем показном либерализме по отношению к мусульманской религии и ее туркестанским заведениям, духовенству Кауфман хорошо понимал роль ислама и духовенства в жизни коренного населения. Поэтому при формировании военно-административной системы управления, официально именовавшегося «военно-народным», он прежде всего ликвидировал должности казы-калана и шайх-уль-ислама в ряде крупных городов. Так, первыми были ликвидированы должности казы-калона и шайх-уль-ислама в Ташкенте, за-

[1] См.: Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. I.—С. 361.

тем в Самарканде. А в 1876 г., после ликвидации Кокандского ханства, с ведома Кауфмана кокандские казы-калон и шайх-уль-ислам за недостаточно почтительное отношение к генералу Скобелеву были сосланы в Вологодскую губернию[1]. Вместе с тем, желая сочетать практику игнорирования мусульманского духовенства с мерами по возбуждению у него симпатии к новой власти, Кауфман добился освобождения мусульманской конфессии Туркестана от управления со стороны Оренбургского муфтия, находившегося в Уфе. Правда, Оренбургский муфтий (фактически Уфимский) был заинтересован в сохранении в своем ведении духовенства богатого Туркестана, где мусульман было больше, чем в Оренбургском генерал-губернаторстве. Учитывая же позицию местного высшего духовенства и знати, а также руководствуясь колониалистскими целями подчинения духовенства края своей политике, администрация фон Кауфмана в 1878 г. запретила далекому муфтию вмешиваться в жизнь мусульман Туркестана, когда тот пытался получить данные о численности и составе духовенства в Семиреченской области[2]. Но выборы своего муфтия духовенство края отныне могло осуществлять только по предварительному согласованию кандидатуры с администрацией генерал-губернатора.

Следует подчеркнуть, что первый генерал-губернатор Туркестана отчетливо представлял себе роль мусульманской религии и духовенства в обществе и понимал, с чего нужно начинать политику ослабления этой роли. Еще в одном из первых докладов в качестве правителя края царю Александру II он отмечал: «Хотя во главе этих государств (имеются в виду государства Центральной Азии — *Ф. И.*) стояли эмиры и ханы, в делах управления государства представители исламской религии играют ведущую роль. В науке и просвещении основная позиция в руках представителей ислама»[3]. Император в целом одобрил предложенные Кауфманом подходы в отношении господствующей в крае конфессии[4].

При Кауфмане, которого среди коренного населе-

---

[1] См.: Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. I.— С. 361.
[2] ЦГА РУ з, ф. И—I, оп. II, д. 1726, л. 17.
[3] Там же, ф. 361, оп. I, д. 2366, л. 25.
[4] ЦГА РУз, ф. И—I, оп. II, д. 1724, л. 69.

ния называли «полуцарем», колониальные власти последовательно и решительно стали проводить меры по подрыву экономической основы существования духовенства и системы подготовки мусульманских священнослужителей и кадров местной многонациональной интеллигенции. Такой основой, как известно, служили прежде всего вакфы. Подношения же, плата, вносимая учащимися мактабов, медресе, хотя и имели существенное значение, тем не менее без доходов с вакфов функционировать они не могли. К тому же наличие достаточной собственности, особенно земель, было свидетельством признания места и роли мусульманского духовенства, мечетей, медресе и мактабов в жизни государства и его населения, а также олицетворяло собой относительную материальную самостоятельность мусульманской конфессии.

Царизм и власти края довольно верно рассчитывали, что, ослабив источники материального поддержания священнослужителей, мечетей, мактабов и медресе, они добьются сохранения пополнения рядов интеллигенции коренного населения и уменьшения влияния мусульманского духовенства на его умонастроения и психологию. А это должно было способствовать и намерениям властей заменить традиционные институты и формы общественного управления на местах, прежде всего, среди населения, сохранившего родоплеменные связи и соответствующую внутреннюю социальную организацию, новой системой «военно-народного» управления. И, надо сказать, что власти — при активном содействии пророссийски настроенной части верхушки имущих слоев населения, отдельных представителей духовенства и родо-племенной знати — многого добились в этом плане.

На протяжении более тысячелетия мусульманская религия в Центральной Азии была государственной во всех существовавших здесь ханствах. Естественно, одно это предопределяло довольно высокое положение духовенства и мусульманских учреждений. Мусульманские священнослужители, мечети, наставники, занятые в мактабах, медресе, правителями обеспечивались, вознаграждались земельными наделами, слугами, работниками, мечетям, медресе и другим заведениям выделялись земельные угодия, сады, водные источники, разнообразное недвижимое имущество (база-

ры, бани и т. д.), а также книги, драгоценности, скот. Все это со временем составило частновладельческую собственность, именуемую вакфом. Принадлежность такого рода собственности стала оформляться вакфными грамотами. Объем вакфов в Центральной Азии, особенно Туркестане, значительно возросший во времена Амира Темура, периодически увеличивался за счет благотворительных акций и пожертвований со стороны ханов, беков, представителей высшего духовенства, феодальной, родо-племенной аристократии.

Данных об общей стоимости вакфных владений по Туркестану сер. XIX в. нет, но о том, что она была довольно значительной, свидетельствует многое: и количество собственников вакфов, медресе, мечетей, мактабов, мазаров (кладбищ, гробниц, мавзолеев), и получаемые ими доходы. Например, крупные медресе (150 и более учащихся) ежегодно имели с принадлежащих им вакфов в среднем до 40 тыс. таньга; средние (от 50 до 150 учащихся) — от 12 тыс. до 35 тыс.[1]; малые (15—20 учащихся) — около 5 тыс. таньга[2].

На первых порах колонизации Туркестана на его территории очень крупными вакфами владели, например, медресе Улугбека, Шердор и Тиллякоры в Самарканде; Офтабачи — в Андижане, Баракхана — в Ташкенте; Магруфхантуры в Намангане, ряд медресе Ходжента, Коканда и других городов края. Только медресе Шердор и Тилля-коры принадлежали более 11 тыс. танапов земли в разных районах Зарафшанского округа, восемь торговых рядов в Самарканде. Только эти вакфы приносили медресе доходы в сумме 38 тыс. таньга или 7600 руб[3].

Наличие вакфов позволяло не только обеспечивать жизнь мечетей, медресе, мактабов и духовенства, но имело и большое социальное значение, поскольку давало работу и, соответственно, средства существования десяткам тысяч верующих. Учитывая это обстоятельство и утвердившееся в сознании миллионов мусульман убеждение в том, что, по Шариату, создание вакфных владений, направление поступающих от них доходов на строительство мактабов, медресе, обучение подрастающих

---

[1] См.: Остроумов Н. П. Исламоведение. Введение в курс исламоведения. — Ташкент, 1914. — С. 168.

[2] ЦГА РУз, ф. И—I, оп. 18, д. 29, л. 37.

[3] Там же, оп. 12, д. I, л. 23.

поколений, благоустройство мазаров, оказание помощи сиротам и инвалидам — это богоугодное дело, колониальные власти на первых порах вакфную собственность не трогали. Но, желая продемонстрировать свою заботу об основной массе коренного населения, власти уже в 1868 г. поземельную подать с одной третьей части дохода снизили до одной пятой его части. Но уже в середине 70-х годов в связи с увеличением масштабов заселения края переселенцами из метрополии эта подать была заменена поземельным налогом, а другие налоги, сборы с коренного населения стали повышаться.

В 1873 г. был разработан проект Положения об управлении Туркестанским краем, который предусматривал переоформление права на собственность при наличии вакфных грамот, других документов, подтверждающих эти права, оставление в собственности медресе, мактабов, мечетей и лиц-индивидуальных владельцев вакфов только той части земель, других видов имущества, которые ими непосредственно использовались, а остальные земли подлежали переводу в государственную собственность, но с закреплением их за теми, кто их обрабатывает. При этом имелось в виду, что прежние владельцы вакфов должны получить некоторую компенсацию — «вознаграждение» за понесенные потери.

Впоследствии же утвержденное Александром III «Положение...» от 1886 г. еще больше ограничило права владельцев вакфов на приносимые ими доходы. А обязательство правительства (фактически его функции выполняла администрация генерал-губернатора) передавать определенную вакфными грамотами часть поступивших по сборам средств мечетям, медресе, мактабам практически было предано забвению. Правда, уже в конце XIX—нач. XX вв. колониальные власти выделяли некоторые средства на археологические изыскания и на сохранение ряда наиболее значимых исторических архитектурных памятников на территории края.

Но этому предшествовала заранее рассчитанная кампания властей по переоформлению вакфных грамот и по конфискации части вакфных земель в пользу государственной собственности и по обложению по-

земельным налогом населенных вакфных земель. Только в результате переоформления права на владение вакфной собственностью власти признали почти 80 проц. грамот недействительными по причине отсутствия на них печатей хана или эмира.

Да и в отношении вполне обоснованных вакфными грамотами владений колониальные власти учиняли прямо—таки произвол. Например, в феврале 1901 г. Самаркандское уездное правление, вопреки даже позиции земельно-налоговой инспекции, представившей документы на право медресе Шердор и Тилля-кори владеть издавна принадлежащей ии вакфной собственностью, эти документы были признаны недействительными, поскольку вакфные грамоты были обновлены в 1812 г. и скреплены печатью Бухарского эмира, а подлинников первоначальных грамот не оказалось, и, следовательно, доходы с вакфов этих медресе присвоены администрацией уезда[2]. Лишение многих мусульманских заведений давних и постоянных источников доходов, естественно, вело к сокращению их сети и масштабов подготовки священнослужителей, а также пополнения рядов интеллигенции местных национальностей.

Серьезным ударом по благотворительности коренного населения, в том числе в пользу мечетей, мазаров, мактабов и медресе, явилась замена в 1874 г. традиционного для сотен тысяч ремесленников и торговцев налога, называвшегося закятом, промысловым сбором. Население проявляло очень сильное недовольство, поскольку многие ремесленники и торговцы, относящиеся даже к среднему сословию, из-за высокого промыслового сбора лишились возможности заниматься своим делом и вносить пожертвования мусульманским заведениям. И хотя введение промыслового сбора уже в 1875 г. привело к уменьшению денежных поступлений более чем наполовину (54 проц.) по сравнению с суммой закята, собранной в 1874 г., промысловый сбор сохранился до конца колониального периода.

Колониальные власти Туркестана с ведома царизма заметно усилили антиисламскую практику и при-

[1] ЦГА РУз, ф. 23, оп. I, д. 458—а, л. 45.
[2] Там же, ф. И—I, оп. 12, д. I, л. 287—289.

теснения духовенства, мусульманских учреждений. Это проявилось во многом. Дело доходило до того, что почти каждое антиколониальное выступление коренного населения они пытались представить как следствие происков мулл, ишанов, в общем мусульманского духовенства. Так, даже Ташкентское восстание 1892 г., не говоря уже об Андижанском восстании 1898 г., приписывалось, якобы, антихристианской, антирусской деятельности духовенства. В частности, власти утверждали, что население старогородской части Ташкента в 1892 г. восстало под руководством двух ишанов (но на суде это не было доказано). Это социально-политическое по характеру восстание колониальные чиновники и ученые явно упрощенно называли холерным бунтом, пытаясь тем самым в качестве его основной причины представить эпидемию холеры. Именно в таком плане характеризовал Ташкентское восстание 1892 г. М. А. Терентьев[1]. Но автор указав, что в дни восстания русские молодые мужчины, облачившись в офицерские мундиры, под предлогом «контроля за чистотой» вместе с полицейскими входили в дома жителей местных национальностей, «неверно» обращались с девушками, молодыми женщинами— на глазах их родителей[2]; невольно показал один из многих эпизодов не просто шовинистического, но и хамского отношения колониальных властей и части русского населения к коренному населению.

И сколько бы в годы колониального господства России в Центральной Азии официальные лица и отдельные представители российской интеллигенции ни говорили о цивилизаторской роли империи, одно уже то, что, соединив антисемитизм и шовинизм, власти метрополии (по «Положению...» 1886 г.) подчеркнули равноправие местных (бухарских) евреев с мусульманами, но в то же время нередко высылали бухарских евреев из Ташкента и других городов Сырдарьинской области и даже создали черту еврейской оседлости в Туркестане, в которой Ташкент не значился[3]. Все это, несомненно, должно было свидетельствовать, что господствующая в крае мусульманская конфессия столь

---

[1] Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 3.— СПб., 1906. — С. 370—371.

[2] Там же. — С. 371.

[3] См.: Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. I.— С. 375.

же принижена, как и иудазм бухарского толка, а коренное население лишь в гражданском плане удостоен снисхождения царизма. Ведь широко были известны узаконенные оскорбительные ограничения прав евреев, иудаизма в самой России, в частности в вопросах приобретения ими недвижимости, поступления в казенные учебные заведения и т. д.

На фоне такого отношения царизма и колониальных властей к мусульманской конфессии — религии, исповедуемой подавляющим большинством населения местных национальностей Туркестана, да и всей Центральной Азии, по-особому осознается, что исламское вероучение, мусульманские институты были не просто составной частью их бытия и психологии, но и определяющими настолько, что даже 50-летняя практика подрыва, сокрушения не увенчалась успехом. Заметим, что не до конца, но в гораздо большей мере, причем в борьбе против всех конфессий, это удалось партийно-государственной машине советского периода.

Объективности ради, стоит отметить, что десятилетия пребывания Туркестана в колониальном состоянии для мусульманской конфессии и для миллионов мусульман стали также периодом жестоких испытаний, периодом очищения и религиозной жизни от всего наносного, архаичного, от таких «приверженцев» ислама, которые во имя собственного благополучия были готовы восхвалять гонителей веры, эксплуататоров миллионов верующих.

Вместе с тем, колониальные условия заставили значительную часть консервативно мыслящего мусульманского духовенства осознать необходимость модернизации всего дела пропаганды и утверждения основных установлений Корана и положений Хадисов, совершенствования практики применения Шариата и Адата, а также постановки обучения и воспитания подрастающих поколений мусульманского населения в семье, в мактабах, медресе и т. д.

Это было важно, прежде всего для того, чтобы народы Центральной Азии, в том числе Туркестана, чье участие в мировом цивилизационном процессе в XVII—XVIII вв. из-за общего ухудшения политической и социально-экономической обстановки в регионе заметно ослабло, опираясь на свои хозяйственные возможности и духовную основу, активизировали свой созида-

тельный потенциал. Это было важно и потому, что при всем своем общественном значении издавна существующая, в основном в рамках мусульманской конфессии, система обучения и воспитания детей и молодежи, особенно в сельских местностях, в сер. XIX в. нуждалась в переменах, что первыми осознали и приняли осуществлять многие прогрессивно мыслящие представители местных наций. Именно этим же, как известно, мотивировали свое вмешательство в конфессиональную систему образования населения края и колониальные власти, хотя подлинные их цели были иными.

В этой связи следует подчеркнуть, что, опираясь на пророссийски настроенных «доброхотов» из среды духовенства, торгово-промышленных кругов, сельских баев в первые же десятилетия колонизации Центральной Азии, в частности, более развитого в экономическом и культурном отношениях Туркестана, колониальные власти почти полностью ликвидировали территориальные, хозяйственные, этно-культурные факторы, предопределявшие не только специфику расселения населения коренных национальностей, хозяйственной деятельности населения различных регионов, но и прежде всего языковую, духовную общность каждой нации, жузов, родов и их всестороннее сотрудничество.

Так, посредством административно-территориального размежевания, осуществленного в Центральной Азии, нации и без того разделенные между ханствами, но сохранявшие традиционные формы общности, теперь, оказавшись в составе Западно-Сибирского, Оренбургского, Степного, Туркестанского генерал-губернаторств, отчасти, даже Кавказского наместничества, а также сохранившимся ханств, лишились многих связующих факторов, традиционных стимулов этнической (для каждой нации), хозяйственной, духовной общности, укрепления, расширения родственных связей. Более всех разделенными оказались казахи, узбеки, туркмены. Понятно, что это никаких позитивных последствий иметь не могло. Но для царизма подобное административно-территориальное разобщение каждой нации и всего многонационального коренного населения огромного региона явилось результатом

осуществления классического колониалистского принципа «Разделяй и властвуй!».

Это, как показал последующий опыт жизни части казахов, каракалпаков, туркмен, чьи территории были включены в состав Оренбургского, Западно-Сибирского генерал-губернаторств и Закаспийской области, подчиненной вплоть до конца 90-х годов Кавказскому наместничеству, они сравнительно интенсивнее и довольно открыто подвергались русификации, особенно в сфере народного образования, а также мерам царизма по ослаблению их приверженности национальным общественным, семейно-бытовым традициям и мусульманскому вероучению.

Не меньшее значение для властей метрополии и колоний имело и то, что административно-территориальное разделение населения коренных национальностей Центральной Азии, особенно Туркестана, препятствовало не только организованному, но даже стихийному общенациональному единовременному выступлению народных масс. А разрозненные, спонтанные восстания подавлять было легче. К тому же начатые Кауфманом и практиковавшиеся вплоть до 1917 г. меры по изменению традиционных систем социально-политического управления, существовавших в казахских жузах, кыргызских и туркменских родах, среди узбеков и таджиков (исключение составило население Памира), увенчались полной их заменой угодными колониализму структурами. Это способствовало обеспечению управления и контроля сельских общин и городских кварталов коренного населения посредством представителей самих общин и городского населения, но не избранных ими или выдвинувшихся, как было прежде в родо-племенных объединениях и в кишлаках, городских кварталах, а назначенных колониальной администрацией. Таким образом представители местных национальностей, занявшие низшие должности, служили самыми непосредственными проводниками колониальной политики.

Словом, отношение значительной части русских колониальных чиновников к коренному населению, к его нравственным, моральным ценностям и исповедуемой им вере было далеко не цивилизованным. А в сочетании с социальным гнетом это делало жизнь народов, которые располагали огромным материальным и духовным потенциалом и сознавали его наличие, свои

возможности, крайне тяжелой, особенно для сельского населения местных национальностей.

Свидетельств тому, к сожалению, очень много. Вот, например, признание начальника Андижанского уезда (от 7 сентября 1910 г.): «... в глазах русского крестьянина безнаказанное отношение власти к местным жителям делает возможным и такое их (крестьян—*Ф. И.*) отношение. Пристав может самостоятельно и безнаказанно карать, чего не имеет права делать в отношении русского крестьянина, и крестьяне многие считают себя привилегированными, а потому отношение крестьян к коренным народам соответственное»[1].

Быть униженным на своей родной земле?! Может ли быть горше обида? Но, как известно, даже эпизодические проявления протеста, недовольства коренного населения жестоко подавлялись. Сила брала верх. К тому же у России была Сибирь, способная вместить сколько угодно патриотов, недовольных участью своего народа, своего Отечества. Колониальные власти Туркестана, как и Степного края, российское господство утверждали и всякими другими мерами.

Глава II. КОЛОНИАЛИСТСКАЯ ПРАКТИКА И КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ТУРКЕСТАНА

Одним из важных направлений постепенной нейтрализации антиколониального противодействия коренного населения, принуждения его к согласию с новыми условиями жизни, фактически под гнетом российских и местных эксплуататоров, колониальные власти вполне обоснованно считали установление административного и идеологического контроля над всей структурой исторически сложившейся на территории новых колоний системы и содержанием образования и воспитанием подрастающих поколений. С точки зрения колонизаторов такая нацеленность отнюдь не была прожектерской или чрезмерной. Ведь настоящее и будущее каждой нации, общества, государства во многом зависят от уровня, характера образования и воспитания молодежи.

Для царизма же было очевидно, что от успеха преоб-

---

[1] ГВИА РФ, ф. 400, Азиатская часть, оп. 261, д. 98, л. 86.

разования или хотя бы некоторого реформирования в нужном плане очень давней и довольно разветвленной системы народного образования в Туркестане зависит вся политика его колонизации и эксплуатации в интересах Российской империи. К тому же еще до завоевания Туркестана российским властям было известно, что сложившиеся в лоне мусульманской религии учебные заведения, в частности медресе Бухары, Коканда, Хивы, Ташкента, Ходжента, Самарканда, Туркестана (Ясса) и некоторых других городов на протяжении многих столетий играли большую роль не только в укреплении позиций ислама, но и в жизни государств, мусульманских народов Центральной Азии.

Хотя мактабы, медресе не были светскими заведениями, они давали достаточно обширные знания, соответствующие потребностям общества и времени. И потому совершенно неслучайно то, что почти все центральноазиатские основоположники целых направлений в мировой, общечеловеческой цивилизации (Аль-Фараби, Ибн Сина, Беруни, Аль-Хорезми, Аль-Фергани, Улугбек и др.), выдающиеся мыслители и творцы духовности (Джами, Навои, Бабур, Мунис, Бехзод, Абай (Ибрагим) Кунанбаев, Б. Майлин, Молланепес, Кемине, Ахмад Дониш, Токтогул, Бердах), создатели крупных централизованных государств, правители ханств, многие поколения интеллигенции коренных народов учились в медресе Центральной Азии.

Конечно, к сер. XIX в. в силу объективных и субъективных причин роль медресе заметно ослабла, но они оставались высшим типом учебных заведений во всем регионе. При всех изъянах в методике и содержании обучения в мактабах они обеспечивали азбучную грамотность значительной части населения. Поскольку подавляющее большинство населения было занято сельским хозяйством, кочевым скотоводством, ремесленным производством и торговлей, то азбучная грамотность требовалась в основном для чтения Корана, Хадисов, других религиозных книг. Умение же писать было необходимо сравнительно небольшой части населения.

Известно, что в одном из номеров дореволюционного журнала «Вестник воспитания» утверждалось: «Для достижения сплошной грамотности в Туркестанском крае потребуется 4600 лет». В советские же годы расхожей была фраза о том, что до Октября 1917 г. гра-

мотные среди коренного населения Туркестана составляли лишь 2 проц. Коль так, то где же те несомненно позитивные последствия становления в колониальный период светских школ для детей коренного населения края? А дело в том, что ни при переписи 1897 г., ни в последующие годы умение читать (при неумении писать) даже в качестве азбучной грамотности не учитывалось. Забегая вперед, отметим, что вышеупомянутые оценки уровня грамотности коренного населения представляются несостоятельными, в частности при сопоставлении некоторых данных, относящихся к 1917 и к 1926 г. Так, узбекистанский историк — специалист по источниковедению П. Г. Ким на основе сопоставления общей численности населения, количества школ всех типов и учащихся в них, а также удельного веса школьников в общей по России и Туркестану численности населения сделал вывод о том, что грамотность населения России до октября 1917 г. составляла 21 проц., а Туркестана—19,55 проц.[1]. Мы склонны считать эти показатели достоверными. Но они характеризуют уровень грамотности всего многонационального населения этих регионов. По нашим же подсчетам, среди коренного населения (казахи, каракалпаки, кыргызы, таджики, туркмены, узбеки) доля грамотных (включая азбучно грамотных) составляла в 1917 г. 15—16 проц. При этом удельный вес грамотных среди сельского населения местных национальностей Туркестана был почти на 3 пункта выше соответствующего показателя по России[2]. Это преобладание можно отнести на счет мактабов, атынхана (женских небольших школ), карыхона, далаилхана, которые были почти в каждом кишлаке, ауле, аиле Туркестана и давали азбучную грамотность.

Заодно отметим, что если в колониальный период власти намеренно представляли низкими и уровень грамотности, и состояние системы образования коренного населения с тем, чтобы преувеличить значимость осуществляемых реформ в сфере народного образования, то путаницу, допущенную, например, в ходе Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г., понять почти невозможно, хотя эгоруссистский подход очевиден. По

---

[1] Ким П. Г. Вымысел и истина. Газета «Узбекистон адабиёти ва санъати». 1989. 20 октября.

[2] Исхаков Ф. Прошлое глазами историка.—Ташкент, 1990.— С. 37.

этим данным выходит, что в 1926 г. при общем уровне грамотности населения СССР, составлявшем 39,6 проц.[1], у русских он превышал 45 проц., а у монголов он составлял 38,8 проц. (хотя, несомненно, что у бурят и монголов такого уровня в то время быть не могло); у узбеков—3,8 проц., а у самоедов и цыган, ко времени переписи вообще не имевших письменности—соответственно 3,0 и 8,3 проц.[2], у выходцев же из Китая—кашгарцев, таранчи, уйгуров—6.6 проц., дунган—8,6 проц.

В сводке переписи, наряду со среднеазиатскими (бухарскими — Ф. И.), приводятся данные об уровне грамотности народности под названием «бухарцы», которая, по сводке, якобы, имела среди населения Узбекистана самую высокую грамотность—26,1 проц.[3] Если под «бухарцами» имелось в виду таджикоязычное население—в отличие от упоминаемых в сводке таджиков-ягнобцев, то и тогда этот показатель—26,1 проц. нельзя признать достоверным, ибо все коренные нации и ряд народностей в смысле получения образования находились примерно в одинаковых условиях. Правда, во многих районах Узбекистана, а также в Южном Казахстане, на юге Кыргызстана, Ходжентском уезде, Мургабской долине и в отдельных местностях Семиречья сеть традиционных мактабов и медресе издавна была более широкой, чем в других частях Туркестана.

Несомненно, что в советский период до упоминаемой переписи, в условиях активного вооруженного противодействия (несуразно названного басмачеством) не только коренного, но и части неместного населения вульгарно-социальным преобразованиям большевиков, система народного образования в Центральной Азии пришла в упадок. Доказательств тому много и они широко известны. Поэтому оснований считать, что в этот период уровень грамотности населения, в частности коренного, в Туркестане возрос, просто нет.

Явно завышенные показатели уровня грамотности неместного населения и заниженные—по коренному населению, вероятно, были необходимы для того, чтобы, во-первых, отметить, якобы, характерную для коренного

---

[1] Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года. Краткие сводки. Выпуск VII. Возраст и грамотность населения СССР.—М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928.—С. 86.

[2] Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года.—С. 88.

[3] Там же.—С. 28.

населения региона 1917 г. низкую грамотность; во-вторых, подчеркнуть самый высокий среди населения уровень грамотности русских и, таким образом, их цивилизаторскую роль; в-третьих, иметь в будущем возможность указать на рост грамотности всего населения, особенно, коренного. Такая возможность и была использована при подведении итогов Всесоюзных переписей 1937 г. (признана недействительной), 1939- го, 1959-го, 1970-го, 1979-го и 1989-го годов, хотя и без преувеличения прогресс, правда, не без издержек, в народном образовании населения местных национальностей был, несомненно, значительным. Зачем же нужно было представлять положение так, что у узбеков, казахов, каракалпаков, кыргызов, таджиков и туркмен уровень грамотности прежде, якобы, был ниже, чем даже у вовсе неимевших письменности самоедов и цыган?!

Поскольку сфера народного образования в Туркестане, как и в любом исторически развитом регионе, являлась одной из самых важных и давних, а намерения колониальных властей по-своему реформировать ее и, прежде всего, вывести из-под влияния мусульманской конфессии, оставив ей только некоторое количество медресе, были столь серьезны, что и в Ташкенте, и в Петербурге не сразу определились в подходах к достижению желаемых целей в этой сфере.

Понимая сложность предстоящей в этой области политики, генерал-губернатор Кауфман, который в крае пытался все делать основательно, не полагаясь на уже прибывших в Туркестан русских специалистов и чиновников от просвещения, на протяжении ряда лет уделял много внимания созданию школ различных типов для детей русских переселенцев и ознакомлению с местной системой народного образования в крае. Созданная Кауфманом Особая комиссия для устройства народного образования с самого начала своей деятельности считала, что его развитие должно идти в «направлении русских интересов».

Но еще до этого, в 1867 г. Кауфман в докладе императору выдвинул ряд предложений, которые были одобрены. В результате, позже правительством метрополии были приняты решения:

— об упразднении должности главного попечителя, контролировавшего деятельность попечителей медресе,

что облегчало отчуждение вакфов медресе в пользу метрополии (колониальной администрации);

— о запрещении принимать на государственную службу лиц, окончивших медресе. В этом проявилось стремление царизма не допускать грамотных представителей местных национальностей в колониальные органы власти и управления. Следовательно, ни в одном из звеньев администрации (от городской, уездной до краевой) не было чиновника, способного хотя бы возражать против великодержавно-шовинистического курса в отношении религии подавляющего большинства коренного населения и его традиционных учебных заведений;

— в целях ограничения сферы приложения знаний и труда выпускников медресе и функций медресе как учебного заведения высшего типа был сокращен перечень изучаемых светских предметов, что сводило их к статусу сугубо духовного учебного заведения. А значит, эта мера устраняла или существенно сокращала пополнение многонациональной интеллигенции не только Туркестана, но и всей Центральной Азии[1].

В последующем упомянутая последней мера время от времени смягчалась, предавалась забвению и снова восстанавливалась .Другие меры осуществлялись довольно жестко. В сочетании с акциями по отчуждению (фактически — экспроприации) принадлежащих медресе и части духовенства вакфов, обложение населенных вакфных земель налогами, по созданию — при активном содействии пророссийски настроенных представителей местной торгово-промышленной буржуазии — русско-туземных школ, других учебных заведений для детей коренного населения эти и другие меры царизма и колониальных властей действительно способствовали сокращению количества мактабов, медресе и обучающихся в них.

Во всей этой практике, как и следует из великодержавно-шовинистических установок царизма, преобладали, прежде всего, русификаторские подходы. Так, уже упоминавшаяся Особая комиссия, созданная Кауфманом, в разработанном ею проекте отразила дух положения о том, что «конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества (Рос-

[1] ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 11, д. 1724, л. 69.

сийской империи—*Ф. И.*), бесспорно, должно быть **обрусение их и слияние с русским народом** (выделено нами—*Ф. И.*)»[1].

Более того, в представленном правительству в 1873 г. «Плане устройства учебной части и народного образования в Туркестанском крае», наряду с целями русификации народного образования, ставится задача—лишить мусульманскую конфессию традиционных мактабов, без которых позиции ислама в регионе должны были постепенно ослабевать. В этом «Плане...», в частности указывалось: «Развитие народного образования в крае должно состояться в направлении русских интересов, которые заключаются в развитии экономической стороны населения, его гражданственности и солидарности, его слиянии с основами кусской государственной жизни. Но при этом религиозные убеждения инородцев должны остаться вне всякого прямого посягательства со стороны школы (имеется в виду нерусская школа—*Ф. И.*),—она отнюдь не должна иметь конфессионального направления»[2]. Не ограничиваясь этим, Кауфман, уже практически начавший осуществление своей идеи о совместном обучении детей местных национальностей и русских детей, добивался официального одобрения и распространения своей инициативы. Кауфман подчеркивал, что «совместное обучение, влияя на сглажение различий в основных понятиях детей инородческого населения, представляет существенные выгоды в деле ассимилирования завоеванного края»[3].

Иных суждений на этот счет и быть не могло, так как по-настоящему знающие просвещенческое дело специалисты в разработке упомянутого проекта «Плана ...» не участвовали. Этот проект, конечно, дорабатывался и Кауфманом, но в основном он был составлен еще в 1871 г. Особой комиссией, в которую входили: делопроизводитель особого отделения канцелярии генерал-губернатора М. Бродовский (по специальности—агроном), чиновник особых поручений при генерал-губернаторе А. Кун (ориенталист), до этого уже поработавший в Самарканде М. Терентьев — ротмистр (впо-

---

[1] ЦГА РУз, ф. 47, д. 382. Журн. заседания Совета Министра народного просвещения.—С. 14.
[2] Там же, ф. И—1, д. 1, 1875, л. 6.
[3] ЦГА РУз, ф. И—1, д. 1, 1875, л. 3.

следствии видный деятель колониальных властей, автор многих интересных работ по истории Туркестана колониального периода).

Уже одно то, что сей проект, посвященный вопросам постановки народного образования не столько для русских детей, сколько для детей и части взрослых многонационального коренного населения, был представлен в 1873 г. Военному министру, а не министру просвещения, свидетельствовало не о соблюдении административной субординации, а о том, что и с военно-политической точки зрения для метрополии было важно, в каком нааправлении будет действовать система образования коренного населения новой колонии, каким будет ее содержание.

Проект «Плана...» подвергся некоторой корректировке и был утвержден Александром II 17 мая (по ст. стилю) 1875 г., то есть почти через 8 лет после образования Туркестанского генерал-губернаторства и через 2 года после представления имперским властям. Тогда же все мактабы коренного населения были подчинены надзору русских инспекторов, но официально такой надзор был введен через 10 лет[1]. Но еще до этого в Туркестане колонизаторы добились многого в деформации традиционной системы образования коренного населения и постепенном ее подчинении интересам царизма, а также в создании сети русских школ, гимназий и т. д. Например, по мере завоевания все новых территорий, составивших затем Туркестанскую область (1865 г.), а потом и одноименное генерал-губернаторство, по оренбургскому опыту здесь создавались школы (русско-казахские) с интернатами для детей — казахов (русские дети были приходящими). Первые две такие школы были организованы в 1863 г. в Перовске и в Казалинске. Но пансионы этих школ, предназначенные для казахских мальчиков, оставались не заполненными.

А после образования Туркестанского генерал-губернаторства первая русская школа для детей местных национальностей была открыта в 1870 г. в Самарканде, как отмечал уже упоминавшийся А. Л. Кун, «для удовлетворения желания туземцев округа и г. Самарканда обучать своих детей русскому языку»[2]. В том, что часть

---

[1] Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. 1.—С. 299 (примечание 4).
[2] Там же.

русских школ действительно создавалась по желанию многих представителей местной знати, пророссийски настроенных купцов, промышленников и даже отдельных мусульманских священнослужителей, конечно же, проявлялась, с одной стороны, их соглашательская позиция в отношении колонизации края, а с другой,—их стремление обеспечить своим детям административную карьеру, успех в сотрудничестве с новыми властями посредством приобщения к русскому языку, русской культуре и политике.

Более того, среди высших и средних слоев населения местных национальностей Центральной Азии, в том числе Туркестана, оказалось немало людей, не только благосклонно воспринявших колонизацию, но и содействовавших осуществлению как реформирования традиционных мактабов, так и русификаторской политике вообще. Наиболее инициативными из них в 70—80-х гг. XIX в. были крупный ташкентский купец Саидазимбай Мухаммедбаев, его сыновья Саидгани, Саидкарим, кази сибзарской части Ташкента Мухитдин-ходжа, муфтий в Чимкенте, затем кази Коканда Саттархан Абдулгаффарханов, самаркандский купец Мирза Абдулла и ряд других.

Так, Саидазимбай, еще прежде овладевший русским языком во время учебы в Нижнем Новгороде, в 1866 г. построивший большую мечеть в Ташкенте в честь спасения царя при покушении 4 апреля того же года и удостоенный в 1867 г. звания потомственного почетного гражданина, в марте 1871 г. обратился к Кауфману с предложением открыть мактаб нового типа, в программе которой должны стоять на первом месте изучение русской грамоты и применение ее к письму и чтению книг, писанных на узбекском языке, но русскими буквами. Саидазимбай подчеркивал: «Постоянное столкновение с русскими как здесь в крае, так и на ярмарках в России, при особенной нашей способности к усвоению языков, всегда дает нам некоторые знания того языка, на котором говорят с нами наши законы и наши власти. Но знания эти столь же быстро пропадают и во всяком случае — ограничены. Только грамота может упрочить его у нас»[1]. В заключение своего обращения он заверяет генерал-губернатора: «Со своей стороны я

[1] ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 19, д. 3, л. 7—8.

верю в полезность этого дела и прошу, если соображения мои будут признаны правильными, принять от меня посильную жертву и обоих сыновей моих на воспитание. Я желаю сделать из них не ишанов, я приучил их к мысли, что жизнь их должна быть обречена на службу царю нашему и царству его»[1].

Хотя барон фон Кауфман и наложил на тексте обращения Саидазимбая резолюцию—«Саид-Азим, можно сказать, угадал мою мысль, и потому благодарю его за этот почин»[2], предложения узбекского русофила были только учтены, но не реализованы.

Между тем, имперское Министерство просвещения, возглавляемое графом Д. А. Толстым, и военно-административное руководство Туркестана при деятельной помощи Н. И. Ильминского, не дожидаясь Закона от 17 мая 1875 г., в целом определили не только общие подходы к созданию новой системы народного образования, отвечающей интересам русского населения края и колониалистским целям, но и методы постепенного вывода школ коренного населения из-под влияния мусульманской конфессии, русификации методики и содержания обучения и воспитания в них, а также придания программам обучения в медресе больше светского характера. В свете опыта национальной политики царизма в Туркестане и во всей Центральной Азии среди этих подходов отметим следующие:

— во-первых, формирование сети школ, гимназий, училищ для детей русских переселенцев — по возможности с раздельным обучением мальчиков и девочек;

— во-вторых, учреждение школ для совместного обучения и воспитания русских детей и детей местных национальностей;

— в-третьих, игнорирование традиционных мусульманских мактабов и самой мусульманской конфессии, что, как считал Кауфман, приведет к тому, такая «школа исчезнет сама собою»[3]

—в-четвертых, внедрение в программы мактабов и медресе не только русского языка, истории России, но и приемов формирования у учащихся и учителей, мударрисов верноподданнических чувств и уважения к

---

[1] ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 9, д. 3, л. 8.

[2] Там же, оп. 19. д. 3. л. 7.

[3] См.: Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. Ш.—С. 27.

царю и членам царствующего дома, в частности посредством чтения «Молитвы за царя»— на родных языках учащихся местных национальностей. В то же время Н. И. Ильминский, находясь в Казани, консультировавший Министерство просвещения и генерал-губернаторов по вопросам постановки образования среди мусульманского населения метрополии и колоний, в письме от 29 сентября 1877 г. своему бывшему ученику Казанской духовной семинарии Н. П. Остроумову, ставшему одним из руководителей системы народного образования в Туркестане, рекомендовал не вводить в программу медресе светские, научные предметы и не реформировать эти заведения, поскольку научное образование будет способствовать росту национального самосознания народов коренных национальностей и усилению их антиколониальной борьбы;

— в-пятых, привлечение детей из бедняцких семей коренного населения в создаваемые властями учебные заведения, в том числе с интернатами, путем выплаты родителям соответствующего вознаграждения. Пример в этом деле первым подал К. Кауфман, который, как отмечал Н. П. Остроумов, в 1868 г. привлек первого мусульманского мальчика в русскую школу, за плату его родителям 10 руб. в месяц. А в 1879 г. в Чимкенте в русской школе учились две узбечки, получавшие по 4 руб. в месяц[1];

— в-шестых, подготовка в Учительской семинарии и другими способами учителей из среды представителей местных национальностей для светских школ, созданных и создаваемых колониальными властями для детей коренного населения. Однако даже в этом плане великодержавно-шовинистические предубеждения имперских властей в отношении нерусских народов оказались столь сильными, что мешали понять целесообразность (с позиции метрополии) подготовки учительских кадров под надзором колониальной администрации. Например, в 1873 г., когда в различных министерствах рассматривался проект «Плана устройства учебной части и народного образования в Туркестанском крае», министр финансов Рейтерн, возражая против выделения государственных средств на содержа-

[1] См.: Бендриков К. Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане.—С. 176.

ние учительской семинарии, предложил не только по этой семинарии, но и все расходы по народному образованию, следовательно, и русского населения Туркестана осуществлять за счет ... вакфных доходов мусульманских учебных заведений колонии. Кауфман к этому времени успел достаточно хорошо изучить край, да и оказался он умнее Рейтерна, поэтому, опровергая позицию последнего, в заявлении Военному министру вполне обоснованно указал, что еще большее ущемление мусульманских учебных заведений может возбудить волнение среди местного населения. Кроме того, эти школы построены на началах, враждебных русской государственности и основаны на частные капиталы. Следовательно, «всякая регламентация этих школ со стороны правительства была бы принята, как посягательство на чужую неприкосновенную собственность»[1], — подчеркивал Кауфман, под руководством которого в 1867—1882 г. и были проведены все основные меры по экспроприации значительной части «неприкосновенной собственности» коренного населения, в том числе и вакфов;

— в-седьмых, наряду с русификацией народного образования коренного населения, осуществление мер против влияния татар в этой системе, особенно среди казахского населения[2], а также, как указывалось в проекте «Плана...», «ввиду существующих коренных различий в нравственной и общественной жизни киргизов и сартов*» создание для детей кочевого и полу-

---

[1] ЦГА РУз, Ф. И.—I, д. I, 1873, д. 5.

[2] В этой связи граф Д. А. Толстой докладывал в 1879 г. Александру II: «Оберегая киргизов (казахов—*Ф. И.*) от отатаривания, нужно одновременно подумать об их образовании. Народ этот способный, смышленый, трудолюбивый и вполне склонный к просвещению ... русских вовсе не чуждаются, как татары, напротив того, ищут русской образованности». На наш взгляд, граф явно преувеличил на счет отчужденности татар от русских, господствовавших в бывшем Казанском ханстве уже больше двух веков.

* Киргизами прежде называли казахов и кыргызов, затем казахов продолжали называть киргизами, а кыргызов — каракиргизами. Но вплоть до 1920 г. казахов, кыргызов обобщенно называли киргизами. Сартами до нач. XX в. называли узбеков, хотя слово «сарт» еще в средние века означало- «купец», «торговец», которыми в регионе были в основном узбеки. Вообще же этнонимы «узбеки», «казахи», «каракалпаки» (их раньше на Руси называли черноклобушниками), «кыргызы», «таджики», «туркмены» сложились и существуют с конца XVI—нач. XVII в.

кочевого населения более доступных школ по сравнению с теми, что создавались в городах. А Кауфман увязал это и с вопросами письменности, перевода языка обучения казахов с татарского на их родной язык и борьбы против влияния ислама. Он подчеркивал (по случаю открытия Туркестанской учительской семинарии): «Признавая необходимость в политических интересах нашего господства в Средней Азии вызвать кочевое население к самостоятельной жизни и возможному ассимилированию (курсив в наш—*Ф. И.*) с Россией, я считаю безусловно нужным содействовать освобождению киргиз от мусульманского влияния, к чему немало способствовало бы введение между киргизами русского народного образования посредством школ, в которых обучение киргизских детей русской грамоте должно вестись с помощью их родного языка»[1].

Конечно, при всей последовательности политики возглавляемых Кауфманом властей Туркестана по подчинению материальных, духовных богатств, трудовых ресурсов края интересам России, практически довольно часто допускались отступления от провозглашенных форм и методов его колонизации, в частности в сфере образования коренного населения. Но от принципов отходов не было.

Так, в ходе поездки по Семиреченской области в конце 70-х годов Кауфман обнаружил существенные расхождения между политическими установками и реальной постановкой школьного дела. Военному губернатору Семиречья Колпаковскому он указывал: «Судя по школам, осмотренным мною в Семиреченской области, дети православного вероисповедания обучаются не в одних школах с детьми мусульман. Такое направление народного образования совершенно неверно. Не религиозные различия должны быть в основании воспитания русских православных или русских (подданных—*Ф. И.*) мусульман, а одни и те же правила, способные сделать тех и других одинаково полезными гражданами России. На этом основании искусственное разделение училищ Семиреченской области на христианские и мусульманские должно быть постепенно

[1] Остроумов Н. П. Воспоминания...—С. 66.

уничтожено вашим влиянием на мусульманское население»[1].

Как видно, Кауфман по-своему демонстрировал и приверженность провозглашенному им же принципу игнорирования мусульманской конфессии и ее учебных заведений, в частности, школ (мактабов). Иной реакции и быть не могло, поскольку ему были известны и многие другие недостатки в созданной под его руководством колониалистской системе народного образования. Во многих городах и селениях Туркестана создание школ, особенно школ совместного обучения русских детей и детей местных национальностей оказывалось самоцелью, носило сугубо формальный характер. Например, из-за отсутствия подготовленных педагогов во многих смешанных школах заведующими и учителями были люди, не имеющие к учительскому делу прямого отношения. Так, смешанной школой в г. Катта-Кургане заведовал православный священник, а помощником его был рядовой русский солдат. За семь лет в эту школу были вовлечены только два узбека, а детей других местных национальностей и вовсе не было. Даже в Ташкенте русскую школу вплоть до нач. 80-х годов ежегодно посещали не более 3 учащихся—узбеков[2].

Серьезную озабоченность у колониальных властей вызывало нежелание значительной части русских переселенцев, особенно казаков Семиречья, посылать своих детей, более всего девочек, в школы. Дело в том, что получение русским населением колонии школьного образования представлялось властям как важное условие всестороннего и полного господства этого населения в Туркестане. По сравнению, например, со Степным краем, где 9/10 коренного населения составляли кочевники и полукочевники, в Туркестане проблема охвата детей переселенцев из метрополии имела больше политическое, чем любое иное значение. Тем более, что в борьбе против влияния ислама и традиционной системы народного образования коренного населения за 10 с лишним лет колониальные власти заметных успехов не достигли.

---

[1] ЦГА РУз, ф. 47, д. 132, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края, л. 162.

[2] Там же, д. 18, Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края, л. 4.

Поэтому, несмотря на то, что сеть школ и школьное образование русских детей, за исключением казаков, которым военный губернатор Семиречья Колпаковский был вынужден в 1877 г. приказать, что «все дети казаков до 17-летнего возраста обязательно должны посещать школы»[1], были в крае поставлены гораздо лучше, чем во многих центральных губерниях метрополии, в конце 70-х годов фон Кауфман поручил военным губернаторам областей образовать в каждом уезде комиссии для рассмотрения вопроса обеспечения школьного образования детей русских переселенцев. При этом генерал-губернатор с присущей ему жесткостью указал на необходимость принятия мер для того, «чтобы от обязательного обучения никто не уклонялся». Это, по мнению властей, тоже должно было укрепить положение русского населения.

В дополнение к созданному в 1876 г. Управлению учебными заведениями и подчиненным ему трем районным инспекторам (1-й район: Семиреченская область и отторгнутый от Восточного Туркестана Кульджинский район; 2-й район: Сырдарьинская область, включая Амударьинский Отдел, но исключая Ходжентский уезд; 3-й район; Ферганская область, Зарафшанский округ и Ходжентский уезд) в 1882 г. при главном инспекторе училищ Туркестана была образована комиссия, призванная осуществлять повседневное руководство делом всеобщего обучения русского населения и вовлечением в русские учебные заведения детей местных национальностей.[2]. Но, видимо, по причине стойкого нежелания довольно большой части русского населения, особенно сельского, посылать не только девочек, а и мальчиков в школы, а также из-за дублирования работы Управления и районных инспекторов упомянутая комиссия уже вскоре перестала существовать, так и не успев что-либо сделать.

С точки зрения колониальных властей считалось, что политика в отношении мусульманской конфессии и практика, якобы, последовательного игнорирования ее учебных заведений — при высоких темпах расши-

---

[1] Журнал Министерства народного просвещения (далее ЖМНП).—СПб., 1879, VII.

[2] См.: Бендриков К. Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане.—С. 113.

рения сети русских и совместных учебных заведений— в целом осуществляются успешно.

Именно так оценивал в 1881 г., незадолго до своей смерти, положение дел в этой сфере барон фон Кауфман в отчете только что коронованному царю Александру III. В отчете, охватывавшем период с 7 ноября 1867 г. по 25 марта 1881 г., Кауфман, не поддерживавший ни правительственный закон от 1875 г. о подчинении всех религиозных школ Туркестана учебному ведомству края, ни инструкцию Министерства просвещения от 1879 г. для инспекторов народных училищ, предписывавшую необходимость обязательности инспекции школ коренного населения, но посредством весьма значительного налогообложения вакфов, их «хитроумной» перерегистрации, отчуждения большой части вакфных земель и т. д., добившийся серьезного ослабления материально-финансовой базы мактабов и медресе, вновь охарактеризовал свою позицию.

Считая, что постепенное сокращение и ликвидация сети традиционных мактабов, наряду с увеличением численности детей местных национальностей в русских, совместных и национальных светских учебных заведениях, лишит или, во всяком случае, заметно уменьшит источники пополнения слушателей медресе, Кауфман, конечно же, преувеличивал конфессиональное предназначение медресе. Так, хорошо зная о переменах в их программе обучения и воспитания, в частности, о большом удельном весе светских предметов, изучаемых в медресе, он тем не менее подчеркивал: «Помимо важной политической роли в качестве учреждений, охраняющих силу и привилегию мусульманской духовной аристократии, медресе и поныне играют другую не менее важную роль как центры и рассадники мусульманской пропаганды... Таким путем медресе являются до сих пор деятельными семинариями, снабжающими все мусульманское, в том числе киргизское (казахское и кыргызское—*Ф. И.*), население имамами, учителями, законоведами, имеющими неоспоримо важное влияние на дух и на нрав народа»[1].

Разумеется, нельзя не признать вполне обоснован-

[1] Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства 7. XI. 1867—25 III. 1881 (Сост. П. И. Хомутов).—СПб., 1885. С. 432, 437—438.

ными выводы Кауфмана о влиянии священнослужителей, учителей мактабов и мударрисов медресе на сознание, умонастроения и поведение коренного населения, подавляющее большинство которого составляли мусульмане. Вместе с тем, ко времени написания «Отчета...» Кауфман и его ближайшие чиновники хорошо знали, что медресе Туркестана, существующие в основном на доходы от вакфных владений, на средства, поступающие от слушателей и лишь отчасти — на пожертвования от крупных купцов, землевладельцев и видных представителей высшего духовенства, являются центрами подготовки пополнения узбекской, казахской, каракалпакской, кыргызской, таджикской, туркменской, уйгурской, дунганской интеллигенции. Ведь почти все представители местной интеллигенции и даже те, кто занимал пророссийскую позицию и сотрудничал с колониальными властями, тоже прошли через медресе.

После смерти фон Кауфмана (май 1882 г.) краевую администрацию и Туркестанский Военный округ возглавил один из активнейших и наиболее жестоких завоевателей большей части региона генерал М. Г. Черняев. Будучи ярым шовинистом, он тем не менее еще в 1864—1866 гг. сблизился с рядом представителей узбекской, казахской и кыргызской знати, бывал в домах местных богачей, научился пить кумыс, есть конину. Вернувшись через 16 лет в Ташкент, но теперь уже главой колонии, Черняев принялся отменять многие, казавшиеся ему либеральными, решения, установки всего именитого предшественника, в том числе относившиеся к сфере народного образования коренного населения. При этом для того, чтобы демонстрировать «открытость» политики и практики колониальных властей, с 1883 г. в Ташкенте стали издаваться — под редакторством ученика и помощника Н. И. Ильминского по Казанской духовной академии, активного проводника имперской политики в колонии Н. П. Остроумова — на узбекском языке — языке самого многочисленного народа края — «Приложения». Они издавались в 1883—1889 гг. тиражом всего лишь 500 экз., а с 1890 г.—615 экз.

С 1885 г. материалы узбекских «Приложений» публиковались и в переводе на русский язык. А в 1887 г. Министерство внутренних дел империи разрешило вы-

пуск туркестанской «туземной» газеты как «самостоятельного органа» на узбекском и русском языках. На ее страницах, как и в «Приложениях», довольно часто публиковались пророссийского духа стихи узбекского поэта Фурката, позднее привлеченного Военным министерством России к выполнению секретных заданий в Турции, Индии и Китае (Восточный Туркестан). Эта газета, не выражавшая интересы населения местных национальностей, но служившая пропагандистом колониальной администрации, заметной роли в жизни народов края не играла. Газете также не удалось хоть как-то оправдать русификацию народного образования.

Безрезультатными оказались и попытки генерал-губернатора Черняева разработать более рациональную (с великодержавно-шовинистической позиции) политику в отношении мусульманской конфессии и ее учреждений, учебных заведений. Так, созданная по его поручению комиссия из представителей колониальной администрации, высшего мусульманского духовенства, верхов буржуазии местных национальностей представила в нач. 1884 г. (примерно за месяц до снятия Черняева с поста генерал-губернатора) свои предложения по новой реорганизации суда казиев и биев (у кочевого населения), по увеличению количества светских предметов в учебных программах мактабов и медресе, а также по совершенствованию форм и методов обучения и воспитания в них, по упорядочению учета и отчетности по вакфной собственности, по образованию духовного управления (муфтията) мусульман Туркестана. Было вынесено и предложение об учреждении медресе нового типа, учебная программа которого включала бы русский язык, географию, историю, естествознание и некоторые другие предметы, курс которых определен в российской трактовке.

К этому времени, например, по инициативе ряда влиятельных представителей местной интеллигенции края в отдельных медресе Ташкента, Коканда, Ходжента, Чимкента, Пишпека было введено преподавание русского языка, а в Степном крае русский язык уже несколько лет изучался во всех медресе[1]. Что касается преподавания светских предметов, то следует подчеркнуть, что, в отличие от православных и вооб-

[1] ЦГА РУз. ф. И—I, оп. 18, д. 24, л. 3—5.

ще христианских семинарий, в мусульманских медресе математика, популярная химия («Ким-е-и-саодати») («Химия счастья»), написанная Аль-Газали — крупным ученым и одним из основоположников суфизма), география (преимущественно отвечавшая потребностям торговых связей со странами Азии и Европы, а также развития отношений с другими мусульманскими странами и отражавшая известные открытия мореплавателей, естествоиспытателей и т. д.), а также логика, риторика и другие предметы преподавались на протяжении многих столетий. Так что и мировоззрение, и психический склад грамотной части населения коренных национальностей края формировались на основе не только мусульманского вероучения и исторически сложившихся национальных традиций, но и многообразных светских знаний.

За полтора года пребывания Черняева на посту генерал-губернатора Туркестана в сфере народного образования коренного населения существенных перемен не произошло, но в то же время колониальной администрации удалось заметно расширить масштабы заселения края, особенно Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской областей, переселенцами из метрополии — русскими и, отчасти, немцами.

Новый генерал-губернатор Туркестана Н. О. Розенбах, назначенный в мае 1884 г., прежде всего стал предпринимать попытки по усилению классовых подходов к организации образования детей русских переселенцев, суть которых заключалась в том, что детям «простолюдинов» достаточно низшего образования, а потому прием их в гимназии, прогимназии, другие учебные заведения более высоких ступеней воспрещался. Но при этом от казаков и других переселенцев из метрополии по-прежнему требовалось обязательное обучение детей в школах низшей ступени. Была изменена и программа обучения, в соответствии с которой например, в городских русских школах усиливалась профессиональная ориентация и увеличивалось количество недельных уроков по русскому языку (28 часов), арифметике и элементарной геометрии (22 часа), Закону Божьему (19 часов)[1].

Во многом новые, более шовинистические установ-

[1] ЦГА РУз, ф. 47, оп. 3, д. 235, л. 11—12.

ки были выдвинуты возглавляемой Розенбахом колониальной администрацией в отношении образования детей местных национальностей. Это предопределялось усилением реакционности в государственной политике Александра III, стимулировавшей и без того великодержавно-шовинистическую позицию обер-прокурора Священного Синода Победоносцева, бывшего министра просвещения, а теперь министра внутренних дел Д. Толстого, министра просвещения Делянова, крайне нетерпимо относившегося к учебе детей русских бедняков после школ низшей ступени. Наряду с мерами по «улучшению» состава учащихся русских школ, гимназий, училищ, по привлечению не только детей, но и имущих представителей коренного населения к изучению русского языка и т. д., генерал Розенбах осуществил некоторые преобразования в деле подготовки учительских кадров для русских и совместных школ, а также в самой системе народного образования.

Так, в связи с тем, что Семиреченская область, где было большинство школ русского населения и где проживала преобладающая часть казахов, в 1882 г. была передана в состав Степного генерал-губернаторства (центр — г. Семипалатинск), по распоряжению Розенбаха в Ташкентской учительской семинарии вместо казахского языка было введено преподавание узбекского и таджикского (персидского) языков. Предлагал он и преподавание арабского языка, но этому помешал казанский теоретик и практик просвещения Ильминский. По рекомендации последнего министр просвещения Делянов возражал против замены в Ташкентской учительской семинарии казахского языка узбекским. Стоит упомянуть, что предусматривавшееся еще в сер. 70-х годов создание учительской семинарии в г. Верном все-таки не было осуществлено. И это обстоятельство, и то, что на территории Самаркандской, Сырдарьинской (включая Амударьинский Отдел) областей проживали десятки тысяч казахов, должно было побудить власти к сохранению казахского языка при введении узбекского и таджикского языков в программу семинарии. Однако стремление осложнить развитие образования коренного населения и отношения между народами местных национальностей явно превалировало в политике царизма и колониальных вла-

стей. Об этом свидетельствовало и отношение министра Делянова к вопросу замены в учительской семинарии казахского языка узбекским. «Казахи,— писал Делянов,— менее фанатичны и более сочувствуют русскому образованию. Кроме того, такая замена может неблагоприятно повлиять на морально-политическое настроение казахского народа: внушить казахскому юношеству неправильное представление о превосходстве узбекского языка перед казахским и, следовательно, может служить нравственному подчинению казахского народа узбекскому»[1].

Злонамеренность, равно как и беспочвенность приведенного суждения очевидны, ибо язык каждой нации — это исторически сложившаяся главная ее ценность; без своего языка нации нет и быть не может. В отличие от условий, в которых оказались, например, казахи в Оренбургском и Западно-Сибирском генерал-губернаторствах, где они подвергались гораздо большему отчуждению от многих национальных ценностей, в том числе от языка, от некоторых хозяйственных, общественных традиций и семейно-бытовых обычаев, в Степном и Туркестанском краях казахи, кыргызы, как и таджики, туркмены, в этническом плане давлению со стороны более многочисленных узбеков не подвергались. Хотя, объективности ради, следует отметить, что вплоть до 60-х годов XIX в. все народы местных национальностей Центральной Азии несли немало потерь (людских, хозяйственных, культурных) из-за феодальных междоусобиц, особенно из-за частых войн между ханствами.

Вместе с тем, несомненно, что влияние узбекского и таджикского населения, в частности, Ташкентского и Зарафшанского оазисов, на закрепление оседлости части казахского населения, на развитие его земледельческого хозяйства и культурной жизни было значительным. То же можно сказать и о влиянии узбекского и таджикского населения на кыргызов Ферганской долины. Но, если не считать обучение казахских и кыргызских юношей в медресе на арабском, узбекском и таджикском языках, целенаправленной ассимиляторской практики в отношении казахов или кыргызов в

[1] Цит. по: Бендриков К. Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане. — С. 151.

Туркестане со стороны интеллигенции, населения других местных национальностей региона вплоть до 1917 г. не было.

Генералу Розенбаху, несмотря на возражения Ильминского и Делянова, удалось уже в 1884 г. исключить казахский язык из программы учительской семинарии и ввести преподавание узбекского и таджикского языков. Кроме того, из мактабов, медресе и совместных школ Туркестана стали изгоняться учителя-татары, которых власти считали неугодными с точки зрения колониалистской политики. Таким образом, русские и совместные школы не только Туркестана, но и Степного края были на длительное время лишены пополнения подготовленными учителями для детей — казахов. Наряду с этим, следует отметить, что колониальные власти сильно преувеличивали роль Ташкентской учительской семинарии в подготовке учительских кадров местных национальностей. Дело в том, что в соответствии с определенной еще Кауфманом квотой среди учащихся учительской семинарии представители местных национальностей должны были составлять одну треть, но в период с 1879 по 1904 год в семинарию поступили всего 415 человек, в том числе 384 (83,9 проц.) русских, 54 (13 проц.) казаха и кыргыза, 9 (2,2 проц.) узбеков, 1 туркмен. А среди 254 выпускников семинарии за это время было всего 30 (11,4 проц.) представителей многонационального коренного населения[1].

По-настоящему же серьезным средством русификаторской и антимусульманской практики колониальных властей в сфере образования коренного населения Туркестана 80—90-х годов, задействованным при Розенбахе, стали так называемые русско-туземные школы. Правда, замысел совместного школьного обучения детей русских переселенцев и местных национальностей Центральной Азии принадлежал первому генерал-губернатору края фон Кауфману. Он рассматривал это дело с позиций русификации коренного населения, воспитания его молодых поколений в духе преклонения перед всем российским, а также как одно из

[1] Отчет Туркестанской учительской семинарии за 25 лет ее существования (30 августа 1879 г.—30 августа 1904 г.), составил Н. П. Остроумов. — Ташкент, 1904. — С. 133.

важнейших средств ослабления влияния ислама и мусульманских учебных заведений. Именно поэтому при Кауфмане и по его инициативе, как уже отмечалось, было запрещено принимать на государственную службу выпускников медресе, стали осуществляться даже меры материального поощрения представителей коренного населения, отдающих своих детей в русскую школу, и по созданию бесплатных интернатов для детей кочевого населения, а также при поддержке пророссийски настроенных местных богачей была сокращена программа преподавания светских предметов в медресе[1].

Вместе с тем, следуя рекомендации известного русского востоковеда В. В. Григорьева, деятельного сторонника русификаторской политики царизма, колониальные власти навязали всем крупным медресе преподавание русского языка. И поскольку, как считал В. Григорьев, «преподаватели медресе русского языка не знают, а христианам преподавать в магометанских училищах «неприлично»[2], были приняты меры с тем, чтобы принудить учителей — мусульман и мударрисов к самостоятельному овладению русским языком.

Вопрос же создания в Туркестане сети русско-туземных школ в начале 80-х годов стал особенно актуальным и неотложным для колониальных властей главным образом потому, что попытки лишить традиционные мактабы материальной базы, привлечь возможно больше детей местных национальностей в русские школы и т. д. заметных успехов не принесли, особенно в районах проживания оседлого населения. Так, сменивший в 1882 г. бывшего выпускника восточного факультета Петербургского университета Л. А. Кувна, новый главный инспектор училищ Туркестана (фактически колониальный министр просвещения) врач А. И. Забелин в Циркуляре «Учителям городских и приходских училищ, заведующему общей ученической квартирой при Ташкентской мужской гимназии и помощнику его, а также надзирателям за интернатами при городских училищах Туркестанского края» был вынужден констатировать: «Наша русская школа

---

[1] ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 11, д. 1724, л. 69.

[2] Записки ординарного профессора С.-Петербургского университета В. В. Григорьева. В кн.: «Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев».—СПб., 1869.—С. 205.

здесь, несмотря на 18-летнее существование, не успела (вернее было бы сказать «не смогла»— *Ф. И.*) поселить среди туземцев должного уважения к себе. Туземные мальчики большею частью выходят из наших школ, не заканчивая учебного курса, с крайне плохим знанием русской речи и грамоты, а взрослые, особенно наиболее фанатичные, опасаются русской школы; наиболее же умеренные не видят от нее никакой жизненной пользы».

А на самом деле неприятие русских школ населением местных национальностей Туркестана, да и Степного края, объяснялось рядом весьма серьезных, исторически обусловленных причин. Народы Центральной Азии, в основном сформировавшиеся как нации по крайней мере за два-два с половиной столетия до завоевания региона Россией, невозможно было русифицировать, отчуждать от всего того, что теперь, в конце XX в., называется менталитетом. Попытки применить по отношению к ним те же методы, какие применялись к народностям Сибири и Дальнего Востока, были обречены. В советский период эта практика, к сожалению, была более успешной.

Только великодержавно-шовинистической натурой колониальных вельмож и чиновников помельче можно объяснить, например, надежды фон Кауфмана, который делал упор на создание русских школ для детей кочевого населения — казахов, кыргызов и, отчасти, туркмен, полагая, что они «обрусеют в русских школах и примкнут к русской гражданственности, после чего узкое и одностороннее мусульманство не будет уже в состоянии оказывать на них влияния, не соответствующего идеям и принципам европейской цивилизации»[1]. А Россия соответствовала «идеям и принципам европейской цивилизации»? И почему европейская цивилизация должна была служить образцом для восточных народов с многовековой историей? Ведь известно также, что ни восточная, ни европейская, ни африканская, ни представлящая собой их синтез американская цивилизация уже задолго до рассматриваемого периода не существовала и не развивалась самостоятельно, без взаимовлияния и взаимообогащения.

---

[1] Цит. по: Бендриков К. Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане.— С. 171.

Возвращаясь же к причинам, предопределившим безуспешность привлечения детей местных национальностей Туркестана в русские школы в период до 1884 г., стоит отметить также, что чиновники, ответственные за это, и некоторые исследователи объясняли причины по-разному. Например, инспектор народных училищ края Н. К. Смирнов, ревизовавший училища Сыр-Дарьинской области, в числе причин провала русификаторской школьной политики среди населения местных национальностей указывал следующие:

— неприятие коренным населением русских городских школ из-за отсутствия в их программе мусульманской грамоты (то есть арабской), ввиду преподавания на непонятном для детей русском языке и незнания учителями родного языка учащихся;

— преподавание православного закона божьего русским детям в присутствии детей мусульманского населения.

В целом местное население считало, что русские школы не отвечают ни его национальным интересам, ни реальным условиям его повседневной жизни (составление различных официальных документов, торговых записей, писем на родных языках — узбекском, казахском, каракалпакском, кыргызском, таджикском, туркменском, но арабскими буквами). Это, на наш взгляд, совершенно верно отмечал уже в советское время исследователь истории народного образования колониального Туркестана К. Е. Бендриков. Он писал, что «основная причина отрицательного отношения народов Туркестана к русским школам заключалась ... в колониальном гнете царизма, в преследовании школ на родном языке, в том, что русской школой распоряжались, бездушные чиновники, в дискриминации этими чиновниками национальной культуры коренных народов...»[1].

Что же касается русско-туземных школ в Туркестане, то следует подчеркнуть, что попытки их создания посредством соединения элементов русской школы и традиционных мусульманских мактабов предпринимались и до прихода генерал-губернатора Розенбаха, то есть до февраля 1884 г. Так, еще в 1870 г. как одно из средств сближения колониальных властей и коренного населения

---

[1] Бендриков К. А. Очерки по истории народного образования в Туркестане.—С, 180—181.

начальником Зарафшанского округа Абрамовым была создана школа подобного типа[1]. В 1878 г. в этой школе среди учеников было 14 узбеков, таджиков и 20 бухарских евреев. Но, как отмечал директор Туркестанской учительской семинирании Н. Остроумов, побывавший в Самаркандской школе, занятые в ней русские учителя не имели педагогического образования, занятия проводились плохо, ученики не обеспечены никакими учебниками и пособиями. Более благоприятное впечатление у него осталось после ознакомления в 1879 г. со школой, созданной видным представителем узбекской интеллигенции, бывшим муфтием, будущим казием в Коканде Саттарханом Абдулгафархановым в Чимкенте в 1874 г. Это была смешанная школа — с русским, узбекским классами. «Особенность училища,— писал Н. Остроумов,— представляют ученики-инородцы, которые слушают преподавание училищных предметов совместно с русскими учениками и оказывают, сравнительно, удовлетворительные успехи во всех предметах курса. Во время уроков по закону божию, преподаваемому православным ученикам, инородческие ученики под руководством заведующего училищем занимаются отдельно русским языком; занятия эти идут правильно и успешно. При занятиях с инородцами практикуется транскрипция, причем преподающий пользуется русским алфавитом без малейшего изменения его начертаний, и попытка эта вполне удается»[2].

Как видно, обновление школьного образования в крае все-таки не было свободно от курса на усиление русификации, дискриминации мусульманской конфессии при одновременной демонстрации привилегированной позиции православия в учебно-воспитательной работе. И хотя Розенбах в письме имперскому министру просвещения в 1884 г. писал, что «мусульманский фанатизм, о котором прежде так много говорилось и писалось, по отношению к туземцам наших среднеазиатских владений должен быть признан достоянием личностей, правда, многих, но никак не массы»[3], тем не менее антимусульманские, русификаторские подходы преобладали и при создании школ нового типа, называвшихся

[1] Остроумов Н. П. Воспоминания...— С. 21.
[2] ЖМНП. 1879. VII.
[3] ЦГА РУз, ф. 47, л. 12 Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края).

русско-туземными, но больше являвшихся русскими школами для детей местных национальностей.

В отличие от созданной генералом Абрамовым самаркандской школы и от упомянутой Чимкентской школы с классами для детей местных национальностей, в школах, организуемых генерал-губернатором Розенбахом, допускалось преподавание мусульманского вероучения, для чего ученики (по национальной принадлежности) делились на два класса. В одном классе, считавшимся основным, где занятия велись для изучения русского языка, преподавался и закон божий, а в другом, считавшемся добавочным, изучались арабская грамота и мусульманское вероучение. После этих занятий ученики составляли один класс, где различные предметы преподавались только на русском языке.

Инициативу создания школ такого типа проявили в сентябре 1884 г. пророссийски настроенные представители национальной интеллигенции Ташкента, поощрявшиеся градоначальником Путинцевым и Военным губернатором Сыр-Дарьинской области Гродековым (будущим генерал-губернатором Туркестана). В рапорте на имя Розенбаха Гродеков писал, что несмотря на разнообразные меры и приемы, детей коренного населения к овладению русской грамотой привлечь в желаемых масштабах не удается, целесообразно открыть в старогородской части Ташкента школы с обязательным изучением русской и туземной грамоты. «В азиатской части города,— отмечал Гродеков,— открыта амбулатория (для туземных женщин и детей); она хорошо работает, потому что находится среди туземного населения; если мы откроем русскую школу для коренного населения в азиатской части города, то и школа будет иметь такой же успех, и вопрос **русификации** (выделено нами—*Ф. И.*) узбеков будет решен»[1].

Открытие такой школы, размещенной в доме крупного купца Саидгани Азимбаева (сына Саидазимбая Мухаммедбаева), состоялась 19 декабря 1884 г. Примечательна речь тогдашнего директора учительской семинарии Крачковского, который сказал, что открываемая школа «является маленьким зерном, роскошные и желанные всходы которого должны все более и более

[1] ЦГА РУз, ф. 47, д. 654, л. 17 (Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края).

покрывать **дикие духовные кустики и дебри** (курсив наш—*Ф. И.*) и повести к слиянию Азии с Европой и к вступлению сартов на путь истинной культуры, истинного прогресса»[1]. Трудно сказать, чего в этих словах больше: невежества их автора в области истории культуры народов края или шовинистического настроя?

Отметим также то, что, намереваясь расширить сеть русско-туземных школ в Туркестане, колониальные власти пытались сократить не только светскую часть учебных программ медресе и мактабов, но и их количество, а также превратить влиятельных представителей населения местных национальностей в пропагандистов и создателей школ этого типа, хотя заведующими их назначались неизменно русские педагоги или чиновники и несмотря на явно неравное положение русского и местного учителей. Так, в упомянутой ташкетской школе, которую возглавил видный представитель русской интеллигенции края и исследователь-этнограф В. П. Наливкин, почетным блюстителем был назначен казий Шарафходжа Падшоходжинов; учителю русскому годовой оклад определен в 1000 руб., а местному —400 руб., хотя почасовая нагрузка и у того, и у другого была одинаковой.

При всей нарочитой демонстрации колониальными властями своего желания уважать религиозные традиции и чувства коренного населения, в том числе в системе образования, в действительности же применительно к русско-туземным школам среди оседлого населения, главным образом узбекского и таджикского, в одном из секретных циркуляров Розенбаха военным губернаторам областей указывалось: «Занятия учеников русско-туземной школы с туземными учителями (домуллами) не обязательны»[2], а в отношении школ для кочевого населения предписывалось, что они должны передвигаться вслед за населением при перекочевках, но своей учебно-воспитательной работой не вызывать «слишком заметной розни с примитивным складом домашней жизни инородцев»[3].

Наряду с этим, следуя практике первых лет колонизации края и русификации коренного населения, с

---

[1] Туркестанские ведомости. 1885. № 1.

[2] ЦГА РУз, ф. 47, д. 745, л. 19 (Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края).

[3] Там же, л. 20.

ведома имперских властей колониальная администрация Туркестана, ради утверждения позиций русско-туземных школ по-прежднему пыталась материально заинтересовать родителей в обучении их детей в этих школах. Правда, это делалось за счет самого же коренного населения. Это признавали и В. П. Наливкин, и шовинистически настроенный выпускник Казанской духовной академии, последователь Н. И. Ильминского Миропиев. Например, в кишлаках Куль-тепа, Кариз, Аблык, Канджылаги Ташкентского уезда Наливкин в 1886 г. беседовал с родителями, получившими от 25 до 50 руб. за то, что они отдали своих детей в русско-туземную школу[1]. Миропиев в 1888 г. отмечал, что в русско-туземной школе кишлака Теляу Аблыкской волости из 11 учеников местных национальностей только один мальчик— сын местного торговца посещает школу добровольно, а остальные наняты на учебу с выплатой от 15 до 64 руб. в год[2].

Кроме того, власти Туркестана в целях большего материального содержания русско-туземных школ за счет не только неимущих низов, но и имущих верхов коренного населения, стали активно привлекать к этому многих богатых людей из среды узбеков, казахов, кыргызов, таджиков и туркмен. Усилия в этом плане стали особенно заметными в 90-х годах, когда главным инспектором учебных заведений края был Ф. М. Керенский (отец А. Ф. Керенского — главы последнего Временного правительства России в 1917 г.). Дело доходило до того, что высокопоставленные чиновники краевой администрации провоцировали среди наиболее богатых казиев, купцов, предпринимателей, аксакалов негласное соперничество за право быть назначенными на должность почетных блюстителей русско-туземных школ. Критерий выбора самых достойных кандидатов на замещение вакансий или взамен иных, не совсем угодных был один — кто готов пожертвовать в пользу русско-туземных школ больше денег, чем другие.

Тогда же, в 90-е годы, колониальная администрация, видимо, считая, что благодаря русским и русско-туземным школам русификация коренного населения уже

---

[1] ЦГА РУз, ф. 47, д. 339, л. 12 (Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края).

[2] Там же, д. 764, л. 6.

достигла заметного уровня, а заодно намереваясь еще больше принудить коренное население к пользованию и овладению русским языком, русской грамотой, осуществила широкомасштабную, откровенно шовинистическую акцию. Сменивший в 1889 г. Н. О. Розенбаха новый, четвертый по счету, генерал-губернатор Туркестанского края барон А. Б. Вревский направил в конце 1891 г. военным губернаторам областей (за исключением Закаспийской и Семиреченской, еще находившихся тогда в составе соответственно Кавказского наместничества и Степного генерал-губернаторства) циркуляр, в котором указывалось на необходимость установить контроль за тем, чтобы делопроизводство казиев, волостных управителей, аксакалов, а также судов (учрежденных властями), банков, почтовых контор, организаций, занятых садоводством и ирригацией, осуществлялось на русском языке. Более того, генерал-губернатор требовал «принять настоятельные меры к тому, чтобы отныне туземцы, знающие русский язык, избирались и назначались на указанные (имеются в виду должности казиев, волостных управителей, аксакалов, судей, банковских, почтовых и других чиновников на местах — *Ф. И.*) и на другие должности и службы предпочтительно перед туземцами, не знающими его, и чтобы сущность настоящего распоряжения возможно чаще была оповещаема и уясняема населению вверенного мне края»[1]. Эту установку Вревский снова подтвердил в 1897 г. Оставив без комментариев эту акцию и мнение генерал-губернатора о том, что обширный край с почти 4-х миллионным многонациональным населением вверен лично ему, отметим, что за время его пребывания на этом посту в Туркестане произошли два крупных восстания—Ташкентское 1892 г. и Андижанское 1898 г. В связи с последним барон Вревский был снят с должности генерал-губернатора края, но вплоть до 60-х годов XX в. его именем называлась одна из железнодорожных станций Ташкентской магистрали.

После Андижанского восстания, в истреблении и наказании участников которого и даже многих непосредственно непричастных к нему людей местных национальностей колониальные войска и чиновники, возглавляемые теперь уже пятым генерал-губернатором С. М. Духов-

[1] Туркестанские ведомости. 1892. 2 февраля.

ским, были беспредельно жестоки. Помимо стертых с лица земли кишлаков, ставших очагами восстания, сотен убитых, заточенных в тюрьмы, более 200 человек были сосланы в Сибирь.

Но великодержавно-шовинистическая политика царизма в Туркестане и Степном крае (здесь тоже было немало острых антиколониальных выступлений коренного населения, в основном казахского), подобную которой, пожалуй, не проводила ни сама Россия в Польше, Финляндии, ни какая-либо другая держава в своих колониях (наверное, исключение составляли колониальные режимы в некоторых странах Африки), в конце XIX— нач. XX вв. стала осуществляться самыми худшими для коренных народов методами.

Это проявилось и в сфере народного образования. Теперь уже был взят курс не только на утверждение русско-туземных школ как единственного типа начального образования для детей местных национальностей, но и на жесткий контроль за деятельностью медресе и мактабов. Для воспитания учащихся в духе покорности царю, а также для приобщения их к азам православия (чего прежде избегали) в русско-туземных школах требовалось наизусть выучить (на родном и русском языках) молитву «За государя», умение исполнять хором гимн «Боже, царя храни» и молитвы «Многия лета»[1]. Причем молитву «За государя» требовалось ежедневно читать также в медресе и мечетях. Однако, все это, хотя и выглядело цинично, сочеталось с поразительной заботой чиновников Управления учебными заведениями края о соблюдении педагогического такта в процессе обучения и воспитания детей коренного населения в русско-туземной школе. Так, главный инспектор училищ Туркестана Ф. М. Керенский в 1901 г., письменно порицая своих подчиненных за неправильные методы наказания учащихся местных национальностей, подчеркивал: «Известно стало и мною лично замечено, что некоторые из учащих обращаются с учащимися резко и грубо... Были жалобы и на то, что будто учитель не удержался даже от нанесения ученикам побоев. В одном из городских училищ (так обычно назывались и русско-туземные школы—*Ф. И.*), войдя в класс во вре-

[1] ЦГА РУз, ф. 47, д. 821, л. 3 (Опись Управления учебными заведениями Туркестанского края).

мя урока, я увидел, что ученик-туземец стоит на коленях, сконфуженный, огорченный и удрученный...»[1].

В начале XX в. в русско-туземных школах было почти свернуто и преподавание для детей коренного населения основ мусульманского вероучения и арабской грамоты, а история и география преподавались на материалах России. Да иного и не могло быть, поскольку, например, из 83 русско-туземных школ края (теперь уже включая Закаспийскую и Семиреченскую области) в 1905 г. только в 18 были учителя—представители мусульманского населения. Словом, вся политика колониальных властей края в сфере народного образования, как отмечалось в «Туркестанских медомостях» 1902 г., заключалась в том, что «... конечная цель русско-туземной школы при ее современной постановке—приучить детей по возможности владеть только русским языком и даже думать по-русски»[2].

Очевидно, что приобщение населения местных национальностей Туркестана, равно как и Степного края, к русскому языку, русской грамоте мало связывалось с надуманной цивилизаторской миссией, а являлось для властей метрополии и этих колоний важнейший политической задачей. Но эта политика, несмотря на военно-административное господство Российской империи, на поддержку русификаторского курса властей довольно большим числом пророссийски настроенных представителей местных богачей и даже мусульманского духовенства и на влияние некоторых других благоприятных для царизма внутритуркестанских и внешних факторов, с самого начала натолкнулась на объективное сопротивление национальной психологии, исторически сложившегося уклада общественной жизни коренных народов всей Центральной Азии, особенно в городах и земледельческих районах Туркестанского края.

Правда, это сопротивление вплоть до конца XIX—нач. XX вв. не носило сколько-нибудь организованного характера и не опиралось ни на мусульманское духовенство, как тогда считали колониальные власти и как в наше время носители великодержавно-шовинистического мировоззрения утверждают в связи с ростом на-

---

[1] ЦГА РУз, ф. 49, д. 83, л. 7 (Опись инспектора народных училищ Сырдарьинской области).

[2] Туркестанские ведомости. 1902. № 42.

ционального самосознания ряда народов Закавказья, Центральной Азии, ни на национально-патриотические партии (их просто еще не было).

Поэтому даже при увеличении к 1916 г. количества русско-туземных школ и гимназий (в Ташкенте, Верном, Ашхабаде) масштабы русификации не расширились, а, напротив, постепенно сужались. А после событий 1916 г. колониальные устои Российской империи, в том числе созданная ее властями русификаторская школьная система, в Туркестане серьезно ослабли. Так, в Туркестанском крае к этому времени насчитывалось лишь около 100 русско-туземных школ, в которых было немногим более 2800 учащимся местных национальностей. Но окончили школу в 1916 г. только 105 детей. И это на весь Туркестан! А из трех гимназий до нач. XX в. вышел только один выпускник. Ташкентскую мужскую гимназию в 1893 г. окончил казахский юноша — Садыкбаев Жиенбай, поступивший затем в Киевское военное училище. Из женских гимназий до выпуска крайне редко доходили лишь 1—2 казашки и татарки (их тоже относили к местным национальностям).

Наряду с объективным неприятием русификаторской, антинациональной и антимусульманской системы образования, навязывавшейся коренному населению колонии, провал политики царизма в этой сфере объяснялся и некоторыми субъективным причинами. Во-первых, при всей архаичности форм, методов и содержания обучения и воспитания традиционные мактабы, несмотря на меры по их вытеснению, сохранились и оставались необходимыми для подавляющего большинства населения, поскольку они давали как минимум азбучную грамотность. Во все годы колониального господства России в крае всегда находилось много родителей, готовых пожертвовать средства на содержание мактаба и учителя—муллы. Неслучайно, граф Пален в своем Отчете об итогах ревизии края уделил довольно большое внимание характеристике мактабов и медресе. По данным же Н. П. Остроумова, который крайне негативно относился к этим учебным заведениям, в 1913 г. в Туркестане насчитывалось 7290 мактабов с 70864 учащимися

---

[1] Остроумов Н. П. Исламоведение. Введение в курс исламоведения.—Ташкент, 1916.—С. 213.

в них[1]. По областям сеть мактабов и количество учащихся в нихпредставлялись следующими:

Закаспийская — 492 мактаба — 2903 ученика;
Самаркандская — 2753 —«— — 20500 учеников;
Семиреченская — 75 —«— — 3231 ученик*;
Сырдарьинская — 1411 мактаба — 13118 учеников;
Ферганская — 2559 —«— — 31112 —«—;

При этом стоит подчеркнуть, что четверть общего количества мактабов предназначалась для девочек. Например, в Ферганской области, коренное население которой всегда отличалось более высокой степенью религиозности, таких школ (они традиционно назывались атын-хана) было почти 570, а училось в них 6560 девочек местных национальностей.

Добрым словом следует помянуть тех представителей узбекской, казахской, каракалпакской, кыргызской, таджикской, туркменской интеллигенции, которые в тяжелых условиях колониального режима с его великодержавно-шовинистическим установками в области народного образования, выдвигали ценные идеи, создавали учебники, пособия для детей местных национальностей, обучавшихся в мактабах, русско-туземных школах и гимназиях не только Туркестана, но и Степного края. И если последние русско-туземные школы, гимназии в 1917 г. перестали существовать, то мактабы в большом количестве еще сохранялись вплоть до конца 20-х годов. Это объяснялось уже не преимуществами мактабов перед советскими школами, а тем, что Советская власть с самого начала на развитие национальных школ в Центральной Азии выделяла средств почти вдвое меньше, чем на развитие русских школ. Даже первые съезды учителей, например, Туркреспублики (она охватывала в 1918 г. ту же территорию, что и прежде Туркестанская колония) проводились раздельно: 17 июня 1918 г. съезд учителей русских школ, а 15 августа 1918 г. — съезд учителей национальных школ.

Крайне трудно пришлось в колониальный период и медресе, которые постоянно модернизировались и раньше, и в этот период, что позволяло им в целом

*) по Семиречью данные о мактабах и количестве учеников ежегодно менялись, так как зачастую не удавалось выянить их наличие в районах перекочевок населения.

оправдывать роль высшего типа учебных заведений мусульманского населения и общества. Довольно высокая престижность медресе, а также убежденность мусульман в необходимости поддерживать медресе, мечети и т. д., в богоугодности сооружения их зданий побуждала многих вносить свой посильный вклад в дело их сохранения и развития. И потому вполне закономерным было то, что угоднически и своекорыстно настроенная часть верхов, имущих слоев коренного населения не только словом, но и практически поддерживала русификаторскую, угнетательскую политику колонизаторов, а другая, несравненно более крупная часть их поддерживала традиционные устои жизни. Правда, были и такие представители коренного населения, которые пытались, и властям угодить, и не уронить себя в глазах соотечественников. Но именно твердая позиция всех поколений мударрисов, слушателей медресе и духовенства, поддержка мусульманского общества способствовали тому, что даже при серьезном сокращении вакфной собственности, экспроприированной колониальными властями, в 1865—1917 гг. количество медресе в Туркестанском крае не уменьшилось, а увеличилось, хотя их роль в жизни народов местных национальностей, конечно, же, несколько снизилась.

Если предположить, что в Закаспийской и Семиреченской областях в 90-х годах, когда они еще не были возвращены в состав Туркестана было не более 10 медресе, а в Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской областях, по данным В. П. Наливкина, насчитывалось 118 медресе, то выходит, что в ту пору в крае действовало почти 130 медресе. Причем 7 новых медресе появилось в первые 25 лет колонизации Туркестана (в г. Туркестане, в кишлаке Карнак Чимкентского уезда, в кишлаках Гулакандоз, Чиназ (два), Панжикент, Ходжалабад. Особенно много медресе находилось в старинных, густонаселенных городах края— Коканде (34 медресе)), Маргилане (25), Самарканде (22), Андижане (18), Намангане (14), Ходженте (10), Оше (5).

Несомненно, что между этими медресе Туркестана и медресе Бухары и Хивы (их было более 200), среди которых самым крупным и широко известным в мусульманском мире было Бухарское медресе «Мир-Араб», несмотря на их разобщение по территории

ханств и колонии, существовали довольно тесные связи, что способствовало их педагогическому взаимообогощению.

Все это и предопределило то, что к 1913 г. в 5 областях Туркестана стало уже 376 медресе[1]. В 20-е годы в условиях разгула вульгарно-материалистического атеизма на территории республик Центральной Азии осталось не более 10 медресе. Но в колониальный период, пополняя ряды интеллигенции местных национальностей образованными кадрами, питая идеологию коренного населения духом патриотизма и верности не только канонам ислама, но и идеям национальной независимости, социального и духовного прогресса народов региона, медресе заметно препятствовали осуществлению царизмом и властями края политики русификации народов, деформации их исторического сознания.

И потому совершенно неслучайно то, что инициаторами, деятельными участниками реформаторского, на первых порах культурно-просветительского, а затем и социально-политического движения интеллигенции коренных народов Туркестана, Бухарского и Хивинского ханств, впоследствии превратившегося в антиколониальное, явились в основном выпускники медресе. Именно они, заимствуя опыт реформирования традиционной системы народного образования в Крыму, Поволжье, арабских странах, стали создавать так называемые новометодные* школы для детей мусульманского населения. Немалую помощь в этом деле им оказал видный крымско-татарский деятель просвещения и культуры Исмаилбей Гаспринский, которого некоторые исследователи совершенно необоснованно считали пан-тюркистом[2],

При всей своей реформаторской деятельности в сфере просвещения и приверженности исламу И. Гаспринский, судя по его переписке с имперскими министерствами просвещения и внутренних дел[4], а также

---

[1] Остроумов Н. П. Исламоведение. Введение...—С. 213.

* Это название—дословный перевод слов «усули жадид», что по-арабски означает «новый метод».

[2] См. например: Бендриков К. Е. Очерки по истории народного образования вТуркестане.—С. 253.

[4] ЦГА РУз, ф. 47, д. 947. Переписка по вопросам туземных школ.

по результатам его пребывания в Бухарском эмирате, он был сторонником не только российской, но и вообще монархии, что само по себе исключало то, чтобы этот человек был носителем пантюркистских взглядов. Исмаил Гаспринский до приезда в Туркестан в нач. 90-х годов уже успел практически доказать преимущества новометодной школы перед традиционным мусульманским мактабом. И поскольку в Туркестане к этому времени было немало сторонников реформирования мактаба, то Гаспринскому при их содействии удалось довольно быстро организовать новометодную школу в г. Самарканде в 1893 г. Затем такие школы стали создаваться на средства и в помещениях, принадлежащих местным заводчикам, крупным купцам и даже представителям мусульманского духовенства. Популярность этих школ росла столь быстро, что в крае было немало примеров того, что на новый метод обучения (звуковой вместо буквослагательного) переходили и традиционные (старометодные) мактабы. Создателями, руководителями и учителями школ нового типа, в которых новая методика обучения, ряд светских предметов сочетались с сохранением преподавания основ мусульманского вероучения.

Если на первых порах не только колониальные власти, но и высшее мусульманское духовенство были настроены к новым школам враждебно, то через несколько лет, в нач. XX в., когда новометодные школы стали возглавлять видные представители интеллигенции коренного населения (Мунаввар-кары Абдурашидханов в г. Ташкенте, Абдулкадыр Шакурий в Самарканде и т. д.), когда даже в Бухаре с ведома эмира Абдулахада была создана школа новаторского типа (1908 г.), названная в честь отца эмира «Музаффария», высшее духовенство поняло, что такие школы соответствуют национальным интересам местного населения и не подрывают устои ислама в крае. Сеть новометодных школ росла довольно быстро и уже к 1910 г. их стало больше, чем русско-туземных.

Но царизм и колониальные власти Туркестана уже в самом начале поняли, что зарождающееся культурно-просветительское движение наиболее передовой части интеллигенции коренного населения края, в простонародье называвшееся джадидизмом, не ограничится реформированием традиционных мактабов и борь-

бой против русификаторской практики в сфере народного образования и культуры, а со временем приобретет политический, антиколониальный характер. Поэтому против новометодных школ как кузницы национал-патриотов колониальная администрация и сама осуществляла различные меры, вплоть до открытого запугивания активных организаторов и руководителей новометодных школ, авторов предназначенных для этих школ учебников и учебных пособий, в частности против Абдуллы Авлони, Хамзы Хакимзаде Ниязи, Мунаввар-кары Абдурашидханова (он был принужден возглавить один из комитетов в Ташкенте по мобилизации так называемых тыловых рабочих в 1916—1917 гг.), Абдулкадыра Шакури и многих других, и подключала к антиджадидской борьбе пророссийски настроенных представителей торгово-промышленных кругов, местного (низового) чиновничества и отдельных духовных лиц.

Другой, после сферы народного образования, областью противоборства великодержавно-шовинистической политики царизма, колониальных властей и приверженцев национальных, общечеловеческих духовных ценностей народов Туркестана, как и Степного края, была культура. Здесь это противоборство самым парадоксальным образом сочеталось с примерами весьма полезной деятельности многих российских ученых-востоковедов, археологов, естествоиспытателей, геологов и др. Правда, с самого начала колонизации Центральной Азии перед русскими исследователями ставилась задача — выявить природные и культурные богатства региона, представляющиеся ценными для метрополии. Поэтому немало ученых прибывало в регион по мере завоевания его все новых и новых территорий. Так, почти вслед за войсками генерала Черняева, завоевавшими в 1864 г. Чимкент и в 1865 г. Ташкент, в край прибыл натуралист Н. А. Северцев. Исследования флоры, фауны и ландшафта огромной территории — от Тургайской степи до Памира и от туркменского побережья Каспия до Восточного Туркестана, выполненные им в 1865—1869 гг., конечно же, имели прежде всего военное и колонизационное значение.

Затем в крае с целью изучения истоков рек Сырдарьи, Амударьи, Зарафшана в интересах освоения земель под необходимое промышленности России хлоп-

ководство — побывал А. П. Федченко. Впоследствии одна одна из железнодорожных станций в Ферганской долине была названа его именем (ныне-станция Кува). В нач. 70-х годов по приглашению генерал-губернатора в Туркестан прибыли ученые-геологи И. В. Мушкетов, Г. Д. Романовский, которые на основе шестилетних исследований составили геологическую карту края. Неслучайно, что после этого в Туркестане появились российские горнозаводчики, российско-немецкие, российско-французские и др. совместные предприятия по добыче и вывозу полезных ископаемых. Тогда же, в 70-е годы, одновременно с завоеванием большей части территории Хивинского ханства были осуществлены экспедиции Обручева и других исследователей вдоль Амударьи, в частности для выяснения наличия русла древнего Узбоя, соединявшего Аральское и Каспийское моря. Как известно, задолго до этого А.И. Бутаков, изучавший в 1848—1849 гг. Аральское море, установил, что уровень воды в нем постепенно снижается. И потому, возможно, поиск древнего Узбоя был связан с вопросом урегулирования уровня воды в соседних морях? Ведь ныне ряд ученых, например Узбекистана, один из путей предотвращения гибели Арала видят в переброске в него части вод поднимающегося Каспия — посредством крупного, многоступенчатого канала.

Дважды — в 1856—1858 гг. в Тяньшане и в 1888 г. в Закаспийской области с экспедициями побывал П. П. Семенов. Поскольку он стал первым известным европейцем, исследовавшим высочайшие горы Азии, П. П. Семенов был удостоен чести называться Тяньшанским. Судя по всему, особенно по достигнутым в горах пределам, этот путешественник, как и В. Ф. Ошанин в Каратегинском, Дарвазском хребтах, и Н. А. Северцов в дальних точках Памира, изучал пути проникновения в сопредельные страны, что диктовалось давними стратегическими целями Российской империи. Именно об этих целях с циничной откровенностью уже в 90-е годы XX столетия напомнил лидер либерально-демократической партии России в одном из своих многочисленных публичных выступлений (его фамилия здесь намеренно не приводится, но чтобы было понятно, о ком речь, укажем, что, по его признанию, он сын юри-

ста и украинки), когда заявил, что хочет, чтобы русский солдат помыл сапоги в Индийском океане.

В связи с вышеупомянутыми и многими другими исследованиями российских ученых, путешественников, а также с деятельностью созданных в Туркестане научных обществ трудно согласиться с утверждением первого президента Академии наук Узбекистана Т. Н. Кары-Ниязи, что экспедиции русских ученых в Средней Азии проводились обычно без финансовой поддержки со стороны царского правительства, на скудные средства научных обществ; ученым часто приходилось вести исследования при полном равнодушии царских властей[1]. Этот вывод совершенно необоснован, ибо известно, что, во-первых, без ведома Военного министерства и министерства внутренних дел империи ни отдельные ученые, путешественники, ни группы исследователей в Туркестан направляться просто не имели права; во-вторых, для прикрытия истинных целей различных научно-исследовательских экспедиций необходимые средства министерствами передавались соответствующим научным обществам; в-третьих, каждую экспедицию — будь то на Арал или Памир, будь то в Кара-кумы или на Тяньшань — всегда сопровождали вооруженные военные и проводники, переводчики, выделявшиеся колониальными властями; в-четвертых, почти всегда последним представлялись отчеты о результатах исследований, экспедиций; в-пятых, по рекомендации или при участии исследователей при содействии властей в самом Туркестане для ускорения работ создавались научные, экспериментальные общества, лаборатории, Отделы научных организаций Москвы, Петербурга, издавались различные сборники.

Конечно, почти все, чего ни делали, чего ни достигли российские ученые, путешественники в Туркестане, во всей Центральной Азии, должно было служить делу утверждения военно-политического, экономического господства здесь Российской империи, русификаторской политике ее властей в отношении коренного населения, его этнического обезличения и т. д. Ведь известно, что ни один из русских ученых, путешественников колониального периода ни в своих трудах, ни

[1] См.: Очерки истории культуры Советского Узбекистана.—М., 1955.—С. 54.

научных докладах не осудил и даже слегка не критиковал поработительскую, шовинистическую политику царизма и колониальных властей в Туркестане и Степном генерал-губернаторстве, а также великодержавную позицию российских верхов по отношению к Бухарскому эмирату и Хивинскому ханству.

Разумеется, не простить, но понять патриотизм, верноданническую позицию работавших, побывавших в Центральной Азии, в частности в Туркестане, представителей русской интеллигенции можно. Но ни патриотизмом, ни верноподданническими чувствами, а махрово шовинистической природой, чуждой всякого гуманизма, объяснялись поступки, оскорбительные, уничижительные для населения местных национальностей большинства русских чиновников, некоторых представителей интеллигенции метрополии. Может быть, еще и какой-то патологией объяснялось, например, реализованное при содействии военного губернатора Ферганской области генерала Скобелева желание гостившего в Новом Маргилане известного художника-баталиста В. В. Верещагина написать с натуры «психологические» полотна «Опиумокурильня», «Казнь туземцев». Причем, для художника и наркоманов сверх меры «накачали», и казнь туземцев устроили вне времени. Или вот другой пример. В 1909 г. при осмотре высшими чинами колониальной администрации исторических, архитектурных памятников Самарканда в ответ на высказанное археологом В. Л. Вяткиным мнение о необходимости средств на их реставрацию и сохранение адъютант генерал-губернатора края А. В. Самсонова заявил: «Самое лучшее поставить четыре взвода артиллерии и всю эту рухлядь расстрелять»[1]. А позднее и сам Самсонов в связи с просьбой о принятии мер по охране старинных мусульманских памятников заявил: «Чем скорее разрушится все это, тем лучше для (русской Ф. И.) государственности»[2].

Кстати, следует констатировать и то, что ни мусульманское духовенство, ни правители центральноазиатских ханств в последние столетия по-настоящему

---

[1] Массон М. Е. Три эпизода, связанные с самаркандскими памятниками старины. — Ташкент, 1972.—С. 20.

[2] Гартвельд В. Н. Путевые очерки Туркестана.—М., 1914. — С. 131.

не придавали значения реставрации и поддержанию многих архитектурных памятников прошлого. Так, известно, что ни ворота мавзолея Биби-ханум, упавшие во время землетрясения в 1897 г., ни рухнувший в 1903 г. последний минарет мавзолея Гур-эмир в Самарканде, ни разрушившийся еще в конце XVI— нач. XVII вв. дверец «Ак-сарай» в Шахрисабзе, ни многие другие исторические памятники архитектуры не были восстановлены на вакфные и другие доходы. Работы по восстановлению, реставрации и охране ряда таких памятников, в том числе открытой В. Л. Вяткиным обсерватории (вернее, места ее расположения) Улугбека, были начаты в советские десятилетия. Но больше всего в этом плане было сделано и делается в условиях независимости Узбекистана, в частности в связи с подготовкой по программе ЮНЕСКО к 2500-летию Бухары и Хивы.

Возвращаясь же к практике культурной жизни колониального Туркестана, можно с полным основанием утверждать, что хотя и не ради интересов населения местных национальностей, но своими трудами, исследованиями многих сторон культурного наследия прошлого, сути и особенностей национальных культур народов региона, их этнической и общей истории, места и роли ислама, мусульманских учебных заведений в жизни коренного населения, российские колониальные чиновники, ученые, путешественники, политические деятели империи и др., сами того не желая, объективно способствовали обобщению многовекового культурного опыта многонационального коренного населения, но нередко исследования велись недобросовестно*, да и

* Например, не будучи археологом, русской востоковед Н. И. Веселовский в разные годы явно бесплановo, разрушительно вел раскопки на Афрасиабе, в Той-тепе (в 32 км от Ташкента), ряде других мест, обуреваемый только желанием откопать древние золотые и сетебряные предметы. На это указывали, в частности, большие знатоки этой проблемы В. А. Шишкин, А. Я. Якобовский. Так, В. Шишкин писал: Веселовского интересовали только богатые и интересные вещи» (Шишкин В. А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей: В кн.: Афрасиаб. Вып. I.—Ташкент, 1969.—С. 25). А. Якубовский же отмечал, что «отсутствие на Афрасиабе предметов из золота и серебра лишало его (Н. Веселовского—Ф. И.) импульса в работе» (Якубовский А. Ю. Из истории археологического изучения Самарканда: Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. II. — Л., 1940. — С. 292.

выводы из этого опыта формулировались преимущественно негативного смысла*, что, впрочем, предопределялось самой природой колониализма, великодержавно-шовинистической позицией большинства представителей правящих и научных кругов метрополии.

Тем не менее следует признать весьма позитивное значение для постколониального периода центральноазиатских государств того, что в 1867—1917 гг. в Туркестане были выполнены такие, например, научно-изыскательские и культурные работы, как статистическое обследование промышленности, сельского хозяйства, ремесленного производства, народонаселения, природных ресурсов и изданы 5 томов «Материалов для статистики Туркестанского края, «организовано издание первых газет на языках отдельных коренных наций, первая публичная библиотека (в Ташкенте) с отделом по собиранию восточных рукописей и краевым музеем; составление 416 томов «Туркестанского сборника» (это очень ценный источник для исследователей различных аспектов жизни Центральной Азии в прошлом), созданы географическая, геологическая, почвенная и другие карты, схемы Туркестана. Пусть и не без издержек, ошибок, но довольно тщательно были изучены российскими специалистами, прежде А. И. Бутаковым, затем Л. С. Бергом основные характеристики Аральского моря и Приаралья, а П. А. Дьячковым— озера Иссык-куль.

Существующую роль в развитии сельского хозяйства Туркестана, особенно хлопководства и шелководства, играли Общества сельского хозяйства, опытные станции по районированию американских и новых местных сортов хлопчатника, а также по шелководст-

---

* Об этом свидетельствует вывод того же Веселовского о том, что «ни в XVI, ни в XVII веке, ни в первой половине XVIII столетия киргизы (речь фактически идет о казахах и кыргызах — Ф. И.)) ... понятия об исламе не имели» (Рефераты заседаний VI археологического съезда в Одессе.—Одесса, 1884. — С. 5). Такой вывод ничем не обоснован, но был выдвинут для стимулирования политики русификации и деисламизации коренного населения, особенно кочевого, а преобладающую часть последнего в Центральной Азии в первые десятилетия колонизации региона все еще составляли казахи и кыргызы. Эти народы приобщены к исламу в VIII—IX вв. и подтверждений тому немало. Но Веселовский был бы прав, если бы считал, что степень религиозности у них сравнительно ниже, чем у других коренных оседлых народов.

ву, периодически устраивавшиеся сельскохозяйственные выставки (в Ташкенте, Самарканде).

Большую пользу для сохранения и распространения исторических знаний о прошлом народов и государств Центральной Азии, об этногенезе, о языках, семейно-бытовых обычаях, традициях населения местных национальностей, об отдельных событиях и личностях как далекого прошлого, так и колониального периода, несомненно, имели и имеют многие научные, научно-популярные труды и мемуары, написанные российскими учеными-востоковедами, археологами, естествоиспытателями, представителями колониального и имперского чиновничества, а также выполненные некоторыми из них переводы, относящихся к Центральной Азии произведений. Это, прежде всего, фундаментальные исследования В. В. Бартольда, Е. Э. Бертельса, В. Л. Вяткина, В. Д. Городецкого, В. А. Шишкина, А. Ю. Якубовского и ряда других.

Не вдаваясь в анализ весьма заметных неточностей в раскрытии многих аспектов темы, следует признать определенную ценность официальных отчетов комплексных ревизий Туркестанского края, проводившихся во главе с высокопоставленными сановниками царского двора (Гирсом, Игнатьевым, Паленом, Куропаткиным). Нельзя не признать и пользу изданных в колониальный период трудов А. И. Добросмыслова—«Ташкент в прошлом и настоящем» (Ташкент, 1912); К. К. Казанского—«Мистицизм в исламе» (Самарканд, 1906); В. П. Наливкина — «Краткая история Кокандского ханства» (Казань, 1886); Н. П. Остроумова —«Исламоведение. Введение в курс исламоведения» (Ташкент, 1914), многих других изданий.

Разумеется, авторы этих и подобных им трудов так же, как и В. В. Бартольд, В. А. Жуковский, Н. И. Веселовский, А. Ф. Миддендорф, не говоря уж об авторах—высокопоставленных чиновниках метрополии и колонии, были верноподданными России, сторонниками ее великодержавной политики в Центральной Азии, что не могло не отразиться на содержании их публикаций. Об этом свидетельствуют, например, книга Н. С. Лыкошина «Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения» (Петроград, 1916) и примечания, которыми он сопроводил собственный перевод со староузбекского (тюркского) языка на русский кни-

ги «Дивана-и-Машраб. Жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестанском крае» (Самарканд, 1915), а также перевод с персидского на русский труда Мухаммада Наршахи «История Бухары» (под ред. В. В. Бартольда.—Ташкент, 1897) и книги «Султаны Кенисара и Садык. Биографические очерки султана Ахмета Кенисары. Обработано для печати и снабжено примечаниями Е. Т. Смирновым» (Ташкент, 1889) и др.

Вместе нельзя не оценить позитивно немалую работу российских ученых по собиранию и изданию рукописей, авторами которых являлись представители интеллигенции местных национальностей Туркестана. Из числа таких изданий можно упомянуть написанный в 30-е годы XIX в. труд Мир Абу-Тахира Самарканди «Самарийа», опубликованный Н. П. Остроумовым в 1884 г. в переводе с таджикского на узбекский, выполненном Мирза Баратом, а в 1899 г. — в переводе на русский, осуществленном В. Л. Вяткиным и выпущенный на таджикском языке в 1904 г. факультетом восточных языков Санкт-Петербургского университета — при содействии Н. И. Веселовского, В. А. Жуковского, а также вышедшие в свет в 1904 г. в Санкт-Петербурге «Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова» (под ред. Н. И. Веселовского).

Отнюдь не в связи с историко-археологической и публикаторской деятельностью русских ученых и колониальных чиновников, но и не без ее влияния в 90-х годах XIX столетия, особенно после Ташкентского восстания 1892 г., довольно узко названного «холерным бунтом», прежде преследовавшие сугубо культурно-просветительские цели устремления передовой части интеллигенции коренных народов стали больше приобретать антиколониальный, политический характер. В области народного образования и культуры, наряду с сохранением приверженности национальным и общечеловеческим ценностям, в том числе мусульманским, в программах новометодных школ, наиболее популярных медресе, в газетах, предназначенных для коренного населения, довольно отчетливо стали выдвигаться национально-патриотические и демократические мотивы.

Царизм и колониальные власти с самого начала не без оснований усмотрели в деятельности основате-

лей и учителей новометодных школ, сторонников культурного и духовного возрождения народов местных национальностей потенциальную угрозу для военно-политического и социального господства России не только в Туркестане, а и во всей Центральной Азии. И потому к борьбе против джадидского (новаторского) и других национал-патриотических течений, зарождавшихся среди интеллигенции и в гуще народных масс, были привлечены все силы колониальной администрации, консервативно и пророссийски настроенные представители мусульманского духовенства, правители и сановники Бухарского эмирата и Хивинского ханства, газеты «Туркестанские ведомости» и «Туркестанская туземная газета».

Преобладание великодержавно-шовинистических установок в колониальной политике и практике России не допускало элементарного понимания того, что в заметном повышении у многонациональной интеллигенции региона интереса к судьбе богатейшего культурного, духовного наследия предыдущих поколений своих народов, в проявляющейся тенденции к преодолению произошедшей в XVI—XVIII вв. разобщенности в культуросозидательном творчестве во многом близких и даже родственных коренных народов Центральной Азии никакой опасности нет. Тем более, что эти перемены были управляемы и контролируемы как со стороны колониальных властей края, так и правящих кругов зависимых от Российской империи ханств.

А надобность культурно-духовного возрождения коренных народов диктовалась не просто как условие их социально-экономического развития, но прежде всего как важнейший фактор их сохранения как этносов, как национальных образований. Дело в том, что не только в результате колонизации региона Россией, но больше в силу других обстоятельств, в частности распада созданного Темуром централизованного государства, упадка в социально-экономической сфере (особенно после вторжения в Мавераннахр Шайбани-хана), частых разорительных войн между центральноазиатскими ханствами и внутри ханств, консерватизма системы управления, форм, методов хозяйствования и общественной идеологии, отчуждения значительной части неимущих и малоимущих слоев населения, прежде всего сельского, от очагов культуры, вместе со сни-

жением творческой активности, роли интеллектуальных сил в жизни народов, сильно ослабло и их влияние на экономический и духовный прогресс.

И потому было очень важно, что и джадиды, и носители других общественных воззрений своей инициативой, практической деятельностью попытались стимулировать народное культуросозидательное творчество, интерес народных масс к историческому прошлому, к проблемам сохранения испытанных многовековой историей традиций, нравственных установлений и культуры. Естественно, что и социально-политическое брожение в самой России, и политическая антиколониальная борьба народов, в частности Индии, Китая, и объективный рост национального самосознания (чему способствовали национальные интеллигенты-просветители и акции царизма, колониальных властей Туркестана по усилению экономической эксплуатации, русификации и социального угнетения коренного населения) предопределили все большую политизацию и антиколониальную направленность движения интеллигенции местных национальностей за социальное возрождение народов.

Не повторяя характеристику основных событий и фактов, различных перепетий антиколониальной борьбы народов Туркестана, отметим лишь ряд ее аспектов. Во-первых, будучи разделенными между четырьмя государственно-территориальными образованиями (Бухарским эмиратом, Хивинском ханством, Туркестанским и Степным генерал-губернаторствами, а казахи — еще и Оренбургским, Западно-Сибирским генерал-губернаторствами), народы местных национальностей не имели возможности объединить свои силы. К тому же этому активно препятствовали и колониальные власти, и правители ханств. Поэтому, например, узбеки, таджики, туркмены, казахи, населявшие ханства, хотя и были солидарны с восставшими в 1916 г. против царизма трудящимися Туркестана и Степного края, но в какой-либо действенной форме их не поддержали. Видимо, неслучайно, что в Степном крае, где восстание было мононациональным (казахским), оно было и более длительным, и более стойким. Во-вторых, ко времени организационного оформления национал-патриотических политических партий, течений, охватывавших в основном авангардную часть интеллигенции

коренного населения Туркестана, как и Степного края, царизм среди других мер нанес упреждающий удар: по царскому закону от 3 июня 1907 г. о введении новой избирательной системы население местных национальностей колоний были лишены избирательных прав при выборах в Государственную думу (III-ю и последующие). Да и среди национал-патриотов Туркестана не было общего мнения о путях и методах антиколониальной борьбы. Так, среди джадидов Бухарского ханства после падения царизма в России (февраль 1917 г.), кроме Абдурауфа Фитрата и его младшего друга Файзуллы Ходжаева, их немногих единомышленников никто не поддерживал антиэмирские лозунги, считая возможным постепенное превращение здешней политической системы в конституционную монархию. Вполне закономерно, что чуть позже на группу Ф. Ходжаева сделали ставку пришедшие к власти в Петрограде большевики. Или другой пример. Один из наиболее последовательных противников эмирской власти и российского колониализма, крупный просветитель Махмуд-ходжа Бехбуди, выдвинувший кредо «Право, не дается, а завоевывается», как и первый руководитель бухарских джадидов Абдувахид. Бурханов, многие другие джадиды, был сторонником сугубо политической борьбы против колониализма, а фактический лидер прогрессивной части интеллигенции Туркестана Мунаввар Кори Абдурашидханов, еще во второй половине 1916 г., поразительно сочетавший свою антиколониальную позицию с должностью руководителя одного из межрайонных комитетов Ташкента по мобилизации мужчин (в возрасте от 19 до 43 лет) местных национальностей на военно-тыловые работы на русско-германском фронте, придерживавшийся идеи «Свобода не дается, ее берут», считал, что освобождение от колониального гнета возможно только ценой крови и жертв. Почти такие же расхождения во взглядах на пути и методы освободительной борьбы населения Степного генерал-губернаторства существовали между радикально настроенными представителями казахской интеллигенции (Бокин, Жунусов, Ниязбеков и др.) и либеральными демократами (А. Байтурсынов, А. Букейханов, М. Дулатов)[1].

[1] См.: История Казахстана. Очерк.—С. 274.

По прошествии некоторого времени после свержения царизма и прихода к власти Временного правительства, когда стало очевидно, что практика политической и социальной дискриминации коренного населения Туркестана все еще сохраняется, остаются и русские войска, и русские чиновники во главе органов власти, интеллигенция коренного населения края довольно интенсивно стала публично выдвигать и заинтересованно обсуждать проблемы будущего государственно-политического устройства народов региона. Этому всячески препятствовали российские политические партии: великодержавной ориентации конституционные демократы (кадеты), шовинистически настроенные черносотенники и эгоцентристские большевики, а также фактически сохранявшиеся, хотя и несколько видоизмененные органы власти России*, еще остававшейся империей. И это несмотря на публичное признание последнего генерал-губернатора Туркестана А. Н. Куропаткина: «Мы держали туземцев в стороне от развития...»[1].

С отбытием в апреле 1917 г. последнего генерал-губернатора Туркестана в Петроград колониальная администрация края формально прекратила свое существование. Туркестанский же комитет Временного правительства, возглавлявшийся Н. Н. Щепкиным и пытавшийся продолжать прежнюю великодержавно-шовинистическую политику, был все-таки несравненно слабее генерал-губернаторской власти. Не было уже колониального репрессивного аппарата, за исключением русских войск. А социально-политическая обстановка в Туркестане, где комиссаром Временного правительства был назначен М. Чокаев — представитель либерально-демократического крыла казахской интеллигенции, в отпавшей от Туркестана Семиреченской области (комиссар М. Тынышпаев — будущий глава Кокандской Автономии), в Степном крае (комиссар А.

---

* Бывший генерал-губернатор края А. Н. Куропаткин был возведен в ранг комиссара Временного правительства и до 1 апреля 1917 г. продолжал управлять Туркестаном, добиваясь также отправки по царскому указу от 25 июня 1916 г. на военно-тыловые работы еще 80 тыс. мужчин местных национальностей (ЦГА РУз, ф. И—1, оп. 31, д. 1191, л. 39).

[1] Из дневника А. Н. Куропаткина: Красный архив, 1925, Т. 1.— С. 65.

Букейханов) все более обострялась, что усугублялось и позицией возвращавшихся из сопредельных стран (Китай, Афганистан, Иран) семей местных национальностей, бежавших после восстания 1916 г., а также рабочих-тыловиков из районов русско-германского фронта. Неслучайно, командующий Туркестанским Военным округом 26 июня 1917 г. приказал всем гарнизонным комитетам станций от Оренбурга до Ташкента «производить тщательный осмотр эшелонов туземных рабочих, отбирая у них как огнестрельное, так и холодное оружие... Военным контролерам и военному конвою, сопровождающим пассажирские поезда, обратить особое внимание на туземцев, следующих с работ фронта одиночным порядком»[1].

В этих условиях национал-патриотические силы не только Туркестана, но и Степного края, хотя и существовало двоевластие, были некоторые другие негативные факторы, впервые оказались в положении, благоприятном для объединения и борьбы за политическое и социальное освобождение народов местных национальностей от имперского господства России и последующее установление с ней оптимальных отношений. Но не вина их, а беда, состояла в том, что во всем регионе не было крупных политических партий, выражавших национальные интересы большинства коренного населения и способных привлечь на свою сторону все другие национал-патриотические партии и течения. Более того, ведущие национальные партии, сбиваемые с толку большевиками, кадетами, эсерами, радикальными национал-патриотами и органами Временного правительства, в период от февраля до октября 1917 г. занимали не только несходные, но порой и диаметрально противоположные позиции. А это как раз отвечало интересам военно-политического руководства России и целям почти всех российских политических партий. К тому же, несмотря на поражения русской армии в мировой войне, политический и экономический кризис в империи, многие лидеры и активисты национально-патриотических партий, движений коренного населения Туркестана и других регионов Центральной Азии опасались, что Россия ни в коем случае не допус-

---

[1] Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане. Летопись событий.—Алма-Ата, 1967.—С. 11.

тит свободного самоопределения народов вчерашних колоний, а потому выдвигали положения о национально-территориальной автономии (М. Бехбудий, А. Валиди, В. Чайкин в Туркестане; А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов и др.— в Степном крае и Семиречьи) или об автономии всех мусульман России и Туркестана в ее составе, то есть на федеративных началах. Были и сторонники идеи национально-культурной автономии (Мунаввар Кори, Убайдулла Ходжаев). Позднее все-таки стали превалировать идеи национально-территориальной автономии (Туркестана и отдельно Казахского государства).

Учитывая не просто многонациональный состав населения Туркестана, но и компактное проживание многочисленных групп казахов, кыргызов, таджиков, туркмен на территории, преимущественно населенной узбеками, а также наличие крупной прослойки русскоговорящего населения, можно утверждать, что в противоположность попыткам российских политических кругов сохранить Туркестан в зависимости от России, решение съезда мусульман Туркестана и Семиречья, состоявшегося 17—20 сентября 1917 г. в Ташкенте, об учреждении Туркестанской национально-территориальной автономии (впоследствии по месту проведения IV Чрезвычайного съезда мусульман края 26 ноября 1917 г., уточнившего суть автономии, а также по месту расположения ее правительства названной Кокандской). Но в силу ряда причин, прежде всего, опасений пришедших к власти в России большевиков о возможной для них «неуправляемости» народов обширного и богатого региона, уже в начале 1918 г. Туркестанская автономия как национально-государственное образование была ликвидирована посредством вооруженной силы. Чуть позже такая же участь постигла и Алашскую автономию. И народы недавних колоний, а вместе с ними и разгромленных Красной армией Бухарского эмирата, Хивинского ханства оказались, в новом по форме государственном образовании под названием РСФСР, а затем СССР.

Этому предшествовала и политическая, и вооруженная антибольшевистская борьба за национально-государственную независимость народов Центральной Азии. Трансформация российских событий 1917 г. на территории Закавказья, Туркестана, Казахстана стала результатом никогда не имевшего место, якобы, соединения

национально-освободительного движения народов окраин и революционного рабочего движения России, а приверженности большевиков имперской политике. Известный своим джадидским прошлым Файзулла Ходжаев, вплоть до 1925 г. выступавший за образование независимых национальных республик, народы которых потом уже должны были определить для себя: входить или не входить в состав СССР, в январе 1925 г. на совещании Ревкома Узбекистана смело заявил: «У нас организованного пролетариата в городах не имеется. Октябрь у нас прошел только силами европейского (имеется в виду русского—*Ф. И.*) пролетариата, и только часть местного населения принимала в этом участие»[1]. И потому коренным народам теперь предстояло жить при господстве не ими созданной власти и не ими сформированной идеологии.

Совершенно неоднозначная социально-политическая и национальная жизнь коренных народов Центральной Азии, в частности Узбекистана, в условиях большевистско-советского строя — это уже отдельная, тоже очень серьезная тема, нуждающаяся в глубоком исследовании и объективном освещении.

Поэтому, намереваясь продолжить ее исследование в хронологических рамках 1917—1991 гг., данную работу мы завершаем без обычного заключения или послесловия.

---

[1] ЦГА РУз, ф. 87, оп. 1, д. 41, л. 7.

БИБЛИОГРАФИЯ

Каримов И. А. Речь на церемонии подписания Республикой Узбекистан Хельсинкского Заключительного акта СБСЕ 26 февраля 1992 года.—«Правда Востока», 1992, 27 февраля.

Абаза К. К. Завоевание Туркестана. Рассказы из военной истории, очерки природы, быта и нравов в общедоступном изложении.—СПб., 1902.

Абдурахимова Н. А. Колониальная система власти в Туркестане (вторая половина XIX—начало XX вв.). Автореф. дисс. докт. истор. наук.—Т., 1994.

Азадаев Ф. Очерки истории Ташкента.—Т., 1960.

Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период).—Т., 1959.

Аминов А. М., Бабаходжаев А. Х. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России.—Т., 1966.

Бартольд В. В. Сочинения, Т.II, Ч. 1.—М., 1963.

Бендриков К. Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане.—М., 1960.

Бродовский М. И. Технические производства в Туркестанском крае. Приложение к промысловому альбому Туркестанского края, составленному и изданному по распоряжению туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфман 1-го.—СПб., 1875.

Бродовский М. И. Очерки производства хлопка в Средней Азии.—М., 1897.

Бродский М. К. К 35-летию Ташкентского городского общественного самоуправления.—Т., 1912.

Бутенев 2-й. Минеральные богатства Бухарии. Горный журнал за 1842 г.—СПб, Ч. 4, кн. 11.

Васильчиков А. И. Землевгладение и земледелие в России и других европейских государствах.—СПб, 1876.

Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане. Летопись событий.—Алма-Ата, 1967.

Верещагин В. В. Очерки, наброски, воспоминания.—СПб. 1883.

Верещагин В. В. Самарканд в 1868 году. Из воспоми-

наний художника.—«Русская старина», СПб, 1888, кн. 9.
Веселовский Н. И. Сообщение о раскопках в городище Афрасиаб близ Самарканда в 1885 г.—Записки Имп. Русского археологического общества. Новая серия. Т. II.—М., 1887.
Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. док.—М., 1960.
Вощинин В. П. О термине «колонизация». В кн.: О земле.—СПб, Вып. II, 1922.
Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года. Краткие сводки. Вып. VII. Возраст и грамотность населения СССР.—М., 1928.
Вяткин В. Л. Из Самарканда. (О необходимости устройва библиотеки и постройки музея).—«Русский Туркестан», 1902, № 36.
Вяткин В. Л. К вопросу о поддержании памятников древности в Самарканде.—«Туркестанские ведомости», 1902, № 85.
Вяткин В. Л. Об археологических раскопках в Самарканде.—«Самарканд», 1904, № 3.
Гаврилов Н. А. Переселенческое дело в Туркестанском крае (области: Сырдарьинская, Самаркандская и Ферганская) чиновника особых поручений при Переселенческом управлении. Отчет по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г.—СПб., 1911.
Гартвельд В. Н. Путевые очерки Туркестана.—М., 1914.
Гейер И. И. Весь Русский Туркестан.—Т., 1908.
Гинзбург А. И. Русское население в Туркестане.—М., 1991.
Граменицкий С. М. Очерк развития народного образования в Туркестанском крае.—Т., 1896.
Дмитриев-Мамонов А. М. Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге.—СПб, 1903.
Дмитриев-Мамонов А. М. Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Среднеазиатской и Ташкентской. Изд. 5-е.—СПб. 1912.
Дневные записи плавания А. И. Бутакова по Аральскому морю в 1848—1849 гг.—Т., 1953.
Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем.—Т., 1912.
Епифанова Л. М. Рукописные источники по истории Средней Азии периода присоединения ее к России (Бухара).—Т., 1965.
Жемчужников П. Н. Движение на Восток.—М., 1927.

Журнал Министерства народного просвещения.—СПб., 1879—1907 гг.
Записки ординарного профессора С.-Петербургского университета В. В. Григорьева. В кн.: Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев.—СПб, 1869.
Заорская В. В. и Александер К. А. Промышленные заведения Туркестанского края. Разработка анкеты, произведенной летом 1914 г. экономической организацией изысканий по устройству водохранилища в верховьях реки Сыр-Дарьи.—Пгр., 1915.
«Знамя свободы» (Ташкент), 1917, 3 июня.
Знаменский П. В. Участие Н. И. Ильминского в деле инородческого образования в Туркестанском крае.—Казань, 1900.
История дипломатии. Т. II—М., 1963.
История и археология Средней Азии.—Ашхабад, 1978.
История Казахстана. Очерк.—Алматы, 1993.
История Киргизии. Т. II.—Фрунзе, 1956.
История Ташкента. С древнейших времен до победы Февральской буржуазно-демократической революции.—Т., 1988.
История Туркменской ССР. Т. I, кн. 2-я.—Ашхабад, 1957.
История Узбекской ССР. Т. II.—Т., 1968.
История Хорезма. С древнейших времен до наших дней.—Т., 1976.
Исхаков Ф. Прошлое глазами историка.—Т., 1990.
Казанский К. К. Мистицизм в исламе.—Самарканд, 1906.
Кабиров М. Н. Переселение илийских уйгур в Семиречье.—Алма-Ата, 1951.
Кастельская З. Д. Из истории Туркестанского края (1867—1917).—М., 1980.
Кауфман А. А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края.—СПб., 1903.
Кауфман А. А. Переселение и колонизация.—СПб., 1905.
Кауфман К. Т. Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867—25 марта 1881 гг.—СПб., 1885.
Ким П. Г. Вымысел и истина.—«Узбекистон адабиёти ва санъати», 1989 г., 20 октября.

Ключевский В. О. Сочинения в 9-ти т.т.—Т. I.—М., 1987.
Кокандский биржевой комитет (1908 г.).—М., 1909.
Костенко И. Средняя Азия и водворение в ней русской государственности.—СПб., 1871.
Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Т. I.—СПб., 1880.
«Красный архив». Т. Т. 7-34.—М., 1921—1929.
Кривошеин А. В. Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. Приложение к всеподданнейшему докладу.—СПб., 1912.
Кривошеин А. В. Записки главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край.—Полтава, 1912 г.
Кун А. Л. Мусульманские школы.—«Туркестанские ведомости», 1876, № 37.
Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане.—Л., 1930.
Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. Т. I—II.—СПб., 1911.
Лунин Б. В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения.—Т., 1979.
Лыкошин Н. С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения.—Пгр., 1916.
Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 16.—М., 1952.
Масальский В. И. Хлопковое дело в Средней Азии.—СПб., 1892.
Масальский В. И. Туркестанский край.—СПб., 1913.
Массон М. Е. Три эпизода, связанные с самаркандскими памятниками старины.—Т., 1972.
Миддендорф А. Очерки Ферганской долины.—СПб., 1882.
Мусаев Н. У. Появление капиталистических производственных отношений в Туркестане (конец XIX—нач. XX вв.). (На узб. яз.).—Т., 1995.
Мушкетов И. В. Туркестан. Т. I.—СПб., 1886.
Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства.—Казань, 1886.
Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы.—Казань. 1886.
Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь.—Т., 1913.
Остроумов Н. П. К истории народного образования в Туркестанском крае. Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. П. Остроумова (1877—1881 гг.).—Т., 1899.

Остроумов Н. П. Сарты. Этнографические материалы. (Общий очерк).—Т., 1890.
Остроумов Н. П. Исламоведение. Введение в курс исламоведения.—Т., 1914.
Отчет Туркестанской учительской семинарии за 25 лет ее существования (30 августа 1879—30 августа 1904 г.), составил Н. П. Остроумов.—Т., 1904.
Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Т. VI. Учебное дело.—СПб., 1910.
Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Переселенческое дело в Туркестане.—СПб., 1910.
Очерки истории культуры Советского Узбекистана.—М., 1955.
Пален К. К. Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края. Материалы и характеристика народного хозяйства в Туркестане. Ч. I.—СПб., 1911.
Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сборник законов и распоряжений. (Сост. В. П. Вощинин).—Пгр., 1915.
«Революционный Восток», 1936 г., № 1.
Рефераты заседаний VI археологического съезда в Одессе.—Одесса, 1884.
Розвадовский В. К. Кустарные промыслы в Туркестанском крае.—Т., 1915.
Романовский Д. И. Заметки по среднеазиатскому вопросу.—СПб., 1868.
Россия в Средней Азии. Путешествия Маркова [Евг]. Т.Т. I. II.—СПб., 1901.
Садыков А. С. Россия и Хива в конце XIX—начале XX века.—Т., 1972.
Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября.—Т., 1973.
Субботин А. П. Россия и Англия на среднеазиатских рынках.—СПб., 1885.
Султаны Кенисара и Садык. Биографические очерки султана Ахмета Кенисары.—Обработано для печати и снабжено примечаниями Е. Т. Смирновым.—Т., 1889.
Сухарева О. А. Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане (конец XIX—начало XX

века). Краткие сообщения института этнографии АН СССР. XXX.—М., 1958.
Терентьев М. А. Статистические очерки Среднеазиатской России. Записки Русского Географического общества. Отдел статистики. Т. IV.—СПб., 1874.
Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 3.—СПб., 1906.
Труды III-съезда деятелей по сельскому хозяйству Туркестанского края. (Под ред. Р. Р. Шредера и П. К. Квитина).—Т., 1914.
Туркестанские ведомости.—Т., 1871—1914.
Туркестанский сборник статей, заметок и корреспонденций. Т. 6.—СПб., 1907 г.
Туркестанское сельское хозяйство.—Т. 1906—1908.
Труды историко-археографического института. Материалы по истории народов СССР. Татарская АССР. Материалы по истории Татарии второй половины XIX в. Вып. VI., Ч. I.—М.—Л., 1956.
Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.).—М., 1965.
Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (пер. пол. XIX в.).—М., 1974.
Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70 е годы).—Т., 1969.
Шишкин В. А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей. В кн.: Афрасиаб., вып. I.—Т., 1969.
Южаков С. Н. Переселенческий вопрос.—«Северный вестник», СПб., 1886.
Юферев В. И. Труд в хлопковых хозяйствах Туркестана (опыт характеристики рабочего вопроса в хлопковых районах Туркестанского края).—СПб., 1914.
Якубовский А. Ю. Из истории археологического изучения Самарканда: Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. Вып. И.—Л., 1940.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3
ВВЕДЕНИЕ 7
РАЗДЕЛ I. ПРЕДПОСЫЛКИ КОЛОНИЗАЦИИ ТУРКЕСТАНА РОССИЕЙ

Глава I. Государства и народы Центральной Азии к середине XIX века 15

Глава II. Основные причины и факторы усиления экспансии царизма в Центральной Азии 32

РАЗДЕЛ II. ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В ТУРКЕСТАНЕ

Глава I. Колониалистская система военно-административного управления в Туркестанском крае 39
Глава II. Эксплуатация экономики и народных масс Туркестана в интересах Российской империи 58

РАЗДЕЛ III. ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА И КОЛОНИАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ В ТУРКЕСТАНЕ.

Глава I. Основные цели и этапы переселения части российского населения в Центрального Азию 84
Глава II. Методы и характер расселения переселенцев из метрополии на территории Туркестана. 98

РАЗДЕЛ IV. КУЛЬТУРА И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ КОЛОНИАЛЬНОГО ТУРКЕСТАНА.

Глава I. Отношение властей к мусульманской конфессии и общественным традициям народов местных национальностей. 130
Глава II. Колониалистская практика и культура, образование коренных народов Туркестана 145
Библиография 197

Файзулла Бурибаевич Исхаков

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В ТУРКЕСТАНЕ

ИБ № 6830

Сдано в набор 12.11.97. Подписано к печати 5.11.97. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Гарнитура литературная. Печать высокая. Бумага газетная. Усл.-печ. л. 12,0. Уч-изд. л. 14,75. Тираж 1000. Заказ № 86. Цена договорная.

Издательство «Фан» АНРУз: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70. Янгиюльская арендная книжная фабрика Госкомпечати Республики Узбекистан. Янгиюль, ул. Самаркандская, 44. 1997.